

ISSN 2220-7929

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

Харківського національного університету
імені В. Н. Каразіна

№ 1134

Серія «ІСТОРИЯ»

Випуск 49

Спеціальний випуск

Заснована 1964 року

Харків 2014

Редакційна колегія:Відповідальний редактор – д-р іст. наук, професор **С. І. Посохов** (ХНУ імені В.Н.Каразіна)**Калініченко В. В.**, д-р іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Наумов С. О.**, д-р іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Сергєєв І. П.**, д-р іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Сорочан С. Б.**, д-р іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Станчев М. Г.**, д-р іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Чувпило О. О.**, д-р іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Астахова К. В.**, д-р іст. наук, професор (Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»)**Греченко В. А.**, д-р іст. наук, професор (Харківський національний університет внутрішніх справ)**Потрашков С. В.**, д-р іст. наук, професор (Харківська державна академія культури)**Сенін О. С.**, д-р іст. наук, професор (Російський державний гуманітарний університет)**Тодєв І.**, д-р іст. наук, професор (Болгарська академія наук)**Явор Г.**, д-р іст. наук, професор (університет Марії Кюрі-Склодовської, Польща)**Буйнов Ю. В.**, канд. іст. наук, доцент (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Духопельников В. М.**, канд. іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Іващенко В. Ю.**, канд. іст. наук, доцент (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Куделко С. М.**, канд. іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Пуґач Є. П.**, канд. іст. наук, професор (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Куліков В. О.**, канд. іст. наук, доцент (відп. секретар, редактор спецвипуску) (ХНУ імені В. Н. Каразіна)**Шатохін І. Т.**, канд. іст. наук, професор (Белгородський державний національний дослідницький університет)**Адреса редакційної колегії:**

Україна, 61022 Харків, майдан Свободи, 4, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет. Тел.: (057) 707-56-68; факс: (057) 702-03-79

E-mail: istvestnik@gmail.com; сайт: <http://history.karazin.ua>**Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2014. – № 1134: Серія «Історія». – Вип. 49. – 252 с.**

Спецвипуск «Вісника» містить статті та матеріали, об'єднані тематикою історії бізнесу – напряму досліджень, що фокусуються на вивченні еволюції систем бізнесу, історії менеджменту, історії підприємництва та підприємницького середовища; історії окремих підприємців, підприємницьких династій, фірм, а також взаємодії бізнесу із політичним, соціальним та культурним середовищем.

Для викладачів, науковців, студентів і всіх, хто цікавиться історією.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування

Видання спецвипуску здійснено за фінансової підтримки Східного Інституту українознавства імені Ковальських.

Свідцтво про державну реєстрацію КВ № 11825-696 ПР від 04.10.06

© Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, оформлення, 2014

<i>Бизнес-история как научное направление</i>	5
СТАТТІ	
Беликов Юрий Купеческая династия Жевержеевых: портрет двух поколений предпринимателей пореформенного Харькова	18
Венгер Наталья Российский националистический дискурс и меннонитское этническое предпринимательство: генезис и динамика социально-политического конфликта (1830–1917)	40
Дейнеко Сергій Всеросійська спілка митних службовців у 1917 році	57
Куделко Сергей Деловая активность преподавателей Харьковского императорского университета в XIX веке (к постановке проблемы)	69
Kulikov Volodymyr Escaping paternalism: transfer of managerial models by foreign industrialists to South Russia in the late 19th – early 20th century	78
Лисенко Майя Сільськогосподарські виставки в Харківській губернії (кін. XIX – поч. XX ст.)	94
Моргун Олег Становление откупной системы и чифтлик в Османской империи (конец XVI – XVIII вв.)	106
Москалец Владислава Конфлікти у нафтовій промисловості Галичини у XIX столітті як маркер економічних змін	120
Попов Алексей Репетиция капитализма?: международная коммерческая деятельность оргкомитета «Олимпиада-80» (1975-1980 гг.)	129
Скубій Ірина Підприємницькі ризики у сфері торгівлі в Харкові в роки непу	144
Скубневский Валерий Платоновы и Судовская: к истории коммерческого предприятия	157
Шандра Ірина Вітчизняна буржуазія на шляху до європейської форми представництва (кінець XIX – початок XX ст.)	172

МАТЕРІАЛИ, ДЖЕРЕЛА, ПОВІДОМЛЕННЯ

- Бацак Наталія** Становлення торговельно-господарської діяльності грецької спільноти Надазов'я наприкінці XVIII ст. в умовах етнічного самоврядування за документами Маріупольського грецького суду (з фондів ЦДДА України у Києві) 185
- Волосник Юрій** Благодійництво приватних підприємців України в роки непу 201
- Константинова Вікторія, Лыман Игорь** Бердянские купцы XIX столетия: материалы к просопографическому портрету 206
- Корниенко Ольга** Организация и система управления французскими предприятиями сферы модельного бизнеса глазами советских модельеров (по архивным материалам 1950-1960-х годов) 218
- Protsenko Michael** The Pavlovs merchants: From the history of hotel business in Kharkiv 230

РЕЦЕНЗІЇ, ОГЛЯДИ, ПОДІЇ

- Волосник Юрій, Любавский Роман** Рецензия на монографию Б. М. Шпотова «Американский бизнес и Советский Союз в 1920-1930-е годы. Лабиринты экономического сотрудничества» (Москва, 2013). 239
- Куликов Владимир** Международная конференция по бизнес-истории (Франкфурт-на-Майне, 16-17 марта 2014 года) 242
- Скиданова Антоніна** Рецензія на монографію Ю. П. Волосника «Підприємці і приватне підприємництво в радянській державі в добу НЕПу (на матеріалах України)» (Харків, 2014 р.) 246

Інформація про авторів

Список скорочень

- 249
- 251

Бизнес-история как научное направление

По определению «Оксфордского руководства по бизнес-истории», бизнес-история – направление исследований, сфокусированных на изучении развития бизнес-систем, предпринимателей, фирм в их историческом контексте взаимодействия с политической, экономической и социальной средой [1, 1].

В других публикациях можно найти отличные от приведённого определения, но несомненно *фирма*, как ведущая форма предпринимательства в новое и новейшее время, является центральным объектом анализа. Наряду с фирмами, бизнес-историки также занимаются изучением истории частного предпринимательства и предпринимателей, управления и управляющих, предпринимательских стартапов, бизнес-групп, монополий, трансфера технологий и т.п.

Перечень вопросов, на которые бизнес-историки ищут ответы, чрезвычайно широк: почему и как возникают фирмы? В чём заключается «секрет успеха» бизнеса, или почему одни компании процветают, а другие приходят в упадок и уходят с рынка? Почему при сходных стартовых условиях развитие различных фирм происходит по-разному? Какова роль собственника и лидера, власти и влияния в развитии успешного бизнеса? Каковы оптимальные структурные параметры организации той или иной формы бизнеса? Каковы критерии целесообразности финансовых затрат при техническом переоснащении фирмы? Как влияет на развитие предпринимательства государственное регулирование? Какова роль культурной среды и как она влияет на деятельность бизнеса?

В фокусе внимания историков бизнеса – проблема взаимоотношений между головным офисом и дочерними компаниями; конфликт интересов между принципалом и агентом; взаимодействия фирмы с внешней средой; процессы глобализации; трансфер технологий; производственные, маркетинговые и управленческие революции; бизнес-образование и предпринимательская культура и многое другое.

Тесно связанными с бизнес-историей являются такие направления, как экономическая история, история менеджмента, история и теория организаций, социальная история, рабочая история (labor history).

СТАНОВЛЕНИЕ

Становление направления обычно связывают с появлением группы исследователей в Гарвардской бизнес-школе, которые в 1926 г. начали выпуск «Bulletin of the Business Historical Society» – журнала, который позже превратился в «Business History Review». В 1927 г. в Гарварде была открыта кафедра истории бизнеса, которую возглавил Норман Грэс.

Бизнес-история появилась на свет как прикладная дисциплина, изучающая практическую деятельность фирм и компаний, ориентированная на анализ стратегий менеджмента, организационных инноваций, структурной реорганизации на том или ином предприятии [2]. Вслед за появлением самой бизнес-истории, возникает новое направление в архивоведении – «бизнес-архивоведение» [3, 182].

Ещё одной важной вехой развития бизнес-истории стало открытие в США Центра по изучению истории предпринимательства (Center for Research in Entrepreneurial History). Деятельность этого центра, основанного Йозефом Шумпетером и Артуром Коле, на многие годы определила историю предпринимательства как одного из важнейших направлений исследовательского фокуса бизнес-историков.

Несмотря на появление в направлении теорий, объясняющих долговременные экономические процессы, до 1960-х бизнес-история преимущественно оставалась дисциплиной, ориентирующейся на собирание и анализ историй отдельных компаний – case studies [4]. Один из отцов-основателей дисциплины, Норман Грэс считал, что главная задача бизнес-историка – собрать биографии предпринимателей и истории фирм из архивов предприятий, а затем на основании обобщения этих частных случаев делать теоретические выводы [5, 2].

Подводя некий итог развитию направления в Гарвардской школе бизнеса к концу 1950-х годов, преподаватель школы Барри Саплл писал: «наши курсы направлены на изучение бизнесменов и бизнеса в прошлом: изучение истории производства, методов, технологий, развития, структуры и роли бизнеса в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, эти студии далеко не находятся в изоляции от остальной экономической и социальной истории» [6, 575].

Рубеж 1950–60-х годов ознаменовался завершением «младенческого этапа» бизнес-истории в США [7, 144]. Направление начинает претендовать на независимость от экономической истории, выступать как самостоятельное междисциплинарное научное направление [6].

В конце 1950-х – начале 1960-х годов происходит формирование исследовательских центров по изучению истории бизнеса и в

Западной Европе. В 1958 г. в Великобритании начинает издаваться журнал «Business History» – один из ведущих журналов направления вплоть до сегодняшнего дня. В 1990 г. британские историки учредили «Ассоциацию бизнес-историков» (Association of Business Historians), которая занимается «изучением всех аспектов исторического развития предпринимательства, бизнеса и предпринимательской деятельности в целом и их взаимосвязи с социальной, культурной, экономической и политической средой» [8]. Подобные организации появляются в 1970-1980-е годы и в Германии, Бельгии, Италии, Нидерландах.

Потребность скоординировать деятельность различных европейских центров по изучению бизнес-истории была реализована в 1994 г. созданием «Европейской ассоциации истории бизнеса». Ассоциация ставит своей целью содействие проведению научных исследований, преподаванию и публичной информированности обо всех аспектах европейской бизнес-истории и истории менеджмента. Она нацелена на создание интеллектуальных сообществ для реализации совместных исследовательских проектов и академического обмена в области истории бизнеса [www.ebha.org].

АЛЬФРЕД ЧАНДЛЕР

Особое место в становлении и развитии бизнес-истории принадлежит американскому исследователю, профессору Гарвардского университета Альфреду Чандлеру (1918-2007). В первом из трех главных трудов учёного – «Стратегия и структура: главы из истории промышленного предприятия», рассмотрены процессы становления и развития четырех крупнейших американских корпораций рубежа XIX–XX вв. General Motors, Standard Oil, DuPont и Sears, Roebuck & Co. [9]. В этой работе автор показал процесс становления и развития мультидивизиональной структуры предприятий под влиянием меняющихся исторических условий.

В книге «Видимая рука: управленческая революция в американском бизнесе», удостоенной престижных Пулитцеровской премии и премии Банкрофта, Чандлер демонстрирует как крупный бизнес приходит на смену мелкому и среднему бизнесу в США после окончания Гражданской войны [10]. По мнению Чандлера, в новых условиях глобального рынка, в основе которого лежат транспортная революция и массовое производство, корпорации обладают организационными способностями, недоступными их меньшим по размерам конкурентам. В результате происходят фундаментальные изменения в отношении сил, движущих экономику. На смену «невидимой руке» рынка в

вопросе распределения товаров и услуг приходят профессиональные менеджеры крупных корпораций – «видимая рука» экономического развития.

В работе «Масштаб и разнообразие: движущие силы промышленного капитализма» Альфред Чандлер проанализировал общее и особенное в развитии современной корпорации в ведущих промышленно развитых странах – США, Великобритании и Германии [11]. По мнению коллеги Чандлера, Майры Уилкинс, он выбрал именно эти страны, поскольку полагал, что они сыграли ключевую роль в современной экономической экспансии [12, 259]. Чандлер показал, что несмотря на различие в моделях капитализма, во всех трёх случаях крупные промышленные фирмы (large industrial firm) стали локомотивом современного экономического роста. Во-первых, подобные фирмы концентрировали капитал и труд в такой степени, в которой традиционные фирмы себе позволить не могли. Во-вторых, они послужили толчком к развитию профессионально-технического образования и обучению навыкам профессионального администрирования. В третьих, они дали импульс развитию мелкого и среднего бизнеса, который обслуживает потребности крупных корпораций.

Подытоживая, можно сказать, что в своих работах Альфред Чандлер предложил теорию предприятия современного типа (Modern Business Enterprise). Создание мультидивизиональных фирм, по мнению Чандлера, стало магистральной линией модернизации Западной экономики. Чандлеровские работы завершили переход от доминирования истории отдельных фирм и предпринимателей к концептуальным исследованиям эволюции бизнеса и завершили процесс становления бизнес-истории как отдельного направления.

Интересно, что по мнению некоторых специалистов, влияние Альфреда Чандлера в смежных с историей дисциплинах (экономическая теория, администрирование) было гораздо более сильным, чем в сообществе профессиональных историков [13]. Это, пожалуй, один из немногих примеров, когда профессиональные историки становятся не «потребителями», а «производителями» широко востребованной междисциплинарной теории.

До сегодняшнего дня влияние Чандлера остается сильным, его работы, как в свое время труды Йозефа Шумпетера, на много лет вперед задали направление исследований [14, 48]. Идеи Чандлера по-прежнему критикуют, уточняют, развивают. Если в последней

четверти XX в. в центре внимания были преимущественно события, связанные с эволюцией фирмы во второй половине XIX – первой половине XX века в США, Западной Европе и Японии, то теперь, в «постчандлерианский» период, бизнес-история значительно расширила территориальные и временные рамки, а так же круг вопросов, находящихся в центре внимания исследователей.

Во многом это связано с большими изменениями в обществе в связи с микрокомпьютерной революцией. IT сфера становится лидирующей, на сегодняшний день в мире доминируют компании, которых в чандлерианскую эпоху не существовало – Apple, Google, Microsoft. Кроме того, мы можем наблюдать тенденции, отчасти противоположные описанным Чандлером: роль крупных корпораций уменьшается, растет влияние среднего бизнеса и т.д.

Однако до сих пор именно фирма, как важнейший элемент рыночного хозяйства, остается главным объектом изучения бизнес-историков. Поэтому среди широкого разнообразия теорий и концепций, используемых историками бизнеса, теории фирм, институционализм, эволюционная теория экономических изменений остаются наиболее востребованными.

МЕТОДОЛОГИЯ

Говоря о специфике направления в методологическом отношении, прежде всего стоит отметить тяготение к **междисциплинарному подходу**. Бизнес история традиционно опиралась на «три кита» – экономическую теорию, теории предпринимательства и научный менеджмент (management studies). Вместе с тем, историки бизнеса активно пользуются методологическим и понятийным аппаратом социологии, социальной психологии, экономической географии и других экономических и социально-политических дисциплин. Одной из характерных черт направления является сочетание качественных и описательных методов, использование как герменевтических подходов, так и инструментария математической статистики. В отличие от экономической истории, бизнес-история меньше прибегает к сложным математическим методам. По подсчетам специалистов, количество статей, в которых были использованы «сложные количественные методы» в журналах «Business History Review» и «Business History» за 1990-2000 гг. было меньше 7% [13, 88].

По мнению российского историка Ирины Поткиной, на современном этапе бизнес-история демонстрирует очень тесные связи с различными отраслями гуманитарного знания, и поэтому она опирается на ту методологию, которая необходима для решения поставленных задач

[7, 154]. Таким образом, это направление в значительной степени базируется на концепциях социальных и гуманитарных дисциплин. В отличие от обычного микроэкономического подхода, бизнес-история подходит к изучению фирм и предпринимателей не только как объектов, интересных самих по себе, а как к части национальной социально-экономической системы [7, 155].

Осмелимся утверждать, что соотношение между теорией и эмпирикой в бизнес-истории более сбалансировано по сравнению с работами экономических историков (более теоретическими), поэтому направление имеет больше отзывчивых читателей среди «чистых» историков. Меньшую теоретизированность бизнес-истории, по сравнению с экономической историей, и в значительной степени её ориентированность на case studies подход, некоторые называют слабым местом направления. Однако существует мнение, что в этой слабости – сила: опора на case studies дает возможность избежать поверхностности, заглянуть вглубь процессов. Среди других сильных сторон бизнес-истории – критический анализ источников; исключительная роль архивных материалов как основы источниковой базы; отсутствие доминирующей теоретической парадигмы; способность бизнес-историков понимать развитие бизнеса и предпринимательства в их временном контексте [4, 4-5].

Важной задачей историков бизнеса является **преодоление национального подхода** в изучении истории бизнеса. Большинство бизнес-историков по-прежнему работают преимущественно в национальных границах [1, 3]. Необходимо выходить за национальные рамки, изучать трансграничные стратегии и практики. Это особенно важно в отношении изучения истории мультинациональных компаний и глобализационных процессов: была ли стратегия мультинациональных компаний в данной стране принципиально отличной от стратегии в другом государстве? Насколько бизнес был чувствителен к разным культурно-историческим условиям? Как он на них реагировал?

Для историков бизнеса не менее актуальным, чем для политических и социальных историков, является **соблюдение баланса между «краткосрочными» и «долгосрочными» исследованиями**. Ещё до выхода «Исторического манифеста», опубликованного американскими историками Джо Гулди и Дэвидом Армитажем [15], в котором авторы призывают историческое сообщество к *longue durée* исследованиям, бизнес-историки обратили внимание на необходимость преодоления тенденции к исследованиям коротких временных процессов. В

2014 г. в Утрехте Европейская ассоциация бизнес-истории провела специальный конгресс, посвящённый обсуждению истории бизнеса в разных регионах мира в долгосрочной исторической ретроспективе, с намерением лучше разглядеть «большую картину» истории бизнеса [www.ebha-2014.eu].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СПЕКТР

Говоря о перспективах направления, американские учёные Уолтер Фридман и Джефри Джонс выделили несколько наиболее заслуживающих, с их точки зрения, направлений бизнес-истории: история предпринимательства, инновации, глобализация, бизнес и окружающая среда, роль государства [16, 3-8]. Охарактеризуем коротко каждое.

1) История предпринимательства. Большой вклад в изучение истории предпринимательства был сделан экономистами, историкам же долгое время отводилась роль поставщиков эмпирического материала и «обкатки» теорий, предложенных экономистами. Последнее время все чаще можно встретить утверждение, что в управленческих и бизнес-стратегиях «история значима» («history matters»). Дело здесь не только в том, что прошлое содержит уроки, забывая которые предприниматели и менеджеры «вновь изобретают колесо» [17, 154]. Не только потому, что бизнес-история опирается на бесценный эмпирический архивный материал. Но исторический подход ещё и развивает наши возможности долгосрочного планирования. Исторический подход помогает искать ответы на такие вопросы, как что являлось залогом предпринимательского успеха, а что приводило к краху? Насколько важным является социокультурное измерение бизнеса? и т.п.

2) Инновации. Бизнес-историки традиционно отводили проблеме трансфера технологий и инноваций важное место в своих работах. Где и как рождались инновации, как происходила диффузия инноваций? Кто был ключевым агентом инновационного трансфера? Какие условия являлись благоприятными для развития трансфера, а какие факторы усложняли процесс передачи знаний? Насколько хорошо переданные знания приживались на местах («knowledge stickiness»)? Историкам предстоит глубже разобраться в том, как институциональные и культурные различия в разных странах влияли на трансфер инноваций.

3) Глобализация. С появлением глобальной экономики и первых мультинациональных корпораций в XIX в. эти явления пытаются осмыслить не только экономисты, но и историки. Бизнес-историки показали, что мульти- и транснациональные корпорации с одной

стороны стали результатом процессов глобализации, с другой – в значительной степени сами породили эти условия. Как получилось, что мультинациональные корпорации стали основой мировой экономики? Является ли глобализация единственным путем человечества? Как преодолеть негативные последствия глобализационных процессов?

4) Бизнес и окружающая среда. В условиях возникновения всё новых глобальных экологических проблем, бизнес-историки активнее начинают заниматься изучением проблемы бизнеса и его влияния на окружающую среду в исторической ретроспективе. Как бизнес влиял на изменение окружающей среды? Насколько он ответственен за техногенные катастрофы? Как можно снизить негативные последствия разрушительного воздействия промышленности в условиях потребительского общества?

5) Роль государства. Дискуссия о роли государства для стран, вступивших на путь индустриального развития позже Великобритании и США является одной из центральных тем в исследованиях «о природе и причинах богатства народов». Применительно к истории России, по мнению российского историка Валерия Бовыкина «В экономической истории России нет, наверное, другого вопроса, который вызывал бы столько споров, как вопрос об оценке пореформенной экономической политики самодержавия» [18, 9]. Широкая дискуссия в международном научном сообществе по поводу исторической роли государства в экономике «развивающихся» стран началась с публикаций американского историка Александра Гершенкрона, предложившего концепцию «догоняющего развития» [19]. Суть идеи Гершенкрона заключается в том, что в странах, запоздавших с индустриализацией (по терминологии Гершенкрона – «backward», т.е. «отсталых»), государство берет на себя роль, которую в странах, ранее вступивших на индустриальный путь развития играет частная инициатива. При этом, по мнению Гершенкрона, догоняющие страны могут воспользоваться «преимуществами отсталости» – ускоренно развивать экономику за счёт заимствования технологий у более развитых экономических систем. Ответы на вопросы о роли государства в экономиках разных стран, возникшие в той дискуссии ещё в 1960-е, историки ищут до сих пор. Насколько государство можно считать локомотивом индустриализации и модернизации в странах «запоздалой индустриализации»? Насколько инвестиционные программы государственной предприятий стали ответом на общественные нужды? Как государство реагировало на становление предприятия современного типа и насколько его самого затронули процессы управленческой революции?

б) Бизнес и демократия. Очевидный на первый взгляд вывод о прямой зависимости уровня экономического развития от уровня демократии опровергается многочисленными историческими примерами: начиная от примеров экономического развития Третьего рейха или советской индустриализации 1930-х, заканчивая фантастическим ростом современной китайской экономики. Почему бизнес оказывал слабое сопротивление, или даже сотрудничал с тоталитарными режимами? Насколько бизнес ответственен за распространение или сворачивание демократии? В какой степени экономические успехи или неудачи определяются формой государственного устройства?

ПЕРСПЕКТИВЫ

На сегодняшний день бизнес-история как направление демонстрирует устойчивую позицию в профессиональном историческом сообществе и хорошие перспективы развития.

По состоянию на конец 2014 г. в Топ-20 самых цитируемых исторических журналов по версии Google Scholar вошли два ведущих журнала по бизнес-истории: «Business History» – 7-е место, «Business History Review» – 12-е место. К тому же журналы по экономической истории, часто публикующие статьи по истории бизнеса, стабильно занимают первые места списка: «The Journal of Economic History» – 1-е место, «The Economic History Review» – 2-е место.

Ведущие ассоциации бизнес-историков – «The European Business History Association» [<http://www.ebha.org/>], «Business History Conference» [<http://www.thebhc.org/>], «The Association of Business Historians» [<http://www.abh-net.org/>] каждый год собирают на своих конференциях больше сотни участников из десятков стран мира.

В упомянутой выше статье о перспективах бизнес-истории, опубликованной в спецвыпуске «Business History Review» Уолтер Фридман и Джеффри Джонс называют такие основные центры бизнес-истории на сегодняшний день: Гарвардская школа бизнеса, Бизнес-школа Стерна Нью-Йоркского университета, Огайский государственный университет, Токийский университет, Копенгагенская школа бизнеса, Норвежская школа менеджмента, Утрехтский университет, Университет Боккони, Лондонская школа экономики, университет Ридинг, университет Глазго и др. [16, 2] Количественное отношение участников ведущих конференций по бизнес-истории подтверждает эти наблюдения: это преимущественно специалисты из США, Великобритании, скандинавских стран, Японии, Нидерландов, Италии, Канады, Южной Кореи.

Украинские академические учреждения, как видим, в списке Фридмана и Джонса не упоминаются. Действительно, украинские исследователи в ведущих журналах и на специальных конференциях по бизнес-истории практически не представлены. В связи с этим, характеристика, данная Юрием Благовым состоянию российской истории бизнеса вполне может быть применена и к украинской ситуации: «Исследование истории российского бизнеса преимущественно не носит институционального характера, часто сводясь к описанию “портретов российских предпринимателей” прошлого и настоящего» [20, 176].

Таким образом, бизнес-история в украинском интеллектуальном пространстве находится в зачаточном состоянии. Опубликованные работы по истории предпринимателей и предприятий представляют собой либо экономическую историю, с её макроэкономическим подходом и массой цифр; либо нарратив о предпринимателях в стиле «жизнь замечательных людей»; либо истории заводов, написанные к юбилеям предприятий историками или любителями-краеоведами. Вместе с тем, на сегодняшний день в украинской исторической науке накоплен богатый эмпирический материал, который мог бы пролить свет на многие важные вопросы, накопившиеся у сообщества бизнес-историков.

Предлагаемый сборник не претендует на существенный прорыв в развитии бизнес-истории в Украине, это скорее приглашение начать работу в этом направлении*.

Владимир Куликов

Примечания

1. *The Oxford Handbook of Business History* / ed. G. Jones and J. Zeitlin. – Oxford: Oxford Handbooks Online 2008. – 717 p.
2. *Бибиков М. В.* История бизнеса в мире и российская экономика вчера и сегодня: взгляды, концепции, оценки / М. В. Бибиков // *Экономическая история. Обозрение.* – 2000. – 5.

* This paper was written within my research in the framework of the TAMOP 4.2.4.A/2-11-1-2012-0001 “National Excellence Programme – Elaborating and operating an inland student and research personal support system convergence programme”, key project, which is subsidized by the European Union and Hungary and co-financed by the European Social Fund.

3. *Кюнг П. А.* О деятельности общественных организаций по сохранению документации бизнес-архивов в Европе / П. А. Кюнг // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета.* – 2011. – № 18. – С. 181–191.
4. *Jong A. D.* *New Business History? An Invitation to Discuss* / A. D. Jong, D. Higgins, H. V. Driel. 2012. URL: <http://newbusinesshistory.files.wordpress.com/2012/06/new-business-history-july-6-2012.pdf>
5. *Lepore A.* *New research methods of business history* / A. Lepore // *Munich Personal RePEc Archive.* – 2012. – № 36952. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/36952/>
6. *Supple B. E.* *Business History at the Harvard Business School* / B. E. Supple // *The Business History Review.* – 1959. – 33(4). – P. 575–579.
7. *Поткина И. В.* Современное состояние «business history» (истории предпринимательства) за рубежом / И. В. Поткина // *Экономическая история. Обозрение.* – 2001. – 6. – С. 142–155.
8. *Association of Business Historians 2013.* Official web site. URL: <http://www.abh-net.org/>
9. *Chandler A. D.* *Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise* / A. D. Chandler. – Cambridge, MA: MIT Press, 1962. – 463 p.
10. *Chandler A. D.* *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business* / A. D. Chandler. – Harvard: Harvard University Press, 1977. – 608 p.
11. *Chandler A. D.* *Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism* / A. D. Chandler. – Harvard: Harvard University Press, 1994. – 780 p.
12. *Wilkins M.* *Chandler and Global Business History* / M. Wilkins // *The Business History Review.* – 2008. – 82(2). – P. 251–266.
13. *Eloranta J.* *Are Business Historians Quantitatively Illiterate?* / J. Eloranta, J. Ojala, H. Valtonen // *Management & Organization History* –2010. – 5(1). – P. 79–107.
14. *Шномов Б. М.* Теория эволюции фирмы Альфреда Д. Чандлера и пути развития промышленности / Б. М. Шпотов // *Экономическая история: Ежегодник.* 2009. – Москва: РОССПЭН, 2009. – С. 21-50.
15. *Guldi J.* *The History Manifesto* / J. Guldi, D. Armitage. – Harvard: Cambridge University Press, 2014. – 165 p.
16. *Friedman W. A.* *Business History: Time for Debate* / W. A. Friedman, G. Jones // *Business History Review.* – 2011. – 85(1). – P. 1–8.
17. *Piercy N.* *Business history and operations management* / N. Piercy // *Business History.* – 2012. – 54(2). – P. 154-178.

18. *Бовыкин В. И.* Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861-1900 гг. / В. И. Бовыкин // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – Москва: РОССПЭН, 2003. – С. 9–32.
19. *Gershenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective / A. Gershenkron. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1962. – 456 p.
20. *Благов Ю. Е.*, История бизнеса как путь познания. Рец. на книгу: Chandler Alfred D., Jr. *Inventing the Electronic Century: The Epic Story of the Consumer Electronics and Computer Industries.* The Free Press, 2001 / Ю. Е. Благов // Российский журнал менеджмента. – 2005. – 3(4). – С. 169–177.

СТАТТІ

**Купеческая династия Жевержеевых:
портрет двух поколений предпринимателей
пореформенного Харькова**

Юрий Беликов

В статье на примере харьковской династии Жевержеевых исследованы экономические, общественно-политические, повседневные и другие аспекты жизни провинциального купечества – торгового сословия, в пореформенный период ставшего основой предпринимательства Российской империи и беспощадно уничтоженного в годы Гражданской войны, изучена деятельность одной из крупнейших торговых фирм Донецко-Криворожского хозяйственного района – торговый дом «Н.А. Жевержеев и сын».

Ключевые слова: купечество, предпринимательство, Харьков

В судьбе харьковских купцов Жевержеевых как в капле воды отразилась история всего купеческого сословия от эпохи Великих реформ до установления советской власти. И современники, и позднейшие историки считали ее владельцев представителями деловой и общественной элиты Российской империи [16, с. 48; 12, с. 165; 41, с. 260–267]. Изучение истории предпринимательства на микроуровне позволяет лучше исследовать его повседневную деятельность; глубже понять психологию и менталитет предпринимателя той эпохи; представить, как жили и работали люди, которые находились в центре многих экономических и общественно-политических процессов и в значительной степени ими управляли.

Основатель известной харьковской фирмы – Николай Алексеевич Жевержеев русский по национальности и православный по вероисповеданию родился 23 ноября 1827 г. в Изюмском уезде. Он являлся типичным представителем купечества своего времени. Не получив никакого образования, кроме «домашнего воспитания» [6, оп. 1, д. 1359, л. 6 об., 8], он начал предпринимательскую деятельность еще на родине, затем перенес дело в Харьков «и здесь в угловом

погребке-подвале открыл на самых примитивных и скромных началах свою виноторговлю» [39. – 1906. – 26 августа]. Питейное заведение располагалось под лавками Гостиного двора (или ряда) в Соборном переулке, проходящем с северной стороны Успенского собора. Поселился новоиспеченный харьковчанин в собственном доме на ул. Клочковской. Николай Алексеевич закрепил статус жителя губернского города и формально: с 1860 г. он записался в харьковское купечество.

Показательно, что в купеческое сословие он перешел из мещан еще одного уездного центра Харьковской губернии – Богодухова [5, оп. 1, д. 734, л. 82 об.; 6, оп. 13, д. 26а, л. 71 об.]. Принадлежность подданного Российской империи, а, следовательно, и членов его семьи к мещанскому или к купеческому сословию (так же как и принадлежность к той или иной купеческой гильдии) была связана с его материальными возможностями и напрямую зависела от суммы ежегодно уплачиваемого торгово-промышленного налога. Один и тот же человек вполне мог родиться в купеческой семье, но из-за неблагоприятной финансовой ситуации оказаться в мещанском сословии, затем, разбогатев, вновь вернуться в купечество, и более того, обладая известной удачей и дарованиями, продвинуться по сословно-иерархической лестнице еще выше, получив почетное гражданство и, даже, дворянство [11, с. 156 – 159].

Николай Алексеевич Жевержеев быстро развивал свое дело. В нач. 70-х годов XIX в. он владел уже двумя винными погребами в Гостином дворе и магазином на Торговой (ныне – Розы Люксембург) площади в доме Павлова. Главными поставщиками харьковского купца являлись Санкт-Петербургский торговый дом «Братья Елисеевы» и ликероводочный завод Ф.А. Штритера в Москве. Постепенно Николай Алексеевич начал закупать алкогольную продукцию непосредственно во всех винодельческих районах Российской империи – Крым, Кавказ, Бессарабия. Открытие в Харькове главной складочной таможни (1870 г.) значительно облегчило ввоз товаров из-за границы, чем также не преминул воспользоваться этот купец. На складах его фирмы разрешалось хранить иностранные товары, которые еще не прошли официальную процедуру оформления. Помимо крепких напитков в Жевержеевских лавках можно было купить бакалейные товары и другие пищевые продукты [40 на 1873 год; ... на 1879 год, с. 10].

Торговля приносила большую прибыль. Так, ежегодный доход (2200 руб.) от лавки в Гостином ряду по Соборному переулку, купленной 9 августа 1878 г., в 5,5 раз превышал расходы на

нее (404 руб.). При этом само каменное двухэтажное торговое помещение, крытое железом, оценивалось (1882 г.) всего лишь в 6849 руб. Кроме магазина, здесь располагалась главная контора фирмы Николая Жевержеева. Помимо оптовой и розничной торговли Николай Алексеевич регулярно выполнял государственные подряды и осуществлял поставки [6, оп. 1, д. 959 и др.].

В 1873 г. (в некоторых анкетах для министерства внутренних дел Николай Алексеевич собственноручно указывал другую дату – 1869 г., хотя сами анкеты он начал ежегодно подавать в губернскую администрацию только с 1877 г.) этот купец открыл собственную крупорушную мельницу и завод по производству шипучих (игристых) вин и фруктовых вод. На последнем из разных виноградных вин, которые закупались на Южном берегу Крыма и в самом Харькове, производились «Крымское шампанское» и «Донские» вина. В 1878 г. к промышленным заведениям Николая Жевержеева добавился уксусный завод. Все три предприятия первоначально располагались по месту жительства владельца. Только в нач. 80-х годов XIX в. для завода шипучих вин и фруктовых вод было арендовано здание в Горяиновском переулке (ныне – ул. Квитки-Основьяненко). Тогда же здесь стали производить искусственные минеральные воды.

В 70–90-е годы XIX в. на всех «заводах» одновременно работали 2 мастера и 10–15 рабочих. Тем не менее, совокупный объем продукции этих предприятий уже в конце 70-х годов достигал 100 тыс. руб. в год. При этом гречневая крупа продавалась (в разные годы) по цене 1 руб. 25 коп. – 1 руб. 50 коп. за пуд (16,4 кг), уксус (1892 г.) – 1 руб. 10 коп. за ведро (12,3 л), игристые вина разных марок – от 40 коп. до 1 руб. 50 коп., фруктовые воды – 10 коп. за бутылку [40 на 1879 год, с. 107, 118; 1, оп. 278, д. 9, л. 614, 655; ... оп. 281, д. 37, л. 335, 376; 7, оп. 1, д. 152, л. 12 – 12 об., 109 – 109 об.].

В нач. 80-х годов XIX в. размах предпринимательской деятельности и доходы Николая Алексеевича позволили ему перейти в 1-ю гильдию. Этот купец оставался первогильдейцем вплоть до реформы торгово-промышленного налогообложения 1898 г., прекратившей прямую связь между принадлежностью к купеческим гильдиям и получением прав на занятие предпринимательской деятельностью. Уже в 1899 г. он вернулся во 2-ю гильдию. Следует отметить, что точно так же поступили немало купцов, а многие из них вообще вышли из сословия [1, оп. 281, д. 37, л. 335, 376; 6, оп. 6, т. 1, д. 559, л. 70 об.; 11, с. 157 – 161].

Для успешного ведения дел Николаю Алексеевичу нередко приходилось привлекать значительные средства со стороны. Поэтому,

чтобы иметь постоянный и необременительный кредит, этот купец вступил в Первое и Второе Харьковские общества взаимного кредита, основанные, соответственно, в 1866 и 1871 годах. Подобные организации были довольно распространены в Российской империи. Их собственный (оборотный) капитал формировался из вступительных взносов предпринимателей, которым открывался кредит в размере, десятикратно превышающем сумму взноса. В остальном, общества взаимного кредита почти ничем не отличались от обычных банков. В 1876–1879 годах Николай Алексеевич избирался депутатом совета Харьковского общества взаимного кредита (1-го), который контролировал деятельность правления. Во Втором Харьковском обществе взаимного кредита он в 1876–1890 годах являлся членом ревизионной комиссии, а в 1891 г. стал депутатом совета (в этой организации – главный руководящий орган) и покинул пост только в связи с избранием на должность руководителя другого кредитно-финансового учреждения [20; 40 на 1877–1880 годы].

На блестящие деловые качества Николая Жевержеева обратило внимание харьковское городское самоуправление, которое доверило ему свое важнейшее коммерческое предприятие – Городской Купеческий банк. Еще в 1872 г. он был избран кандидатом в товарищи директора, в 1878 г. стал товарищем директора, затем в 1885 г. – кандидатом в директоры и, наконец, в 1896 г. сам возглавил работу банка [6, оп. 1, д. 368 л. 2 об. – 3; ... д. 1359, л. 6 об., 8; 17. – 1896. – № 11: Заседание 4 октября. – С. 268]. Занимая эту должность, Николай Алексеевич оказался одним из организаторов и руководителей I Всероссийского съезда представителей городских общественных банков в Харькове (1900 г.), а затем буквально спас Городской Купеческий банк в годы экономического кризиса, когда в одночасье рухнули многие муниципальные кредитно-финансовые предприятия в других городах и акционерные банки в самом Харькове. Только из-за совершенно расстроенного здоровья Николай Алексеевич в 1904 г. ушел со своего поста [10, с. 92 – 95; 34; 39. – 1906. – 26 августа].

Не менее успешной оказалась общественная деятельность этого харьковского купца. Свою служебную карьеру он начал в качестве городского старосты от купечества в харьковском городском сиротском суде, рассматривавшем дела об опеке представителей городских сословий: купцов, мещан и цеховых (1866 – 1867). В 1870 – 1871 годах Николай Алексеевич являлся председателем комиссии по раскладке государственного налога во 2-й (она же Средняя или

Северная) части, включавшей в себя центральные и северные районы Харькова. (Естественными границами между частями – тремя исторически сложившимися в городе территориальными единицами – служили реки Харьков и Лопань.) Затем этот купец входил в состав торговой депутации, следившей за соблюдением правил ведения торгово-промышленной деятельности в городе (1 мая 1871 – 1 декабря 1872) [6, оп. 1, д. 368, л. 2 – 3 об.; ... д. 1359, л. 6 об., 8].

15 ноября 1872 г. собрание харьковских купцов избрало Николая Жевержеева купеческим старостой [6, оп. 1, д. 314]. Именно это событие положило начало купеческому сословному самоуправлению в городе. Николай Алексеевич ежегодно переизбирался на пост главы харьковского купечества вплоть до 1893 г., пока сам не отказался баллотироваться, сославшись на плохое здоровье [39. – 1893. – 17 марта].

Корпоративное управление купечества, по сути, являлось пережитком феодализма, однако в условиях буржуазного строя оно постепенно стало выполнять функции представительной предпринимательской организации. Одним первых событий, буквально взбудоражившим харьковское купечество, стало царевубийство 1 марта 1881 г. Уже через десять дней купеческий староста созвал экстренное собрание купеческого общества. Многие купцы, обычно равнодушно относившиеся к работе сословной организации, впервые явились на заседание, чтобы показать свое отношение к случившемуся. Собрание поблагодарило старосту за инициативу проведения мероприятия и составление скорбного верноподданнического адреса, который подписали все присутствовавшие [42. – 1881. – 13 марта]. Во время поездки в Санкт-Петербург в составе депутации харьковского городского общества для поклонения телу Александра II Николай Алексеевич лично передал документ министру внутренних дел [17. – 1881. – № 13: Заседание 10 марта. – С. 241–242]. В 1889 харьковский купеческий староста был включен в состав Высочайше учрежденного комитета по сооружению храма и богоугодных учреждений на месте события 17 октября 1888 г. (крушение императорского поезда при ст. Борки) [40 на 1890 год, С. 85].

Под руководством Николая Жевержеева харьковское купеческое общество начало и практически завершило создание своего первого детища – Коммерческого училища императора Александра III. Сам купеческий староста пожертвовал на устройство этого учебного заведения 1000 руб. [13]. Николай Алексеевич принимал активное участие в жизни купеческого общества и после ухода с поста руководителя. В 1894 г. он стал одним из учредителей Вспомогательного

общества харьковского купеческого сословия, которое осуществляло взаимное социальное страхование купцов и членов их семей [37].

Вскоре после реформы городского самоуправления этот купец вошел в состав харьковской думы и оставался ее гласным с 1875 по 1893 год. За это время он принял участие в работе шести подготовительных и исполнительных муниципальных комиссиях (1875, 1882 – 1884) [39. – 1875. – 9 апреля; 6, оп. 1, д. 2953]. Деятельность общественного управления Харькова во II пол. XIX в. определялась борьбой между двумя партиями, которые современники условно, хотя и небезосновательно называли «интеллигентской» (или «дворянской») и «купеческой». Для последней, помимо защиты интересов своего сословия, было характерно практичное отношение к городским финансам и хозяйству. Одним из лидеров этой группировки, бесспорно, являлся купеческий староста Николай Жевержеев. Принадлежавший ему винный погреб стал излюбленным местом сбора гласных, представлявших интересы купечества. Именно здесь, а не в зале думских заседаний решались многие важные вопросы управления городом [42. – 1913. – 13 января].

В 1886 – 1905 годах этот видный общественный деятель являлся старшиной (обычным членом), а с 15 июля по 29 октября 1901 г. исполнял обязанности председателя харьковского биржевого комитета – исполнительного органа биржевой организации [40 на 1887 год, с. 80; 23 за 1901 год, с. 3; ... за 1905 год, с. 3]. Следует отметить, что биржевые учреждения в Российской империи, по сути, являлись представительными объединениями торговцев, промышленников и финансистов, отстаивавшими интересы предпринимателей целых регионов на всех уровнях системы государственного управления. Таким образом, этот купец на короткое время возглавил предпринимательскую организацию, охватывавшую Харьковскую, Екатеринославскую, Полтавскую и частично Курскую губернию.

Немало сделал Николай Алексеевич на ниве благотворительности. По воспоминаниям современника: «Н.А. всегда был бесхитростным и прямым человеком, всегда добродушно отзывался на нужды обращавшихся к нему просителей» [39. – 1906. – 27 августа]. В январе 1873 г. по предложению управляющего харьковской таможни он стал действительным членом «Общества подаяния помощи при кораблекрушениях, состоявшего под Августейшим Покровительством Его Императорского Высочества государыни цесаревны» с платежом ежегодного вноса 10 руб. [21, с. 130–131], в том же году был избран почетным старшиной харьковского

детского приюта, а в 1880 г. за щедрые пожертвования и постоянное содержание двух беднейших пансионеров приюта получил должность почетного члена губернского попечительства ведомства учреждений императрицы Марии. Следует отметить, что одним из основных источников финансирования этого ведомства – крупнейшей филантропической структуры Российской империи – являлась государственная монополия на производство игральных карт. К распространению этого специфического товара в Харькове был привлечен и Николай Жевержеев. В 1890 г. он реализовал игральные колоды на 26 тыс. руб., что составило 53 % от общих продаж в городе [42. – 1891. – 31 января]. Так успешное и изворотливое предпринимательство зачастую становилось оборотной стороной и неотъемлемой составляющей купеческой благотворительности, а порок шел рука об руку с добродетелью.

24 мая 1882 г. жители Песок (в то время – северная окраина Харькова, которая располагалась за Ботаническим садом у берега р. Лопань и охватывала часть ул. Клочковской) избрали Николая Алексеевича членом строительного комитета церкви св. Пантелеймона. В обязанности комитета входил сбор пожертвований на храм. Кроме того, купец выделил на строительство 1500 руб. из собственных средств. Он оставался одним из крупнейших благотворителей церкви и после ее освящения (1885 г.), внося ежемесячно 10 руб. на содержание хора [13, с. 8, 16, 19]. В 1881 – 1890 годах Николай Жевержеев входил в строительный комитет часовни св. Александра Невского, возведенной харьковским купечеством и городским самоуправлением в память об Александре II на Сергиевской (ныне – Пролетарской) площади у Лопанского моста [6, оп. 1, д. 1588].

Стоит упомянуть и то, что сразу после переезда в Харьков Николай Жевержеев стал членом, а в 1864 г. – старшиной (одним из руководителей) Коммерческого клуба. Это учреждение не только организовывало досуг своих членов и их семей, но также играло важную общественную роль. В его стенах возникли и обсуждались проекты ряда благотворительных и общественных организаций. В 1899 г. за свою 35-летнюю работу в руководстве клуба этот купец был избран его почетным членом [39. – 1899. – 11 ноября]. Следует отметить, что в то время почетными членами Коммерческого клуба в большинстве своем являлись лица, занимавшие высокие административные посты: действующий и три бывших губернатора, действующий и бывший городские головы, действующий командир 10-го Армейского корпуса [32, с. 4].

За свою многолетнюю деятельность Николай Алексеевич был награжден орденами св. Станислава 2-й и 3-й степеней, св. Анны тех же степеней и золотыми медалями на Аннинской, Владимирской, Александровской и Андреевской лентах [39. – 1906. – 27 августа]. При этом уже в 1892 г. вместе с первым орденом он приобрел право ходатайствовать о причислении (вместе с семьей) к сословию потомственных почетных граждан, которое вскоре и осуществил [2, оп. 114, д. 384].

6 июня 1903 г. собрание харьковского купечества решило ходатайствовать о награждении Николая Алексеевича Жевержеева высшим для предпринимателя знаком отличия – званием коммерции-советника, а также учредило в его честь свою первую именную стипендию для учеников Коммерческого училища [39. – 1903. – 8 июня]. На январь 1904 г. купцы назначили празднование 35-летнего юбилея общественной деятельности Николая Жевержеева. (В действительности на первую общественную должность этот купец был избран 1 марта 1866 г. [5, оп. 1, д. 585, л. 190 - 191], т.е. прошло уже почти 38 лет.) Городская дума решила присоединиться к юбилейным торжествам и постановила повесить его портрет в городской управе [17. – 1903. - № 14: Заседание 14 декабря. – С. 282 – 283; 6, оп. 1, д. 2953]. Однако из-за тяжелой болезни купца чествование не состоялось [17. – 1906. - № 19: Заседание 4 сентября. – С. 188]. Тем не менее, правительство одобрило ходатайство харьковского купечества и присвоило Николаю Алексеевичу звание, подтверждавшее его принадлежность к российской предпринимательской элите.

Болезнь уже не дала Николаю Алексеевичу возможности оправиться, и 24 августа 1906 г. он скончался. На третий день после этого состоялись похороны. Присутствовали многие харьковские купцы, представители губернской администрации и городского самоуправления, благотворительных учреждений и попечительного совета Харьковского коммерческого училища, служащие Городского Купеческого банка, сотрудники магазинов и складов, принадлежавших покойному [39. – 1906. – 27 августа].

Еще до переезда в Харьков Николай Алексеевич женился на уроженке Киева Варваре Ивановне Хотяновской (род. 14 ноября 1838 г.). Она подарила мужу шестерых детей: Елену (род. 3 мая 1859 г. – ум. до 1887 г.), Сергея (род. 5 октября 1862 г.), Александра (род. 20 сентября 1865 г. – ум. в 1887 г.), Федора (род. 7 апреля 1875 г. – ум. 16 декабря 1896 г.), Зинаиду (род. 10 октября 1878 г.) и Марию (род. 19 сентября 1880 г.) [6, оп. 1, д. 368, л. 2 об. – 3; ... д. 1359, л. 6 об., 8; ... оп. 6, т. 1, д. 464, л. 1; ... оп. 13, д. 26а, л. 71 об.].

Старший сын Николая Алексеевича Жевержеева, в противоположность отцу, получил блестящее образование. В 1881 г. Сергей Жевержеев с отличием окончил Санкт-Петербургское коммерческое училище, получив при этом звание кандидата коммерции. В 1881–1882 учебном году, как вольнослушатель, Сергей Николаевич посещал лекции на отделении естественных наук физико-математического факультета Харьковского Императорского университета [16, с. 48; 31, с. 106]. Впоследствии он так настойчиво подчеркивал свое пребывание среди студентов этого вуза, что даже в официальных сведениях, опубликованных органами городского самоуправления, утверждалось, будто бы он прослушал полный курс юридического факультета [18. – 1914. – № 9-11. – С. 468–469].

С 1883 г. Сергей Николаевич Жевержеев включился в семейный бизнес, а в 1891 г. совместно с отцом организовал торговый дом «Н.А. Жевержеев и сын» – компанию с полной ответственностью участников, которая объединила все предприятия семьи: оптовый склад «хлебного вина» и спирта, 3 магазина, 3 винных погреба и 3 промышленных заведения. Согласно учредительному договору, товарищеский капитал компании оценивался в 150 тыс. руб. Несмотря на то, что Сергей Николаевич считался владельцем только одной трети этой суммы, оба соучредителя пользовались одинаковыми правами при управлении и распоряжении делами фирмы. Следует отметить, что она оказалась крупнейшим из 28 торговых домов, зарегистрированных в Харькове на 1 января 1893 г. [6, оп. 1, д. 1658, л. 34–34 об.; 29, с. 184 и др.].

Вероятно, в одной из деловых поездок в Крым Сергей Николаевич познакомился со своей будущей женой Марией Александровной (род. ок. 1874 г.). В качестве приданого она принесла фирме «Н.А. Жевержеев и сын» виноградники (упоминаются в рекламных объявлениях с 1897 г.), расположенные недалеко от пос. Судак Феодосийского уезда Таврической губернии [6, оп. 6 т. 1, д. 559, л. 70 об.; 40 на 1897 год, с. 11; 16, с. 48; 12, с. 165]. В нач. XX в. объявленный капитал торгового дома составлял уже 350 тыс. руб. [36, с. 284].

После смерти старшего из основателей компании «Н.А. Жевержеев и сын», принадлежавшие ему права и долю имущества унаследовала его жена. Несмотря на преклонный возраст, Варвара Ивановна продолжала лично участвовать в деятельности фирмы. Служащие торгового дома с большой любовью и уважением относились к своей «добрый хозяйке» [28, с. 214; 39. – 1913. – 6 июля].

Под руководством матери и сына фирма развивалась особенно интенсивно. В 1907 г. начало действовать еще одно производственное предприятие – колбасная фабрика. Она стала крупнейшим из промышленных заведений компании. Уже в 1911 г. понабилось значительно расширить помещение, в котором располагалось это предприятие. По классификации того времени фабрика относилась к 4-му разряду, то есть здесь могли работать от 50 до 200 рабочих. В 1913–1914 гг. на предприятии вырабатывалось до 50 тыс. пудов колбасных изделий в год [40 на 1907 год, с. 17; ... на 1908 год, с. 18; 2, оп. 165, д. 166; 30, с. 14; 41, с. 262].

Семья Жевержеевых постоянно открывала новые торговые точки. Если в 1906 г. ей принадлежали 5 винно-бакалейных и гастрономических магазинов (в т.ч. особый магазин-склад на Конном базаре), а также ренсковый погреб, где велась торговля всеми видами русских и иностранных спиртных напитков, то к 1913 г. число магазинов и погребов под вывеской «Н.А. Жевержеев и сын» возросло ровно вдвое. Торговая сеть фирмы охватывала весь город от центра до рабочих окраин. При этом, на Конной площади возник целый торговый комплекс, который включал 3 магазина и винный погребок. Кроме того, совместно с известным предпринимателем-пивоваром И.Е. Игнатищевым, торговый дом «Н.А. Жевержеев и сын» владел рестораном в здании Городского Купеческого банка. Следует отметить, что в то время в Харькове даже два-три предприятия, принадлежавшие одному предпринимателю или целой компании, являлись скорее исключением, чем правилом [40 на 1906 год, с. 29; ... на 1907 год, с. 17; 30, с. 14, 16 и др.]. Продолжалось давнее сотрудничество с Харьковской главной складочной таможней, свидетельствующее о доверии, которым пользовался торговый дом не только у частных клиентов, но и у администрации [21, с. 97].

Варвара Ивановна Жевержеева умерла 4 июля 1913 г. на даче в с. Кочеток Змиевского уезда Харьковской губернии [39. – 1913. – 6 июля] и торговый дом полностью перешел в собственность Сергея Николаевича. Правительственные меры, направленные на полное запрещение производства и продажи крепких напитков в период Первой Мировой войны, ударили по традиционной для Жевержеевых отрасли предпринимательской деятельности. Так, в 1915 г. оборот ренского погреба на Конном базаре составил всего лишь 6930 руб. 75 коп., что в условиях прогрессирующей инфляции являлось довольно незначительной суммой. Только на оплату труда двух служащих погреба (приказчика-управляющего и простого работника)

уходило до 1150 руб. Однако, в целом, оборот расположенного здесь торгового комплекса достиг 543 509 руб. 21 коп., а чистая прибыль – 46 402 руб.

Продолжалось наращивание производства на промышленных предприятиях. В 1915 г. объем продукции колбасной фабрики достиг 60 тыс. пудов. При этом, через собственную торговую сеть фирма «Н.А. Жевержеев и сын» продала колбасных изделий по цене 13–14 руб. за пуд на 250 103 руб. 23 коп., а большая часть продукции была сбыта «на сторону» оптом по 12 руб. за пуд (на 499 147 руб. 61 коп.) [41, с. 262–263]. Введение «сухого закона», неожиданно, привело к усилению одного из старейших заведений Жевержеевых – уксусного завода, где спирт служил сырьем. В 1917 г. торговый дом закупил для дальнейшей переработки ок. 5000 ведер этого продукта крепостью от 91 до 97,5 % [8, оп. 1, д. 424].

Кроме семейной фирмы, Сергей Жевержеев принимал непосредственное участие в работе двух компаний с паевым капиталом. В противоположность полным товарищам торговых домов, пайщики отвечали перед кредиторами не всем своим имуществом, а только вложенными в дело средствами. От акционерных обществ товарищества на паях отличал сравнительно узкий и устойчивый круг участников. Главным партнером Сергея Жевержеева по бизнесу являлся не менее известный представитель харьковского купечества – П.П. Рыжов. Последний еще в 1895 г. акционировал свой сахарный завод при с. Ржевка Корочанского уезда Курской губернии. В результате образовалось «Товарищество Ржевско-Павловского свеклосахарного завода», которое он же и возглавил. Среди крупных пайщиков новой компании оказались Жевержеевы. Это позволило Сергею Николаевичу вскоре войти в состав правления и работать в нем вплоть до национализации предприятия в годы Гражданской войны [35, с. 1930; 9, с. 21].

Одновременно этот купец выкупил часть паев, а в 1915 г. стал директором правления товарищества «В.Г. Пономарев и П.П. Рыжов». (Вторым директором правления являлась дочь одного из соучредителей – Е.В. Пономарева, а директором-распорядителем – сам П.П. Рыжов.) [40 на 1916 год, с. 123]. Товарищество специализировалось на торговле оборудованием для промышленных предприятий, металлическими и кожаными изделиями, красками и бытовыми товарами. По числу предприятий в Харькове (7 складов и магазинов) она уступала лишь собственной фирме Жевержеевых. Кроме того, имелись отделения в Нижнем Новгороде, Туле и при

ст. Алмазная Екатеринославской губернии. С приходом нового руководителя уже в 1915 – 1916 операционном году чистая прибыль товарищества «В.Г. Пономарев и П.П. Рыжов», сократившаяся в начале Первой мировой войны, вернулась на довоенный уровень. Только дивиденды пайщикам составили 240 000 руб. (20 % от номинала стоимости паев) [9, с. 21, 518; 30, с. 31 и др.].

Сергей Жевержеев пользовался не меньшим доверием в деловом мире, чем его отец. В кон. XIX в. этот купец входил в состав приемного комитета Второго Харьковского общества взаимного кредита, рассматривавшего прошения о принятии новых членов, а в 1898 – 1901 годах являлся членом совета этого кредитно-финансового учреждения [20, с. 34 – 37; 40 на 1899 год, с. 75; ... на 1901 год, с. 73]. В 1903 – 1906 годах он по поручению городского сиротского суда возглавлял опеку над ведущей в Харькове компанией по торговле рыбой – торговым домом «Н.Е. Сериков и сын» (впоследствии – «Серикова и К^о») [4, оп. 2, д. 195]. Особо следует отметить, что уже в 1900 г. Сергей Николаевич приступил к обязанностям главного агента одной из крупнейших страховых компаний – «1-го Российского страхового общества, учрежденного в 1827 году» и руководил ее харьковским отделением до своей смерти [42. – 1910 – 17 сентября; 22. – 1919. – 11 августа].

Вершиной предпринимательской карьеры Сергея Николаевича, также как у его отца стало управление Городским Купеческим банком. С 1912 г. он занимал пост товарища директора, а в 1916 – 1919 годах сам руководил этим кредитно-финансовым учреждением. Его работа пришлась на тяжелые годы Первой мировой и Гражданской войн. [33. – 1912. – 1919].

Должности депутата совета Второго Харьковского общества взаимного кредита и директора Городского Купеческого банка оказались не единственными «унаследованными» от отца. Еще при его жизни Сергей Жевержеев начал принимать активное участие в работе корпоративного купеческого самоуправления. Так, еще 26 октября 1888 г. он, хотя на тот момент и не являлся самостоятельным купцом, вошел в состав комиссии, избранной харьковским купеческим обществом для организации Коммерческого училища [13, с. 8]. В 1901 г., несмотря на принадлежность к почетным гражданам, Сергей Николаевич перестал довольствоваться званием «купеческого сына» и стал харьковским 2-й гильдии купцом [6, оп. 6 т. 1, д. 559, л. 70 об.]. Уже в том же он впервые был избран товарищем купеческого старосты, а в 1908 г. сам возглавил харьковское купечество [2, оп. 137, д. 31, л. 1 – 5; 39. – 1908. – 12 сентября].

Однако реформа торгово-промышленного налогообложения 1898 г. сильно подорвала значение купеческого сословия и привела к резкому сокращению его численности. Реально оценивая сложившуюся ситуацию, Сергей Николаевич, даже, занимая пост купеческого старосты, нередко выступал против привилегированного положения купцов по отношению к предпринимателям из других сословий. Так, на собрании харьковского купечества 28 января 1911 г. он прямо заявил: «Мы (купеческое сословие – Ю.Б.) не можем за всех отвечать, тем более, что мы почти не существуем». В том же году, несмотря на единогласную поддержку на выборах, Сергей Николаевич отказался от должности [39. – 1911. – 30 января, 1 марта, 14 мая].

После этого он продолжал работать в Комитете купеческого общества (создан для распределения стипендий и пособий, но постепенно к нему начали переходить и некоторые другие исполнительные функции). Кроме того, он постоянно избирался в попечительные советы (главные руководящие органы) всех учебных заведений, созданных харьковским купеческим обществом: Торговых классов, Коммерческого училища Александра III и Высших Коммерческих курсов (с 1916 г. – Коммерческий институт). Более того, в двух последних он являлся товарищем председателя [25, с. 2 – 4; 22. – 1919. – 11 августа]. Однако на разочарование Сергея Николаевича в работе купеческой корпоративной организации указывает то, что в эти годы он перестал определять свой социальный статус сословной принадлежностью, указывая только невысокий чин коллежского секретаря [*напр.*: 18. – 1914. – № 9–11. – С. 468–469]. В 1916 г., когда купцы вновь избрали его своим руководителем, Сергей Николаевич еще раз подтвердил свой отказ и, более того, со следующего года вообще вышел из купеческого сословия [2, оп. 179, д. 1256, л. 1; 6, оп. 6 т. 1, д. 1273, л. 105 об. - 106].

В 1893 г. Сергей Николаевич вместо отца был избран гласным городской думы и входил в ее состав до 1910, а затем в 1914 – 1916 годах. (В 1910 г. он сам отказался от звания гласного через семь месяцев после выборов, в 1916 г. – ушел в связи с избранием на пост директора городского общественного банка.) [16, с. 48; 18. – 1914. – № 12. – С. 390; ... – 1916. - № 3–4. – С. 72]. Этот купец немало сделал для развития хозяйства и благоустройства Харькова. Он не был сторонником политизации городского самоуправления в нач. XX в., когда главную роль в городской думе стали играть не межсословные, а идеологические противоречия. Заботясь об интересах дела, этот купец выступал против как радикальных левых, так и край-

не правых политических настроений. Благодаря этому, к мнению Сергея Николаевича прислушивались и либералы, и приверженцы консервативно-монархических взглядов: в период городских избирательных компаний его кандидатуру поддерживали различные партии и группы нередко совершенно противоположные по своей идеологической направленности [42. – 1910. – 16 апреля, 1 мая; 39. – 1910. – 29 апреля; ... - 1914. – 20 апреля, 2 мая].

В 1910 г. Сергей Николаевич стал одним из инициаторов возрождения «купеческой» («торгово-промышленной») партии, которая, однако, уже не смогла стать самостоятельной силой [6, оп. 1, д. 3400]. В то же время, его искренне радовало разнообразие состава новой думы [42. – 1910. – 14 августа]. О том, каким уважением пользовался этот купец среди горожан, свидетельствует то, что на городских выборах 1914 г. за него проголосовало наибольшее число (987) избирателей. Тогда победу одержали т.н. «обновленцы». Их основная идея заключалась в том, чтобы сбалансировать слишком «прогрессивный» состав думы за счет профессиональных хозяйственников и управленцев, которые уделяли бы больше внимания экономике города, а не межпартийным дрызгам [39. – 1914. – 20 апреля; 42. – 1914. – 26 апреля; 18. – 1914. – № 5. – С. 198–206].

В 1905 г. Сергей Жевержеев сменил отца и на посту старшины биржевого комитета и вскоре стал заступающим место председателя этой организации. В нач. XX в. биржевые организации уже оказывали серьезное влияние на деятельность российской государственной машины. Как постоянный представитель харьковской биржевой организации, Сергей Николаевич присутствовал на заседаниях общего по промысловому налогу присутствия казенной палаты, которое распределяло дополнительный торгово-промышленный налог между отдельными районами Харьковской губернии и рассматривало жалобы на действия участковых раскладочных присутствий, Харьковского порайонного комитета, организованного в 1906 г. для регулирования массовых перевозок грузов по близлежащим железным дорогам, и смешанной комиссии по нормировке рабочего дня на предприятиях города (действовала с 1913 г.). Последнее учреждение неоднократно избирало его своим председателем. В 1914 г. этот купец участвовал в работе ликвидационной комиссии Харьковского Торгового банка и комитета владельцев закладных листов Харьковского Городского кредитного общества.

Начало Первой русской революции вынудило правительство стать на путь демократизации государственного и общественного

устройства Российской империи. Активное участие в этом процессе приняла не только столичная, но и провинциальная деловая элита. Уже в 1906 г. Сергей Николаевич был командирован биржевым комитетом в Санкт-Петербург для участия в обсуждении проекта положения о выборных учреждениях торгово-промышленного класса и о биржевом устройстве, а с 1908 г. регулярно делегировался на Всероссийские съезды представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Более того, в 1909 г. он принимал участие в заседаниях Совета Съезда, который представлял его интересы в перерывах между сессиями. В 1910 г. харьковский купец участвовал в работе одного из старейших и влиятельнейших в стране отраслевых предпринимательских объединений – Съезда горнопромышленников Юга России, а следующем году заседал в Совете этой организации [23 за 1905 – 1914 годы]. В 1912 г. Сергей Николаевич стал одним из главных организаторов избрания делегатов от Харькова на I Всероссийский съезд деятелей по средней и мелкой промышленности и торговле [1, оп. 285, д. 333, л. 4, 9].

Особо следует отметить то, что с 1906 г. Сергей Жевержеев постоянно (кроме 1909 г.) представлял харьковский биржевой комитет на выборах членов Государственного Совета от торговцев и промышленников [23 за 1905 – 1914 годы]. В то же время, этот купец, не желая связывать свое имя с какой-либо политической партией, никогда не участвовал в избирательных компаниях в Государственную Думу.

Еще при жизни отца Сергей Николаевич тоже стал почетным членом губернского попечительства детских приютов и старшиной Коммерческого клуба. Более того, в нач. XX в. этот купец возглавил совет старшин (исполнительный орган) последней организации. Председательствуя на общем собрании членов клуба 26 июля 1914 г., он произнес пламенную патриотическую речь о начинающейся войне с Германией, в заключение которой сказал: «Торговое сословие наше искони известно было отзывчивостью ко всем несчастным, особенно же в тяжелые годы войны, и образ славного МИНИНА встает перед нами». После чего председатель собрания от имени всего совета старшин сделал предложение пожертвовать из средств клуба 10 тыс. руб. на нужды войны, которое было принято единогласно [24]. 30 июля того же года на общем собрании купцов, членов биржевого общества, торговцев и промышленников Харькова Сергей Николаевич был избран товарищем председателя Комитета по сбору пожертвований на устройство и содержание

лазарета и нужды войны [23 за 1914 год, с. 18]. Не чуждым этому предпринимателю было и меценатство: он являлся активным членом местного отделения Императорского Русского музыкального общества, а в 1911 г. стал одним из его директоров [40 на 1912 год, С. 108].

1 марта 1917 г. (ст. ст.) Сергей Николаевич принял участие в совещании гласных харьковской городской думы и представителей общественных организаций, посвященном революционным событиям в Петрограде. Совещание избрало его в состав Харьковского городского общественного комитета, к которому перешла верховная власть в городе [18. – 1917. - № 1 – 3. С. 59; 3, оп. 1, д. 362, л. 133 и др.]. После пополнения представителями земских и уездных общественных организаций это учреждение было преобразовано в губернский общественный комитет, ставший полномочным органом Временного правительства в Харьковской губернии. Однако новая эпоха вывела на арену общественно-политической жизни Харькова новых людей, совершенно не известных в дореволюционном городе. Старая элита, в том числе и сам Сергей Николаевич, наоборот, как бы отошла на второй план.

Революция, гражданская война стали приносить и финансовые убытки. Уже в августе 1917 г. по решению стачкома Харьковско-паровозостроительного завода почти на три недели прекратилась подача электричества на колбасную фабрику торгового дома «Н.А. Жевержеев и сын». В феврале 1918 г. исполком поселкового совета Покотиловки и Карачевки (Харьковский уезд) наложил на Сергея Николаевича, как на владельца распложенной на его территории дачи, контрибуцию в 10 тыс. руб. [38, с. 160, 467].

Власть менялась с калейдоскопической быстротой: Временное правительство, Центральная Рада, Советы, гетман П.П. Скоропадский и немецкая интервенция, Директория. К концу 1918 г. понятие центральной власти утратило всякое значение: харьковский губернский комиссар фактически только «поддерживал отношения» с тем или иным „правительством” [22. – 1918. – 19 декабря]. 3 января 1919 г. (н. ст.) Харьков заняли отряды Красной армии. По городу прокатилась волна арестов. Многие представители „эксплуататорских классов” брались в заложники с целью предотвратить любое сопротивление большевистским властям. Судьба директора муниципального банка, главного представителя всероссийской страховой компании, руководителя и совладельца ряда торгово-промышленных фирм и известного общественного деятеля была предрешена.

Вместе с крупнейшими харьковскими предпринимателями Сергей Николаевич был заключен в доме А.А. Иозефовича на ул. Сумской, 61 (теперь – Дворец бракосочетаний), который, по свидетельству очевидца, как нельзя лучше подходил для тюрьмы. Узник, которому чудом удалось пережить эти события, вспоминал: «Хто був у той час в тому концтаборі, той не забуде до смерті, хто не був, тому трудно навіть уявити той жах, який перед своєю смертю відчував кожний, хто туди попав. (...) Брала нас звідти на розстріл переважно вночі... Під дверима у нас день і ніч сидів ... звірина, а не людина, який називав себе Точка. Щоночі когось викликали: „собірайсь с вещам!“ Ми добре знали, що то значило. Прощання, часто сльози, а той прокльони були останніми звуками того, хто виходив з цих страшних камер.» [15, с. 15 – 16]. Однако советская власть не смогла закрепиться в Харькове окончательно. 25 июня (н. ст.) город заняла Добровольческая армия. В числе других важнейших арестантов Сергей Николаевич был вывезен отступающими красными в Сумы. Последний раз его видели живым в эшелоне ЧК при подъезде к этому городу. В ночь на 1 июля (18 июня) 1919 г. Сергей Николаевич Жевержеев был зверски замучен.

Несмотря на то, что о его гибели вскоре стало известно в Харькове, общественность долго не могла осознать эту новость. В ежемесячно публикуемых балансах Городского Купеческого банка Сергей Николаевич непрерывно указывался в качестве директора вплоть до 1 августа (н. ст.) [33]. Проведение детального расследования об участии харьковских заложников стало возможным только после того, как денкинские войска заняли Сумы. Тело Сергея Жевержеева обнаружили в одном из коллективных захоронений среди огородов вблизи вокзала. При эксгумации вскрылась страшная картина преступления. Почти все трупы оказались раздетыми. Большинство заложников (среди них оказался и Сергей Николаевич) палачи зарубили саблями. При этом некоторых из них закопали еще живыми.

Останки доставили в Харьков и передали родным. 23 (10) августа в доме Жевержеевых на ул. Клочковской, 65 (до наших дней не сохранился) были отслужены две панихиды об усопшем. Вечером гроб перенесли в Пантелеймоновскую церковь. На следующий день после заупокойной литургии его похоронили на городском кладбище. На церемонии присутствовали городской голова Н.Н. Салтыков, служащие Городского Купеческого банка, много общественных деятелей, друзей и знакомых [22. – 1919. – 11 августа].

Сергей Николаевич Жевержеев не оставил детей, и потому его наследниками стали: жена – Мария Александровна, сестры – Зинаида и Мария Николаевны, мужья и дети последних. Заключительная точка в истории фирмы «Н.А. Жевержеев и сын» была поставлена 11 декабря (н. ст.) 1919 г., когда в Харьков снова вошла Красная армия. Мария Александровна Жевержеева эвакуировалась в родной Крым. Однако менее чем через год последний оплот белого движения пал. Мария Александровна не смогла или не пожелала покинуть родину и в сентябре 1921 г. была расстреляна чекистами [27]. Начиналась новая советская эпоха, в которой не было места старому купечеству.

Таким образом, отец и сын Жевержеевы олицетворяли два разных поколения харьковских купцов: первый – почти необразованный, добившийся богатства и всеобщего уважения своей природной смекалкой и кропотливым трудом, и второй – получивший прекрасное образование тип предпринимателя-интеллигента, который имел мало общего с классическими представлениями о членах купеческого сословия, навеянными произведениями выдающегося русского драматурга А. Н. Островского. И Николай Алексеевич, и Сергей Николаевич успешно занимались различными видами предпринимательской деятельности (торговля, промышленность, кредитно-финансовая сфера и т.д.), при этом, не только владея собственной фирмой, но и участвуя в управлении более значительными коммерческими предприятиями. Общественно-политическую активность Жевержеевы проявляли в работе трех традиционных для купеческого сословия учреждений – городского самоуправления, купеческого корпоративного управления и биржевой организации. На их примере ярко видно характерную для купечества преемственность: когда сын со временем занимал должности отца. Такая же последовательность прослеживается и в других сферах экономической и общественной деятельности. В целом, хроника династии Жевержеевых – это в миниатюре история всего российского купечества – торгового сословия, в пореформенный период ставшего основой отечественного предпринимательства и беспощадно уничтоженного в годы Гражданской войны.

Примечания

1. *Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф. 3: Канцелярия Харьковского губернатора.*
2. *ГАХО, ф. 4: Харьковское губернское правление.*
3. *ГАХО, ф. 19: Харьковское губернское по городским и земским делам присутствие.*
4. *ГАХО, ф. 43: Харьковский городской сиротский суд.*
5. *ГАХО, ф. 44: Харьковская городская дума.*
6. *ГАХО, ф. 45: Харьковская городская управа.*
7. *ГАХО, ф. 51: Харьковский губернский статистический комитет.*
8. *ГАХО, ф. 501: Акцизное управление 1-го округа Харьковской губернии.*
9. *Акционерно-паевые предприятия России / Под ред. В. В. Лаврова. – М., 1917.*
10. *Беліков Ю. А. Діяльність харківського купецтва у сфері фінансів та кредиту (60-ті роки XIX ст. – 1917 р.) / Ю. А. Беліков // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Серія "Історія та географія". – 2002. – Вип. 9. – С. 90–97.*
11. *Беліков Ю. А. Стан та склад харківського купецтва (60-ті роки XIX ст. – 1917 р.) / Ю. А. Беліков // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 526: Історія. – Вип. 33. – С. 156–165.*
12. *Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник / М. Н. Барышников. – СПб.: Искусство-СПБ, Logos, 1998. – 448 с.*
13. *Верховский П. Краткий очерк возникновения в Харькове Коммерческого училища / П. Верховский. – Харьков, 1894. – 39 с.*
14. *Ветухов В. Церковь св. великомученика и целителя Пантелеймона на Песках в г. Харькове: 1885 – 95 / В. Ветухов. – Харьков, 1895. – 20 с.*
15. *Гаращенко І. С. Коротко про себе / І. С. Гаращенко // Його ж. Матеріали до історії Української автокефальної православної церкви. – Нью-Йорк; Чикаго, 1975. – С. 8–21.*

16. *Деятели России / Ред.-издатель А. М. Шампаньер. – СПб., 1906. – 340 с.*
17. *Журналы Харьковской городской думы 1871–1907 годов. – Харьков, 1871–1907.*
18. *Известия Харьковской городской думы. – 1907–1917.*
19. *Ипатов Ю. Хранители Казанского собора / Ю. Ипатов // Компания: Деловой еженедельник. – 2000. – № 32 (128).*
20. *Лысогоренко Н. С. Обзор XXV-летней деятельности Второго общества взаимного кредита (1871 – 1896) / Н. С. Лысогоренко. – Харьков, 1896. – 72 с.*
21. *Митниці Слобожанщини: Збірник архівних документів і матеріалів. 1660–1870–1992–2000. – Харків: Каравела, 2000. – 496 с.*
22. *Новая Россия (Харьков). – 1919.*
23. *Отчет Харьковского биржевого комитета за 1901 – 1914 годы. – Харьков, 1902 – 1915.*
24. *Отчет Харьковского коммерческого клуба за 1913/1914 год. – Харьков, 1914. – 31 с.*
25. *Отчет Харьковского купеческого старосты о суммах, принадлежащих Харьковскому купеческому обществу за 1913 год. – Харьков, 1914. – 24 с.*
26. *Памятная книжка Харьковской губернии на 1865 – 1867 годы. – Харьков, 1864 – 1866.*
27. *Последние новости (Париж). – 1921. – 25 сентября.*
28. *Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). – СПб., 1912. – LV,467 с.*
29. *Сведения о торговых домах, действовавших в России в 1892 году. – СПб., 1893. – 212 с.*
30. *Список купцов и промышленников г. Харькова за 1913 год. – Харьков, 1913. – 46 с.*
31. *Список студентов и посторонних слушателей Императорского Харьковского университета на 1881 – 1882 академический год. – Харьков, 1882. – 111 с.*

32. *Список членов Харьковского коммерческого клуба за 1898/1899 год.* – Харьков, 1899.
33. *Статистические сведения по г. Харькову.* – 1919. – № 1 – 8.
34. *Труды Первого Всероссийского съезда представителей городских общественных банков с 15-го по 24 мая 1900 г. в г. Харькове.* – Харьков, 1900. – 259, VIII с.
35. *Указатель действующих в Империи акционерных предприятий /* Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. – СПб., 1903. – XXXIX, 2007 с.
36. *Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов /* Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. – СПб., 1905. – Т. 2. – 2323 с.
37. *Устав Вспомогательного общества Харьковского купеческого сословия.* – Харьков, 1895. – 18 с.
38. *Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – апрель 1918 гг.):* Сб. док. и мат. – Харьков: Харьк. обл. изд., 1957. – 547 с.
39. *Харьковские губернские ведомости.* – 1860 – 1917.
40. *Харьковский календарь на 1872 – 1917 годы.* – Харьков, 1871 – 1917.
41. *Чорний Д. М. Сергій Миколайович Жевержеєв: купець і громадський діяч /* Д. М. Чорний // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2002. – № 566: Історія. – Вип. 34. – С. 260-267.
42. *Южный край.* – 1880 – 1919.

Беліков, Юрій Купецька династія Жевержеєвих: портрет двох поколінь підприємців пореформеного Харкова

У статті на прикладі харківської династії Жевержеєвих досліджено економічні, громадсько-політичні, повсякденні та інші аспекти життя провінційного купецтва – торгівельного стану, що став основою підприємництва Російської імперії у пореформений період і був нещадно знищений у роки Громадянської війни, вивчено діяльність однієї з найбільших торгівельних фірм Донецько-Криворізького господарського району – торговий дім «М.О. Жевержеєв і син».

Ключові слова: купецтво, підприємництво, Харків.

Byelikov, Yuriy Merchant Zheverzheev dynasty: The portrait of two generations of the post-reform Kharkiv entrepreneurs.

At the example of Kharkiv Zheverzheev dynasty the article studies economic, political, social, everyday and other aspects the provincial merchants' life. This trading class became the entrepreneurs' basis of the Russian Empire in the post-reform period, but it was ruthlessly destroyed during the Civil War. The article is devoted to the activity of one of the largest trading companies of the Donetsk-Krivoy Rog economic area – "N.A. Zheverzheev and son" trading house.

Keywords: merchants, entrepreneurship, Kharkiv

УДК 94 (470) «1830/1917»

Российский националистический дискурс и меннонитское этническое предпринимательство: генезис и динамика социально-политического конфликта (1830–1917 гг.)

Наталья Венгер

Истоки проблемы «меннонитское предпринимательство и национализм» были заложены практикой государственных привилегий на этапе колонизации. Успешная предпринимательская практика меннонитов делала его удобным объектом националистической критики. Предпринимательство, поддерживаемое государством, успешно развивалось. С началом мировой войны этническая промышленность подверглась влиянию Ликвидационного законодательства. Правозащитная кампания меннонитов позволила остановить темпы имплементации законодательства и обеспечить предприятия заказами.

Ключевые слова: российский национализм, меннонитское предпринимательство, Первая мировая война, модернизация.

Предпринимательство было одним из видов деятельности, в котором показательно проявило себя меннонитское население Российской империи [5]. В первой половине XIX ст. Российское государство в меру своих возможностей способствовало развитию промышленной деятельности представителей различных этнических групп, используя практические навыки недавних переселенцев в качестве важнейшего ресурса для модернизации государства. Поощрительный вектор политики российского государства в отношении этнического предпринимательства сохранялся до того времени, пока не набрал силы и влияния российский национализм как идеология и политика [18]. Формируя дискуссионное поле по проблемным и жизненно важным для развития империи вопросам, российский национализм втягивал в орбиту своих

©Венгер Н., 2014

интересов различные социальные и этнические группы. Особый интерес в системе российского националистического дискурса вызывали именно те этнические общности, которые обладали высоким культурно-экономическим потенциалом. По этой причине объектом воздействия национализма оказалось меннонитское предпринимательство и его субъекты – социально активная группа, сложившаяся в рамках сообщества, с определённого времени выполняющая функцию элиты-репрезентанта. Экономический успех меннонитской промышленности вызывал ревностные взгляды российского предпринимательства, идеологов национализма, провоцировавших негативные настроения всего российского общества. Апогеем данной тенденции взаимоотношений был период Первой мировой войны (1914–1918), когда меннонитское предпринимательство стало объектом открытых экономических преследований.

Цель данного исследования состоит в изучении характера взаимоотношений российского национализма как идеологии и политики и меннонитского предпринимательства с момента возникновения национализма и до конца Первой мировой войны

Прото-национализм, ранний национализм и предпринимательская деятельность: предыстория конфликта.

Процесс формирования меннонитского предпринимательства был связан с привилегиями, которые получили меннониты. Поощрительная политика относительно колонизации означала, что на этапе адаптации отдельные этнические группы аккумулировали на себе значительные материальные средства, которые не предусматривались для поддержки коренного населения. Такой способ перераспределения ресурсов являлся источником последующих социальных противоречий. Данная проблема становилась темой закрытых дискуссий и провоцировала протестные настроения в головах образованных и причастных к колонизации представителей российского общества, вызывая к жизни первые антиколониционные взгляды. В условиях абсолютизма и отсутствия гражданского общества голоса носителей данных настроений, преимущественно чиновников и дворянства, оставались скрытыми за позитивными отзывами о результатах колонизации и поощрительных мероприятиях относительно иноэтничных эмигрантских групп [8; 15]. И всё же некоторыми косвенными сведениями о существовании такой альтернативной позиции мы находим, например, в переписке между С. Контеиусом и А. Ришелье [22]. Таким образом, изначально построенная на системе неравномерной легитимности колониационная политика

провоцировала зачатки негативных настроений относительно колонизации и переселенцев, включая меннонитов.

Другим источником протонационалистических настроений невольно становились сами меннониты, а именно объективно формируемый ими в обществе «презентационный образ» группы. Российские меннониты были представлены, как минимум, двумя версиями «образа-презентации». Первый из них имел официальное происхождение и, как ранее упоминалось, носил позитивный характер. Вторая «презентация» явилась прямой рефлексией, вызванной непосредственно контактами окружающего населения с представителями меннонитских конгрегаций. Так как опыт личных контактов был разнообразным, в том числе и конфликтным, содержание данного образа носило ситуативно-индивидуальный характер.

Поскольку с точки зрения участия в межэтнических контактах предпринимательство было наиболее активной частью социума, оно несло ответственность за имидж общин. Конфликты или другие результаты интеракций, изначально не неся в себе этнических противоречий, имели тенденцию их приобретать. Взаимоотношения с первыми меннонитскими предпринимателями и ремесленниками становились основой для формирования определённых, в том числе и негативных представлений не столько о предпринимателях, сколько о меннонитах в целом. Данные стереотипы сохранялись в этнической памяти народа и имели способность проявлять себя в социальных конфликтах, чем с успехом пользовались политики.

Заметим однако, что, несмотря на присутствие двух противоположных тенденций в отношении к меннонитскому населению, именно официальный образ данной этноконфессии долгое время оставался доминирующим, то есть позитивным, и правовые условия развития меннонитского предпринимательства также оставались весьма благоприятными.

До конца первой трети – середины XIX столетия национальная политика Российского государства характеризовалась преимущественно толерантностью и прагматизмом по отношению к нерусским народам и национальным окраинам [33; 40]. Первые проявления российского национализма, связанные с польским восстанием 1830–1831 гг., не предусматривали каких-либо мероприятий относительно колонистов. В июне 1837 г. был издан указ, требующий от губернаторов придерживаться законодательства относительно привилегий [20]. Однако уже в 1838 г. был обнародован закон, вводивший обязательное преподавание русского языка в национальных

школах, что стало свидетельством изменения внутренней стратегии государства. Россия стояла на пороге иного политического курса, который проявился после польского восстания 1863 г.

Явление колониофобии. Новый курс в отношении нерусских народов предусматривал меры частичной языковой унификации и последовательной административной интеграции национальных окраин. Польский вопрос поставил перед российским обществом проблему социальной справедливости в распределении прав между титульным и иноэтничным населением империи, которая повлияла на развитие российского националистического дискурса.

С тезисом о «неравномерной легитимности» выступали радикально настроенные представители раннего национализма Ю. Ф. Самарин (1819–1876), И. С. Аксаков (1823–1886), М. Н. Катков (1818–1887) – публицисты и общественные деятели, которых следует признать первыми идеологами «немецкого вопроса» в России. Исследуя положение остзейских колоний, они убеждали общественность в том, что немецкое население империи «при насильственном онемечивании достигает торжества немецкой национальности» [2], завоёвывает политическое влияние [1]. Проблемы остзейских немцев и колонистов были сведены воедино в рассуждениях М. Н. Каткова, который убеждал, что все этнические группы в пределах одного государства должны иметь равные права [19]. Государственную политику относительно иностранных переселенцев Катков считал несовершенной, поскольку в результате её проведения «немцы и меннониты, болгары резко выделились по положению» [19]. Дискуссии, которые разворачивались в системе российского националистического дискурса вокруг статуса немецкого населения Остзейских губерний и колонистов, повлияли на содержание реформ унификации (закон о ликвидации колониетского статуса (1871) [7] и привлечении меннонитов к военной службе (1874) [21]).

Тем временем успехи меннонитского предпринимательства становились заметными для российского общества явлением. Формируя первые капиталы, основывая фабрики и скупая земли, предприниматели словно подтверждали лозунги националистов, которые видели во всём «денационализацию русского рубежа» [3], что возбуждало воображение сторонников национализма и вызывало опасение их потенциальных конкурентов. Вместе с тем, на начальном этапе модернизационных преобразований именно предпринимательская практика обеспечивала меннонитам поддержку государства и

являлась «иммунитетом» от национализма. Государство позитивно относилось к экономическим успехам колоний, и до тех пор, пока российский национализм не возвысился до уровня государственной политики (1881 г.), он, ощущая свою слабость и силу «противника», не стремился к наступательным действиям, ограничиваясь наблюдением.

Вместе с тем, предпринимательские группы занимали всё более значимую позицию в социальной иерархии меннонитского сообщества, формируя светскую элиту. Это показательно проявилось на этапе кампании противостояния реформам 1870-х гг. Вместе с религиозными деятелями предприниматели возглавляли депутатии, лоббировавшие интересы колоний. Одну из таких депутатий в Санкт-Петербург возглавлял Л. Зудерман, предприниматель Бердянской общины [6]. Побочным результатом реформы стала эмиграция – акция неповиновения со стороны меннонитов, резонансное событие, отголоски которого оказали влияние на формирование националистических настроений.

Несмотря на то, что период реформирования закончился для меннонитов в целом благоприятно, пережитый конфликт внес существенные изменения в систему взаимоотношений меннонитов с российским обществом. Оправдывая свои действия по реформированию, власти впервые использовали элементы «антиколониистской пропаганды», провоцируя тем самым элементы «антиколониистского сознания» (колониистофобии). Колониистофобия как новая версия презентационного образа содержала в себе негативное отношение к представителям этноконфессии как к группе, которая достигла процветания лишь благодаря привилегиям и была способна на предательство.

«Антиколониистское сознание» сохраняло своё значение и после 1874 г. Оно стало питательной почвой для другого явления российской действительности – «немецкого вопроса». Сращивание элементов «антиколониистского сознания» с «немецким вопросом» и превращение последнего в устойчивый элемент российских общественно-политических настроений и национализма было вызвано реальными политическими и экономическими предпосылками [37]. В развитии «немецкого вопроса» внутривнутриполитические и геополитические факторы взаимно влияли друг на друга, способствуя эскалации конфликта в целом.

Внутренним экономическим полем «немецкого вопроса» на этапе его возникновения являлась преимущественно земельная

проблема. Не затрагивая меннонитскую промышленность, он оказывал влияние на конфессиональные и этнические чувства их владельцев. Практически это выражалось в намерениях меннонитов-предпринимателей сохранять тесные связи с колониями, влияло на формирование корпораций по конфессиональному признаку, сдерживало карьерные амбиции. Не менее опасной была скрытая разрушительная работа антинемецких настроений – формирование негативного отношения одной части российского общества против другой.

Реальность проблемы колониистофобии была ещё раз подтверждена в 1910, 1912 гг., когда были предприняты первые попытки реализовать законопроекты по ограничению немецкого землевладения. Однако меннонитам удалось сформировать базу для лоббирования собственных интересов в III Думе, на заседаниях которой законопроекты были подвергнуты критике [38]. После провала законопроектов антинемецкие настроения вновь перешли в состояние анабиоза [4].

Первая мировая война, национализм и меннонитское предпринимательство.

С началом Первой мировой войны антинемецкая кампания воплотилась в ряде правительственных мероприятий по борьбе с «немецким засильем». Ликвидационное (чрезвычайное) законодательство – серия законодательных актов, обсуждаемых и частично реализованных в

России в течение 1914–1917 гг., направленных на ограничение землепользования, землевладения и влияния иностранного, преимущественно немецкого, капитала в России. Возникнув как проект, направленный против подданных вражеских государств, она вскоре превратилась во внутреннюю войну против немецкоязычного населения империи.

22 сентября 1914 г. был издан Высочайший Указ, который вводил запрет на приобретение неприятельскими подданными прав на недвижимое имущество [27]. Одновременно Министерства внутренних дел и юстиции приступили к выработке законов по ограничению прав немцев – граждан России. 2 февраля 1915 г. Советом Министров были приняты законы «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных»*, «О прекращении землевладения

* Первый из представленных законов лишал прав землевладения и землепользования подданных стран, воюющих с Россией. Землевладельцам данной категории предлагалось добровольно продать свою собственность в течение 6 месяцев. По истечении данного срока имущество могло быть продано с торгов. [31, с. 559–564].

и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях»**, «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев»***.

Данные законы не распространялись на тех, кто приобрёл подданство до 1 января 1880 г., то есть не касались напрямую бывших немцев-колонистов и меннонитов.

13 декабря 1915 г. Советом Министров был утвержден указ «О некоторых изменениях и дополнениях узаконений 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев» [30]. Закон расширял область влияния законов на территорию Екатеринославской, Таврической губерний и затрагивал напрямую колониетскую собственность. Речь шла о принудительной продаже собственности, применении секвестра. Такое ограничение касалось лишь немцев и меннонитов, приписанных к сельскому обществу, исключая немцев, проживающих в городах, то есть предпринимателей. Действие законов не распространялось на семьи военнослужащих или отставных офицеров из колонистов, а также на лиц, принимавших участие в боевых действиях и награжденных орденами. Однако на практике это правило нередко нарушалось. По сведениям «Комитета по борьбе с немецким засильем», на основе законов 2 февраля и 13 декабря 1915 г. ликвидации подлежали 15 598 хозяйств на территории Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний общей площадью 1 899 217 дес. [28]. Поскольку большинство меннонитов-предпринимателей являлось одновременно и землевладельцами, представленные законы затрагивали принадлежавшее им недвижимое имущество.

Были предложены специальные меры, разработанные, как было объявлено изначально, для германской, но впоследствии и для колониетской промышленности. Среди них законы: 1) 16 марта 1915 г. «О назначении правительственных инспекторов для надзора за дея-

**Согласно положениям закона устанавливалась 100–150-верстная зона вдоль границ с Германией, Австро-Венгрией, Финляндией, а также вдоль побережья Балтийского, Черного, Азовского морей (в том числе Крым и Закавказье), где землевладение и землепользование российских граждан-выходцев из Германии и Австро-Венгрии подлежало ликвидации. На добровольное выполнение закона был отведен срок 10–16 месяцев. В случае отказа владельцев предусматривалась принудительная мера – продажа с торгов [31, с. 564–566].

*** Согласно закону немецким поселенцам запрещалось приобретать какое-либо недвижимое имущество и земли вне городов. [31, с. 566–568].

тельностью некоторых торгово-промышленных заведений» (где были продлены права подданных воюющих с Россией держав на содержание торговых предприятий, а равно для производства личных промысловых занятий); 2) 10 мая 1915 г. «О ликвидации торговых предприятий, принадлежащих неприятельским подданным»; 3) 2 января 1916 г. «О мерах против уклонения неприятельскими подданными от действия ограничительного узаконения по содержанию торгово-промышленных предприятий»; 4) 16 января 1916 г. «О правительственном надзоре за деятельностью торгово-промышленных предприятий, владельцы которых являются неприятельскими подданными»; 5) 22 октября 1916 г. «Об изменении действующих правил о порядке заведывания и управления секвестрованными предприятиями и имуществом»; 6) 25 октября 1916 г. положение Совета Министров «О порядке ликвидации промышленных предприятий, расположенных на подлежащих отчуждению землях неприятельских подданных и выходцев» [24; 30; 31].

Практическая реализация Ликвидационных законов в отдельных регионах имела свою специфику и была связана со степенью проблемности «немецкого вопроса» в различных губерниях, специфике влияния «человеческого фактора».

В Новороссии общество раскололось в оценке происходящего. В феврале 1914 г. Совецание земских гласных Таврической губернии направляет в г. Петроград депутацию с целью предостережения правительства от принятия недальновидных с точки зрения государственного подхода решений. Обсуждение законов 13 декабря 1915 г. на январской 1916 г. сессии Таврического губернского собрания закончилось осуждением данных намерений [16]. Однако в феврале 1915 г. по инициативе центра здесь было основано Губернское управление по реализации Чрезвычайного законодательства, в печати началась публикация ликвидационных списков, проведены торги в Симферопольском уезде и Гальштаттской волости. Всего за продажу имений к зиме 1917 г. было выручено 4 млн. руб. [17].

В январе 1916 г. Екатеринославское губернское земское собрание приняло решение ходатайствовать о распространении закона 13 декабря на территорию всей империи [36]. Благодаря своему влиянию в городе, меннонитам удавалось поддерживать благоприятный климат вокруг общины [39].

Ликвидационные законы открыли дорогу для многочисленных злоупотреблений и произвола властей. Земские организации привлекала собственность меннонитов. В 1916 г. Александровская земская

Управа предоставила в губернское земство доклад с обоснованием необходимости покупки колоний Кичкас, Канцеровка, Нижняя Хортица. Тогда же была проведена оценка построек данных селений, согласно которой их стоимость составила 2 210 705 руб. [34]. 29 декабря 1916 г. состоялось объединённое совещание Александровской городской Управы и «Особой комиссии по вопросу приобретения городским управлением земельных угодий со всеми находящимися на них постройками поселян-собственников с. Кичкас». Общая сумма назначенной продажной стоимости всех производств с. Кичкас составляла 1 846 460 руб. (вместо реальной 2 550 701 руб.) [34].

Внимание правительства было обращено на машиностроительные предприятия. В докладе Комитета юго-западного фронта (1917 г.), сообщалось о меннонитских машиностроительных предприятиях с. Кичкас, на которых владельцы «наживают огромную прибыль». Автор утверждал, что «приобретение этих производств Земством являлось бы ценным вкладом в русскую жизнь...» [34].

Частью правозащитной кампании, организованной меннонитами, была подготовка петиций в адрес правительства от конгрегаций и отдельных лиц, распространение брошюр разъяснительного характера. В них использовался аргумент о голландском происхождении меннонитов. За год существования «Комитета по борьбе с немецким засильем» было рассмотрено 630 прошений частного характера, по 17 из них было принято положительное решение [29].

В ходе данной правозащитной кампании меннониты-предприниматели были особенно активны. 17 января 1917 г. от имени членов конгрегаций к императору обратились И. Тиссен и А. Браун, уполномоченные Екатеринославской и Таврической губерний. К обращению прилагалась записка «О ликвидации земель меннонитов», в конце которой был сделан печальный вывод: «Надежд на то, чтобы ликвидационное управление не сгубило заводов и фабрик, очень мало» [29].

Тактика, которой следовали меннониты в данных обстоятельствах, была вполне логичной. Не будучи уверенными в возможности оказать влияние на процесс блокирования законодательства, они пытались выиграть время. Появление прошений (например, Г. Бергмана) повлекло за собой расследование о меннонитах Екатеринославской губернии. В сентябре 1915 г. Екатеринославский губернатор Колобов В. А. писал, что прошение является неоправданным, ибо немцы «совершенно игнорируют местное русское население и держат себя обособленно» [25]. Он убеждал, что меннониты действительно представляют внутреннюю опасность государству.

Казалось, вся страна ополчилась против российских немцев и меннонитов, но в непредсказуемый сценарий антиколонистской кампании вмешались военная экономика и фактор времени. Потребность армии в артиллерии постоянно росла. По этой причине Военно-промышленный комитет искал новые производства, которые находил и среди меннонитских фабрик.

Поддержка в адрес бывших колонистов прозвучала от некоторых партий Государственной Думы [4]. К началу 1916 г. также появились призывы в поддержку предпринимательства представителей данной этнической группы и со стороны купечества [14].

Совет Министров вынужден был принять ряд распоряжений уступительного характера. Были перенесены сроки имплементации Ликвидационных законов 1915 г. до конца 1916 г. Указ 15 июля 1916 г. сохранял собственность тех колонистов, которые удостоверяли участие членов семьи в боевых действиях. 25 августа 1916 г. утверждено положение «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об ограничении неприятельских земельных владений и землепользований». Совет Министров постановил отсрочить применение закона до лета 1917 г. для хозяйств, которые изъявили желание летом 1916 г. высеять озимые и собрать урожай [17, с. 34].

Уступительный характер носил закон 19 августа 1916 г., затрагивающий непосредственно меннонитскую промышленность. Министерство торговли и промышленности указом от 19 августа 1916 г. добилось приостановки публичной продажи земель, на которых были расположены промышленные заведения, на два года. Для производств, изготавливавших оборонную продукцию, данный срок предполагалось увеличивать [17, с. 96, 104–105, 245].

Конкретные перспективы сохранения меннонитского предпринимательства в регионах на этапе обсуждения Ликвидационного законодательства зависели от множества факторов: степени известности каждого конкретного предприятия, специализации, возможности получения военных заказов и самоорганизации предпринимательских кланов. На степень выживаемости каждого отдельного предприятия оказывала влияние личные контакты промышленников, их умение вести диалог с российской общественностью и быть убедительными в этом диалоге.

С началом войны колонистские предприятия стали объектами рассмотрения комиссий в Особом делопроизводстве по правительственному надзору [23]. Данное ведомство исследовало степень

присутствия «вражеского капитала» в деятельности предприятий. Наиболее благоприятно обстоятельства складывались для предприятий, использованных для производства оборонной продукции. Дело фирмы «Лепп и Вальман» было прекращено с началом производства военной продукции на заводах товарищества [11]. В ноябре 1916 г. было произведено организационное объединение заводов «Лепп и Вальман» и фабрики А. Я. Копа. Сформированный ими концерн «Лепп, Вальман и Коп» подписал соглашения с Петербургским Главным Артиллерийским управлением и Екатеринославским военно-промышленным комитетом о производстве снарядов разных модификаций. За 1916 г. завод Копа изготовил оборонной продукции на сумму 1 326 651 руб. [13]. Годовое производство Леппов к 1917 г. достигло 1 557 530 руб. Капитал акционерного общества вырос в 2 раза и достиг 2 400 000 руб. [11].

К производству оборонной продукции также были привлечены: компания «Гильдебрандт и Присс» (Хортица), завод нефтяных двигателей Кригера; экипажная фабрика Унгера (Остервик). По свидетельству фабричного инспектора, предприятие «Коп и Гелькер» увеличило своё производство на 15% [35].

В Таврической губернии для производства снарядов было сформировано объединение из 15 промышленных предприятий. Возглавил данное объединение Г. Г. Шредер – директор акционерного общества «Шредер и К^о». Фактически без остановки на нужды обороны работали мельницы товарищества «Нибур и К^о» [12]. В июле 1916 г. военные заказы получили меннонитские мельницы Екатеринослава [35], а также мукомольные предприятия Дика (Феодосийский уезд), паровая мукомольная мельница Таврическо-Американского Товарищества «И. И. Дик и П. Мантлер» (с. Нельговка) [35, с. 76]. Лишь наиболее известные и мощные меннонитские предприятия сумели получить военные заказы.

Особенность общей ситуации состояла в том, что каждый из промышленников вынужден был бороться за себя своё предприятие самостоятельно. Относительная успешность екатеринославских и александровских меннонитов во многом определялась согласованностью их действий. По сведениям Екатеринославской Городской Думы, Иоганн Эзау, предприниматель и общественный деятель, входил в состав комиссии по снабжению топливом, отвечал за поставку лошадей и повозок, оборудование госпиталей [39, с. 10]. Посредничество Эзау обеспечило передачу заказов именно меннонитским производствам.

Заключение.

Проблема «меннонитское предпринимательство и национализм» развивалась как часть «немецкого вопроса» – социального явления и одной из националистических концепций, имевших глубокие исторические корни и связанных со спорами об обеспечении интересов населения империи, с одной стороны, и процессами экономической интеграции немецкоязычного населения, неравномерности развития окраин, с другой.

Истоки данной проблемы были заложены возникшей на раннем этапе колонизации государственной практикой государственных привилегий. В националистических интерпретациях многочисленных проблем развития империи извечный русский вопрос «Кто виноват?» задавался намного чаще, чем направленный на поиск позитивного решения «Что делать?». Среди «виновных» оказывались наиболее успешные этнические группы, включая и меннонитов.

Предпринимательская практика была показателем успешности меннонитов в России, что явилось одним из катализаторов развития немецкого вопроса в империи. Меннонитское предпринимательство, будучи, как убеждали националисты, «сильным» и потенциально опасным врагом, было удобным объектом для критики и мониторинга. Тот факт, что меннониты имели успех в различных направлениях предпринимательской деятельности (аграрный и промышленный сектор), расширяло целевые группы воздействия идеологии российского национализма.

Меннонитское предпринимательство, поддерживаемое государством, долгое время обладало достаточной стойкостью, чтобы противостоять национализму. После 1870-х гг. отношение к представителям меннонитского сообщества изменилось согласно новому негативному презентационному образу этноконфессии.

Трудности модернизации привели к постепенному сближению национализма и практической политики. Это мало затронуло этническое предпринимательство и способствовало его экономическому успеху в начале XX ст. Но с началом Первой мировой войны проблема была сфокусирована на решении проблем собственности. На этапе принятия Ликвидационного законодательства государственный национализм перешёл границу правовой легитимности, предлагая ограничительные меры против немецкоязычных граждан Российской империи.

Вместе с тем, несмотря на неравное распределение сил в конфликте, противостояние «российский национализм – меннонитское

предпринимательство» не закончилось поражением этноконфессии. Протекционистская кампания, в которой значительную роль сыграли меннонитские промышленники, позволила не просто приостановить темпы введения законодательства, но и обеспечить крупные предприятия военными заказами. Вместе с тем, столкновение с государственным национализмом, нанесло удар по пацифистским воззрениям меннонитов.

Программа ликвидации собственности по националистическому сценарию принесла вред не только экономике государства, но и перспективам развития российского общества. За пределы легитимности были выведены сильные, социально активные этнические группы. В результате государство, как неделимое сообщество, расплачивалось своим отставанием за действия националистически настроенных политиков. Негативным прогнозом для империи был тот факт, что общественность во многом поддерживала продвижение законов, попирающих права граждан. Российское общество показало, как легко оно может принимать условия гражданской войны. Дальнейшие события подтвердили истинность данного неутешительного для империи прогноза.

Примечания

1. Аксаков И. С. В каком смысле остзейские немцы дорожат своими отжившими привилегиями (сентябрь, 1868) / И. С. Аксаков // Аксаков И. С. Полн. собр. соч. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. – Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. – С. 102.
2. Аксаков И. С. В праве ли прибалтийские немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности (23. 09. 1867) // Аксаков И. С. Полн. собр. соч. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1887. – Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн. собр. соч. – С. 30.
3. Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1887. – Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн. собр. соч. – С. 413–416.
4. Баах С. В. Трансформация содержания немецкого вопроса в контексте деятельности Государственной Думы (1906–1917) / С. В. Баах // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношения: Матер. XI междунар. конф. Москва. 1 – 3 ноября 2006 г. – М. : МСНК-пресс, 2007. – С. 189–200.

5. Венгер Н. В. Возникновение и развитие частной предпринимательской деятельности на территории меннонитских колоний / Н. В. Венгер // Вопросы германской истории. – Днепропетровск : РВВ ДНУ, 2002. – С. 30–51.
6. Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом / Н. В. Венгер. – Днепропетровск: ДНУ, 2009. – С. 224–225.
7. *Высочайше* утверждённые правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворённых на казённых землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и в области Бессарабской (14 июня 1871) // ПСЗРИ. – Изд. II. – Т. XLVI. – С. 813–819.
8. Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и особенности сельских учреждений России: в 3 т. / А. Гакстгаузен. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1870. – Т. 1. – 490 с.
9. Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. – М., 1915. – С. 62.
10. Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 190. – Л. 56.
11. ГАЗО. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 318. – Л. 20–21, 71–73.
12. ГАЗО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 481. – Л. 21.
13. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). – Ф. 158. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 37.
14. Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. – М., 1915. – С. 62.
15. Клаус А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А. Клаус. – СПб. : Нусвал, 1869. – 455 с.
16. Лаптев Ю. Положение немцев в Крыму в годы Первой мировой войны / Ю. Лаптев // Немцы в Крыму. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2000. – С. 63–72.

17. *Линдеман К. Э.* Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников: Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июня и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние Южной России / К. Э. Линдеман. – М. : Тип. К. Л. Меньшова, 1917. – 384 с.
18. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – Т.1. – С. 28–34.
19. *Московские ведомости (МВ).* – 1864. – № 51. – С. 136.
20. *Наказ гражданским губернаторам об обязанности гражданских губернаторов по охранении прав и льгот, дарованных иностранным колонистам (3 июня 1837 г.)* // ПСЗРИ. – Изд. II. – Т. XII. – С. 361–438.
21. *Правила об отбывании обязательной службы меннонитами* // Полное собрание законов Российской Империи (далее ПСЗРИ). – Изд. II. – Т. L. – С. 146–147.
22. *Письма герцога Армана Эммануиловича де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803–1814 гг.* / Сост. и ред. О. В. Коновалова. – Одесса: ОКФА; издательство ТЭС, 1999. – 282 с.
23. *Российский государственный исторический архив Российской Федерации (РГИА).* – Ф. 23. – Оп. 28. – Д. 1216. – Л. 33–34.
24. РГИА. – Ф. 23. – Оп. 28. – Д. 3090. – С. 1–5, 7, 17 об., 25–26.
25. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 319. – Л. 25–27.
26. РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 12. – Д. 1447
27. РГИА. – Ф. 1483. – Оп.1. – Д. 1. – Л. 5.
28. РГИА. – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д.16. – Д. 34.
29. РГИА. – Ф. 1483. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 19–27.
30. *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате за 1915 г.:* в 2 ч. – Петроград : Сенатская тип., 1916. – Ч. 1, 2
31. *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое в правительствующем Сенате в 1915 г.* Отдел 1-й. – Петроград: Сенатская типография, 1915. – С. 2749.
32. *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате за 1916 г.:* в 2 ч. – Петроград: Сенатская тип., 1917. – Ч. 1, 2.

33. *Фадеев А. М.* Воспоминания: в 2 ч. / А. М. Фадеев. – Одесса: Тип. Высочайше утверждённого Южнорусского общества печатного дела, 1897. – Т. 1. – С. 51–53, 63, 82–88, 104–106, 211.
34. *Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАК).* – Ф. 715. – Оп. 1. – Д. 2259. – Л. 14.
35. ЦГИАК. – Ф. 2090. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 423.
36. *Hamm O.* Memoirs of Ignatyev in the light of historical change / O. Hamm. – Saskatoon : Ruth F. Humm, 1984. – P. 109.
37. *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I / E. Lohr. – Cambridge : Harvard University Press, 2003. – 220 p.
38. *Martin T.* The Mennonites and the Russian State Duma, 1905–1914 / T. Martin // The Donald W. Treadgold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. – Washington : University of Washington. – Paper No. 4. January 1996. – P. 34–42.
39. *Peter Heese.* Jecaterinoslav // Mennonite Heritage Center Archive. – Vol. 5015. Small Archives. – 32 p.
40. *Staples J. R.* Cross-cultural Encounters on the Ukrainian Steppe: Settling the Molochna Basing, 1783 – 1861 / J. R. Staples. – Toronto : University of Toronto Press, 2003. – P. 107–142.

Венгер, Наталія Російський націоналістичний дискурс і менонітське етнічне підприємництво: генезис і динаміка соціально-політичного конфлікту (1830–1917)

Проблема «менонітське підприємництво і націоналізм» були закладені практикою державних привілеїв на етапі колонізації. Успішна підприємницька практика менонітів робила його зручним об'єктом націоналістичної критики. Підприємництво, підтримуване державою, мало сприятливі можливості розвитку. З початком світової війни етнічна промисловість зазнала впливу Ліквідаційний законодавства. Правозахисна кампанія менонітів дозволила зупинити темпи імплементації законодавства і забезпечити підприємства замовленнями.

Ключові слова: російський націоналізм, менонітське підприємництво, Перша світова війна, модернізація.

Venger, Nataliya Russian Nationalism discourse and Mennonite ethnic entrepreneurship: genesis and dynamics of the social and political conflict (1830–1917)

The origins of the problem "Mennonite entrepreneurship and nationalism" were laid by the state privilege practice at the stage of colonization. Successful entrepreneur practice of the Mennonites made it an object for nationalism criticism. Entrepreneurship supported by the state had favourable opportunities for development. With the outbreak of the First World War ethnic industry was influenced by Liquidation Legislation. Mennonite human rights campaign helped to stop the rate of legislation implementation and provide enterprises with orders.

Keywords: Russian nationalism, Mennonite entrepreneurship, First World War, modernization

УДК 94 (470+571): [336.24.08:331.105.44] «1917»

Всеросійська спілка митних службовців у 1917 році

Сергій Дейнеко

У статті на основі архівних матеріалів показане становлення та занепад першої профспілкової організації російських митників. Розглянуто причини, хід та наслідки першого політичного страйку співробітників Департаменту митних зборів, що проводився під керівництвом митної профспілки Петрограда. На думку автора однією з причин малоефективної роботи вищезгаданої установи була завелика політизація суспільства.

Ключові слова: профспілка, митниця, російська революція, Петроград.

Лютнева революція 1917 р. надала додаткового імпульсу до розвитку цілій низці різноманітних громадських об'єднань, зокрема профспілковим. Одна з таких організацій – це професійна спілка митних службовців, яка з'явилася навесні 1917 року.

Відсутність публікацій, які відображують сторінки історії профспілкової організації службовців Департаменту митних зборів обумовлює актуальність нашого дослідження.

Дослідження історії митної справи має доволі значну історіографію. Різноманітні аспекти митної політики відображені в низці праць. Так, у колективній монографії «Історія митної справи в Україні» висвітлюється її становлення та розвиток від часів Боспорської держави майже до сьогодення. Чимало уваги приділяється роботі митних установ, в тому числі і на початку ХХ століття [12]. Особливості становлення митної системи Російської імперії в ХVІІІ – початок ХХ ст. на українських землях, розглянув в своїй монографії дослідник з Академії митної служби України (Дніпропетровськ), доктор історичних наук О.В. Морозов [15].

Його земляк та колега, доктор історичних наук Д.В. Архірейський сконцентрував свою увагу на митній політиці та роботі профільних установ України, Радянської Росії та СРСР між 1917 та 1939 роками [1, 2]. Таким чином, можна зазначити, що всі вищезгадані роботи об'єднують один чинник – відсутність інформації про Всеросійську спілку митних службовців.

Перше згадування про дану профспілкову організацію присутнє в збірнику архівних матеріалів та документів «Митниці Слобожанщини. Митна справа на Слобожанщині 1660 – 1870 – 1992 – 2000». Спілка згадується в контексті створення її відділення у Харкові [14]. Згодом, Ю.А. Беліков у статті «Харьковская главная складочная таможня», навів свідчення про підтримку співробітниками Харківської митниці створення Всеросійської спілки митних службовців [21, с. 1066 – 1067].

Мета даної статті – показати становлення першої профспілкової організації митних службовців у 1917 році в контексті подій, які на той час відбувалися в державі.

Основу джерельної бази склали матеріали з Державного архіву Харківської області, а саме фондів: Ф. 84 – «Харківська митниця» та Ф. р-3962 – «Комітет Харківського відділу Всеросійської спілки митних службовців» та періодичні видання.

Навесні 1917 р. в середовищі митників Російської імперії запанувала думка про необхідність заснування власної загальнодержавної профспілкової організації. Все це призвело до створення організаційних комітетів з підготовки I-го з'їзду Всеросійської митної спілки. До речі, наприклад, службовці Харківської митниці 5 травня 1917 р. підтримали ідею створення подібної організації та на загальних зборах постановили:

- приєднатися до Всеросійської спілки службовців митного відомства;
- визнати необхідним скликання у Москві в найближчий час делегатів від всіх митних установ для обговорення питань службового та матеріального становища митників;
- на з'їзді підняти питання про покращення матеріального становища всіх службовців митного відомства, особливо співробітників нижчої ланки та відставників, які знаходяться в край скрутному становищі;
- розробити положення про підвищення матеріального забезпечення родин загиблих службовців, а також надання їм негайної матеріальної допомоги;

- розробити загальне положення, яке б регламентувало прийом, звільнення та переміщення службовців;
- створити кодекс взаємовідносин митних службовців;
- підняти питання про створення більш комфортних умов праці [7, арк. 19].

Вищенаведені пункти висунули штатні працівники Харківської митниці, тобто чиновники. Необхідно додати, що особовий склад російських митних закладів можна розділити на дві великі групи: більш привілейованих штатних службовців (чиновників) та вільнонайманих працівників, які отримували невелике грошове утримання.

Тому, шестеро доглядачів Харківської митниці, а саме: Калета, Михайлович, Красніков, Усович, Приступенко і Дмитрієв звернулися з листом до Бюро по скликанню Всеросійського з'їзду митних службовців з пропозиціями про поліпшення умов служби митних доглядачів:

- доглядачі повинні отримати статус штатного службовця;
- доглядачі, які мають відповідну освіту та досвід роботи мають право обіймати більш відповідальні посади;
- доглядачі повинні з першого місяця служби отримувати грошове забезпечення (жалування) не менш, як 150 рублів;
- переглянути пенсійний вік та збільшити розмір пенсій;
- збільшити розмір грошових виплат вдовам та дітям загиблих доглядачів;
- діти доглядачів повинні отримувати щорічну грошову допомогу нарівні з дітьми штатних співробітників;
- звільнення доглядача зі служби повинно відбуватися тільки за згодою місцевого митного комітету (профспілки);
- бажано зменшити кількість робочих годин на добу (частина доглядачів несла вночі караульну службу);
- видавати однострої та взуття щорічно;
- забезпечити доглядачів службовим житлом та опаленням;
- установити більш відповідний вигляд уніформи з заміною сірого кольору шинелі на чорний [7, арк. 150].

Якщо порівняти обидва списки, то вони не надто відрізняються. Більшість пунктів торкаються поліпшення грошового забезпечення, умов праці і службового рівноправ'я. На цьому тлі яскраво вирізняється останній пункт зі списку пропозицій доглядачів. На нашу думку, бажання змінити колір уніформи говорить про падіння авторитету армії в суспільстві і намагання нижчої ланки митних

службовців відмежуватися від неї. Не дивлячись на масу спільних проблем, особливо матеріального характеру, окреме звернення доглядачів свідчить про панування атмосфери недовіри між двома групами співробітників російських митних закладів.

З 1 по 16 вересня 1917 р. в Петрограді проходив I Всеросійський з'їзд митних службовців. Прибуло 136 делегатів, які презентували 41 митну установу держави. Зокрема, Одеська митниця делегувала 4 особи, Московська – 10, Петроградська портова – 21, Департамент митних зборів (центральный апарат) – 9, Архангельська – 2, Петроградська митниця при Фінляндській залізниці – 16, Ревельська – 4, Таганрозька, Севастопольська, Керченська, Євпаторійська, Потійська, Батумська, Харківська та Тифліська митниці відправили по 1 співробітнику, Владивостоцька – 8, Челябінська – 2, Маньчжурська – 2, установи Ташкентського інспекторату – 3, установи Владивостоцького інспекторату – 8, власне Владивостоцький інспекторат – 1, Спілка службовців евакуйованих митних закладів – 6 [8, арк. 1].

На з'їзді абсолютною більшістю голосів постановили утворити Всеросійську спілку митних службовців і обрали її керівництво. Виконавчим органом став Центральний Комітет. До його складу ввійшли: Голова – Д. П. Феденев (Москва), заступники – А. А. Смирнов (Варшава) та Г. Г. Немченко (Одеса), секретарі – В. К. Орлов (Петроград) та В. П. Богуславський (Ніколаєвск – на – Амури), скарбник – Н. А. Поспішил (центральный апарат Департаменту митних зборів), члени: В. І. Радзієвський (Петроград), В. Е. Копайтич (Білоостров), Г. І. Єфремов (Владивосток), Н. М. Масловський (Архангельськ), Ф. П. Мелешкевич (Петроград), І. К. Постніков (Петроград), Г. Л. Кіріков (Петроград), Носов (Ашхабад), Тер-Ованесов (Кавказький інспекторат) [8, арк. 1–2].

З'їзд розглянув питання про становище митної служби в Російській імперії, затвердив проект статуту Всеросійської спілки митних службовців, розпочав клопотання перед урядом, у зв'язку з ростом споживчих цін, про підвищення жалування всім категоріям митників. Дійшли згоди про розмір членських внесків: вступний (одноразовий) – 1 руб., і 1,5% від окладу (з надбавками) щомісяця, з яких 50% відправляють до Петрограду. Гроші з регіонів до Петрограда почали надходити вже в вересні 1917 року. Так, з Харкова в вересні відправили 37 руб. 12 коп., а в жовтні – 40 руб. 76 копійок [8, арк. 2, 4].

Однак історія не відпустила часу на всебічне становлення та зміцнення Митної спілки, як іноді самі митники називали вищезгадане громадське об'єднання. В жовтні 1917 р. до влади прийшли більшовики. Реакцію мешканців Петрограда на зміну влади прекрасно показав російський дослідник С.В. Яров в своїй роботі «Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев». Зокрема, він пише: «Большевистское «выступление» сначала малоприметное, не вызвало ни 24, ни 25 октября сколь-нибудь заметного всплеска городской среды. Правда, все необычное – разведение мостов, перекрытие улиц, остановка трамваев – собирало толпы людей. Город заполнили слухи. Мало кто что – либо знал точно, но общим было мнение о недолговечности режима» [22, с. 9].

Відношення мешканців Петрограда до вищезгаданих подій яскраво проявилось 27–30 жовтня. За словами професора С.В. Ярова, це була реакція городян на практичні дії більшовиків: «закрытие газет, разгром типографий, пресечение демонстраций. Вскоре все захлебнулось. Уличный протест 27–29 октября был движением плохо управляемой, аморфной массы, и потому слабым и обречённым» [22, с. 9 – 10].

Однак не дивлячись на те, що вуличні протести захлинулися, службовці Міністерства фінансів оголосили 28 жовтня 1917 р. страйк на знак протесту проти втручання в роботу установи і на підтримку заарештованого міністра фінансів М. В. Бернацького. Протестуючі оприлюднили наступну заяву: «В виду насилия над главой ведомства и насильственного вмешательства в работу отдельных учреждений, 27 октября в делегатском собрании служащих Министерства финансов была принята следующая резолюция: «1) Мы не считаем возможным подчиняться распоряжениям исходящим от захвативших власть; 2) Мы отказываемся входить с ними в служебные отношения; 3) Впредь до создания власти, пользующейся всенародным признанием, мы прерываем свою служебную деятельность, возлагая ответственность за последствия на захвативших власть» [10, с. 1].

В середині листопада 1917 р. в газеті «Свободная Речь» (до 26 жовтня 1917 р. «Речь») в колонці Московская хроника з'явилася стаття «Накануне забастовки», в якій заявлялося, що Спілка службовців державних та громадських установ створила Страйковий комітет і оголосила про початок страйку міських службовців Москви 22 листопада 1917 року. Але страйк розпочався раніше запланова-

ного часу, 16 листопада учні середніх казенних учбових закладів на два дні припинили навчання на знак протесту проти захоплення влади більшовиками. 17 листопада газета «Наша Речь» опублікувала на своїх шпальтах статтю «Воззвание Союза союзов» [Союз союзов – федерація профспілок] в якій виказувалася підтримка Установчим Зборам. Профспілки виступали проти Радянської влади: «Чиновники не могут признать ленинский совет народных комиссаров правительством рабочих и крестьян, и считают его группой лиц захвативших власть, вопреки воле огромного большинства народа» [17, с. 4; 19, с. 3; 3, с. 4].

Розпочинаючи з другої половини листопада 1917 р., чимало державних та приватних установ в Петрограді та Москві підтримали страйк. Зокрема, майже всі службовці Міністерства землеробства, в Міністерстві торгівлі та промисловості до роботи приступили тільки п'ять осіб, об'явили про початок дводобового страйку, на знак протесту проти насильницького захоплення влади, службовці Товариства «Брати Нобель», московські курсистки провели однодобовий страйк на знак солідарності з протестуючими. На початку грудня міська Дума Петрограда також оголосила про початок страйку. Дану акцію протесту підтримала навіть московська міліція [4, с. 3; 5, с. 3; 20, с. 5; 16, с. 2; 6, с. 3; 11, с. 3].

Наприкінці жовтня, разом зі службовцями Міністерства фінансів, оголосили політичний страйк чиновники Департаменту митних зборів (центрального апарату). Резолюцію про початок страйку затвердили на спільному засіданні Петроградських Комітетів Митної спілки представники Петроградської портової та при Фінляндській залізниці митниць і Департаменту митних зборів [9, арк. 3].

Однак, не дивлячись на спільну резолюцію участь в даній акції протесту фактично прийняли лише службовці центрального апарату Департаменту митних зборів та Поштового відділення Петроградської портової митниці. Власне в двох петроградських митницях більшість співробітників страйк не підтримали. Однією з причин стала організована протидія доглядачів, які прийняли сторону нової влади та всіляко протидіяли страйку. На перших порах розколу, в митному середовищі Петрограда не спостерігалось ніяких ознак боротьби між двома групами митників і намагань силоміць заставити ту, чи іншу сторону, прийняти відповідну політичну позицію. Бажаючи зрушити справу з місця та припинити страйк, а відповідно і розкол серед митників столиці, до Петрограда прибув Голова ЦК Всеросійської спілки митних службовців Д.П. Феденев.

Саме під його впливом ЦК видав 17 листопада звернення в якому містився заклик до всіх митних установ колишньої Російської імперії визнати владу більшовиків та стати до роботи. Хоча треба сказати, що за межами Петрограда митники страйк не підтримали. Даний крок керівництва Митної спілки викликав у страйкарів хвилю обурення, які вже зазнали на собі репресивні дії Радянської влади у вигляді арештів, звільнень та невидачі продуктивних пайків. Особливо в світі того, що напередодні, 1 листопада 1917 р., Петроградський Військово – революційний комітет видав дві постанови: «Предписание чиновникам правительственных учреждений о запрещении оставлять работу» та «Постановление о прекращении выплаты жалования служащим правительственных учреждений не явившимся на службу с 1 ноября 1917 г.». За невиконання яких страйкарям погрожували не тільки матеріальним покаранням, але й «конфискацией имущества и арестом». Для ще більшого тиску на протестуючих, того ж дня, побачив світ ще один документ – «Предписание штаба Военно–революционного комитета комиссару 2-го Балтийского флотского экипажа об откомандировании отряда в распоряжение В. Р. Менжинского». Згідно цього розпорядження під керівництвом В. Р. Менжинського, який на той час обіймав посаду комісара Військово–революційного комітету при Міністерстві фінансів, переходив загін матросів в кількості 100 осіб. Треба зазначити, що подібні репресивні дії нової влади зазнавали не лише співробітники установ, які відносилися до Міністерства фінансів. Так, 2 листопада вийшов наказ комісара у справах колишнього градоначальства Петрограда в якому він пропонував «всем служащим вернуться к своим занятиям. Не явившиеся в течение 2 ноября будут считаться уволенными». Показовим є приклад Володимира Борисовича Лопухіна, який обіймав посаду директора Департаменту загальних справ Міністерства закордонних справ. За участь у страйку чиновників МЗС втратив роботу та службову квартиру. В своїх мемуарах він дуже добре показав становище російського чиновника–страйкаря, що втратив засоби до існування: «А ресурсы таяли. У меня, да и у моей жены никакой недвижимой собственности, ни капитала никогда не было. Было припасено несколько сотен рублей, и то доставшихся путем учета в обществе взаимного кредита дружеских векселей. Когда будет истрачена последняя сторублевка (радужная ассигнация с портретом Екатерины II), останутся только 2-3 выигранных билета внутренних займов да кое – какие ювелирные

ценности жены, мои ордена, золотой портсигар, подаренный сослуживцами при уходе с должности управляющего делами особой комиссии по призрению больных и раненых воинов, да карманные золотые часы» [9, арк. 3; 18, с. 501, 486, 491, 575; 13, с. 10, 27].

На загальних Зборах службовців Департаменту митних зборів, які відбулися 28 листопада 1917 р., було прийняте рішення про ігнорування закликів Петроградського Військово–революційного комітету і керівників Митної спілки та продовжувати страйк до того часу, доки влада не перейде до Установчих Зборів. На проведеному голосуванні за подібне рішення віддали свої голоси 128 осіб проти 39 [9, арк. 4].

Центральний Комітет Всеросійської спілки митних службовців в політичній боротьбі між прихильниками та противниками Установчих Зборів став на бік останніх розпочавши активну боротьбу з митниками-страйкарями в Петрограді. Так, під впливом ЦК, наприкінці листопада, був ліквідований страйк службовців Поштового відділення Петроградської Портової митниці. Активну участь у боротьбі зі страйкарями приймали робітники митної артілі, підбурювані відрядженим до митниці комісаром. Застосовуючи погрози артільники змусили митників стати до виконання службових обов'язків.

В грудні політичні чвари охопили вже власне ЦК Митної спілки. Так, 4 грудня ЦК направив звернення до всіх місцевих Відділів, в якому піддав критиці «більшовицький терор» і відмежувався від свого рішення прийнятого 17 листопада про підтримку влади більшовиків та закликав стати на захист Установчих Зборів. Але вже 6 грудня світ побачила спільна резолюція ЦК і двох петроградських митниць, яка одночасно закликала прийняти бік Установчих Зборів та «употребить все усилия для срочной ликвидации забастовки в Департаменте, не останавливаясь, если это потребуется, перед созданием особого коллектива для руководства работами ведомства». Тобто закликали на боротьбу зі страйкарями, які підтримували вищезгадані Установчі Збори? Під час прийняття даного рішення представників Департаменту митних зборів (центрального апарату) позбавили права голосу, а згодом змусили покинути приміщення [9, арк. 4].

Для ліквідації страйку керівництво профспілки застосувало політику «розділяй та володарюй». Митних службовців низового рівня, як в Петрограді, так і в регіонах запевняли, що ті матеріаль-

ні проблеми, яких вони зазнають є наслідком страйку службовців центрального апарату Департаменту митних зборів. Регіональні Відділи звернулися з закликом до петроградців відмовитися від страйку мотивуючи це – «трагическим положением ведомства и нуждами служащих, требующих попечения со стороны Департамента, как центрального органа». У відповідь протестуючі заявили, що ЦК схиляється до «большевистской ориентации» та продовжили страйк [9, арк. 5–6].

Наприкінці грудня, за ініціативою ЦК Митної спілки, з службовців, які знаходилися при Департаменті митних зборів (центрального апарату) на правах тимчасово прикомандированих фахівців створили новий штат співробітників установи. 28 грудня 1917 р., за наказом ЦК всі приміщення Департаменту захопили доглядачі петроградських митниць і – «приняли на себя всю исполнительную власть». Директора Департаменту С.А. Гринвальда звільнили, разом з ним без роботи залишився весь керівний склад установи, а саме: віце-директор С.С. Антонов, начальники відділень С.А. Алексеев, Г.Є. Грум-Гржимайло, Г.Ф. Томулець; митні ревізори К.Н. Лодигенський та В.В. Бойко; керівник канцелярії А.В. Добротін – «как явно не соответствующие новым условиям и отношениям службы». Новим керівником Департаменту призначили члена ЦК Всеросійської спілки митних службовців, співробітника Білоостровської митниці (на кордоні з Великим князівством Фінляндським) В. Е. Копайтича. Незважаючи на подібний акт залякування більшість службовців відмовилися співпрацювати з новим керівництвом установи та підняли питання перед ЦК профспілки про незаконне звільнення вищих посадових осіб Департаменту. Ще на I Всеросійському з'їзді митних службовців затвердили правила прийому та звільнення зі служби, підвищення та пониження на посаді. Згідно них звільнити співробітника може лише Погоджувальна комісія у складі 6 осіб, по 3 від колективу та ЦК. Однак дану вимогу до уваги ніхто не взяв [9, арк. 7].

Треба відмітити, що в регіонах досить позитивно віднеслися до ліквідації страйку в Департаменті митних зборів. Не зафіксовано жодної підтримки на адресу колег з Петрограда. Так, наприклад, при голосуванні службовців Ревельської митниці, з приводу вищезгаданої події, 17 з 23 осіб підтримали дії ЦК по ліквідації страйку. Всі 44 співробітника Харківської митниці також висловили повну солідарність з ЦК Митної спілки. Лише заявивши, що дійсно не дотрималися процедури звільнення керівників Департаменту, але в

цілому підтримали кроки по боротьбі зі страйкарями [9, арк. 11, 13].

Необхідно зазначити, що подібна реакція митної спільноти не є чимось дивним. Більшість провінційного чиновництва своїх столичних колег недолюбувало та вважало їх зарозумілими ледарями, представниками царату. Відповідно до акцій протесту в столиці віднеслося негативно. На нашу думку 28 грудня, день ліквідації страйку в центральному апараті Департаменту митних зборів, можна вважати днем остаточного переходу Митної спілки під контроль нової влади, а відповідно її суть, як органу, що повинен захищати права найманого працівника нівелюється. Хоча деякі члени профспілки, ще в січні 1918 р., активно лобіювали ідею скликання в Москві 15 червня 1918 р. II-го Всеросійського з'їзду митних службовців, але в умовах розпаду країни та початку бойових дій це можна назвати утопією.

Підводячи підсумок необхідно відмітити, що вперше в історії російської митної служби, за ініціативи співробітників, створено профспілкову організацію основною метою якої мали стати поліпшення умов праці та правовий захист службовців всіх категорій. Організація розпочала роботу навесні 1917 р. і де-факто завершила її наприкінці грудня не виконавши свого основного завдання – захисту професійних інтересів митних службовців. Основною причиною цього стала занадто висока політизованість суспільства, яка відповідно екстраполювалася і на громадські організації. Найяскравішою сторінкою профспілкового руху російських митників, у зазначений період, необхідно вважати перший за всю історію російської митної служби страйк службовців центрального апарату Департаменту митних зборів, який тривав приблизно два місяці і закінчився поразкою.

Примітки

1. *Архирейський Д. В.* Радянська митна служба міжвоєнної України / Д. В. Архирейський. – Дніпропетровськ: АМСУ, 2013. – 290 с.
2. *Архирейський Д. В.* Таможенні структури України в період громадянської війни 1917 – 1921 гг. / Д. В. Архирейський // Государство – экономика – политика: актуальные проблемы истории: сборник научных трудов Всероссийской научно – методической конференции. 11 – 13 мая 2010 г. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2010. – С. 6–10.
3. *Воззвание Союза союзов* // Наша Речь. – 1917. – № 2. – С. 1–6.

4. *В Министерствах* // Наш век. – 1917. – № 2. – С. 1 – 4.
5. *В Министерстве торговли и промышленности* // Наш век. – 1917. – № 3. – С. 1–4.
6. *Городская Дума Петрограда* // Наш век. – 1917. – № 4. – С. 1–4.
7. *Державний архів Харківської області* (далі – ДАХО). – Ф. 84. – Оп. 1. – Спр. 910.
8. *ДАХО*. – Ф. р – 3962. – Оп. 1. – Спр. 1.
9. *ДАХО*. – Ф. р – 3962. – Оп. 1. – Спр. 7.
10. *Да здравствует Учредительное Собрание* // Торгово–промышленная газета. – 1917. – № 236. – С. 1–8.
11. *Забастовка московской милиции* // Русское слово. – 1917. – № 247. – С. 1–4.
12. *Історія митної справи в Україні* / [авт. кол. П. В. Пашко, В. В. Ченцов та ін.]. – К.: Знання, 2006. – 606 с.
13. *Лопухин В. Б.* После 25 октября // Минувшее. Исторический альманах / В. Б. Лопухин. – т. 1. – М.: Прогресс; Феникс, 1990. – 384 с.
14. *Митниці Слобожанщини. Збірник документів і матеріалів* / [авт. кол. П. В. Пашко та ін.]. – Харків: Каравела, 2000. – 269 с.
15. *Морозов О. В.* Митна система Російської імперії в українських губерніях XVIII – початок XX ст. / О. В. Морозов. – Дніпропетровськ: АМСУ, 2011. – 312 с.
16. *Московская хроника* // Наш век. – 1917. – № 9. – С. 1–4.
17. *Накануне забастовки* // Свободная Речь. – 1917. – № 1. – С. 1 – 8.
18. *Петроградский военно–революционный комитет. Документы и материалы в 3-х томах.* – Т. 1. – М.: Наука, 1966. – 582 с.
19. *Последние известия* // Наша речь. – 1917. – № 2. – С. 1–6.
20. *Хроника* // Наша речь. – 1917. – № 2. – С. 1–6.
21. *Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.* / Отв. ред. Л. М. Епифанова. – М.: РОССПЭН, 2009. – 1287 с.
22. *Яров С. В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев / С. В. Яров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 317 с.

Дейнеко, Сергей Всероссийский союз таможенных служащих в 1917 году. В статье на основе архивных материалов показано становление и упадок первой профсоюзной организации российских таможенников. Рассмотрены причины, ход и последствия первой политической забастовки сотрудников Департамента таможенных сборов, организованной профсоюзом таможенников Петрограда. По мнению автора одной из причин малоэффективной работы вышеупомянутой организации стала чрезвычайно сильная политизация общества.

Ключевые слова: профсоюз, таможня, забастовка, революция, чиновник, Петроград.

Deineko, Serhiy All-Russian Union of Customs Officers in 1917. On the basis of archival materials the article represents formation and decline of the first trade union organization of Russian customs officers. The article considers reasons, course and consequences of the first political strike of employees of the Department of customs duties, organized by customs union of Petrograd. According to the author one of the reasons of inefficient work of the above mentioned organization became extremely strong politicization of the society.

Keywords: trade union, customs house, Russian revolution, Petrograd.

Деловая активность преподавателей Харьковского императорского университета в XIX веке

Сергей Куделко

В статье анализируется предпринимательская активность представителей вузовской корпорации в XIX столетии. Автор приходит к выводу, что оказание коммерческих услуг, участие в бизнес-проектах было распространенным явлением в среде профессорско-преподавательского состава. Отдельные формы такой активности встречали неодобрительное отношение со стороны коллег и общества в целом. Значение предпринимательской деятельности профессоров и преподавателей Харьковского университета принесли пользу университету и региону.

Ключевые слова: Харьковский императорский университет, профессорско-преподавательский корпус, предпринимательство.

В последние годы университеты Украины, как и другие высшие учебные заведения, стали больше внимания уделять проблемам коммерциализации своих услуг. Поиск источников внебюджетного финансирования стал одним из приоритетных направлений в деятельности вузов. В этих условиях определенный интерес представляет исторический опыт, который уже имеется в данном направлении. Конечно же, новые социально-экономические и политические условия, совсем не похожие на XIX столетие, ограничивают использование наших знаний в данном направлении, но в отдельных примерах мы можем наблюдать сходство черт, как услуг, так и их потребителей.

Платные услуги предоставлялись университетом в XIX столетии в его клиниках, за проведение всевозможных экспертиз и консультаций, за публичные лекции, уроки музыки и танцев, спортивные занятия и т. д. Например, лекции по психиатрии, которые читались весной 1910 года, ежедневно посещало 2,5 тысячи человек [12]. Впрочем, это «внебюджетное», говоря современным языком, финансирование не занимало большого места в общем

бюджете учебного заведения. Централизованное финансирование было главным источником существования Императорского университета.

С первых лет создания Харьковского императорского университета его преподаватели и сотрудники, с большим или меньшим успехом, занимались реализацией различного рода предпринимательских проектов. В статье речь не идет о предпринимательстве, связанным с бизнесом, полученным по наследству, например, именьями у лиц, принадлежавших к дворянскому состоянию или же к купеческим кругам.

Уже основатель университета В. Н. Каразин (1773–1842) пытался осуществить ряд своих коммерческих намерений, впрочем, без особого для себя успеха [2, с. 119-137 и др.]. Василий Каразин, основывая университет, мечтал о том, «... что просвещенные купцы, желающие отличиться в промысле своем, и быть достойными соперниками иностранных, придут почерпать у нас познания» [2, с. 320].

Проекты, которыми были озабочены преподаватели университета, преимущественно касались реализации на практике их знаний в непосредственной сфере своих научных и преподавательских интересов. Впрочем, иногда служители храма науки пытались проявить себя в областях достаточно далеких от основного вида деятельности. Среди планов было много таких, которые объединяли просветительские цели, так и коммерцию. Прежде всего, это наблюдалось в области издательской деятельности.

Профессора и преподаватели университета были инициаторами первых в Харькове (и в Украине) газет, журналов, альманахов. Впрочем, большинство из них оказались недолговечными, и по разным причинам, после выхода в свет нескольких номеров, закрылись («Харьковский Демокрит», «Запорожская старина», «Еженедельник», «Украинский вестник», «Украинский домовод» и др.) [7, с. 109-110]. В последующем университетские преподаватели отказались от идеи основывать новые периодические издания, но выступали в местной прессе в качестве рецензентов, корреспондентов, обозревателей и т. д.

Оставляя в стороне важный вопрос, о том насколько вынужденными были такие занятия (он выходит за рамки данной публикации), сосредоточим наше внимание на наиболее типичных, с одной стороны, а с другой, наиболее примечательных таких опытах.

Харьковский университет в этом отношении ничем не отличался от других своих российских и зарубежных собратьев.

Преподаватели, как правило, занимались консультациями в своей области и получали за это соответствующий гонорар. Самыми активными были представители двух отделений (факультетов) – медицинского и юридического.

В значительной мере предпринимательская деятельность профессуры имела ту пользу, что часто к теоретическим познаниям преподавателей прибавлялось их знание практической жизни, т. е. соединяло теорию и практику. Разумеется, что и в этих двух указанных областях (юриспруденция и медицина) возникали казусы, недоразумения, а часто и банальная конкуренция за клиентуру. Одним из наиболее ярких подобных примеров в жизни университета столицы Слобожанщины было дело профессора–ветеринара Ф. В. Пильгера (1760–1828). Этот известный ученый занимался не только скотолечением, но и с большим успехом врачевал людей [3, с. 123-125]. Это вызвало недовольство его коллег-медиков, которые добились от министерства официального запрета на подобную практику Пильгером как не имеющего специального на это занятие диплома.

Конфликт принял большую огласку: было немало пациентов, которые уверяли, что Пильгер помог им тогда, когда дипломированные врачи не смогли их вылечить. Дело дошло до того, что из Дерпта ему был прислан диплом, без экзамена, медицины и хирургии (*honoris causa*), который дал ему право заниматься лечением людей. Однако вернуться к лечебной практике ему из-за противодействия врачей-конкурентов, так и не удалось [Там же].

Коммерческая деятельность университетских фармацевтов заключалась в изготовлении всевозможных лекарств, которые отпускались больным. Среди наиболее крупных таких достижений следует отметить организацию производства вакцины против сибирской язвы, которую изобрел профессор Л. С. Ценковский (1822–1887) [7, с. 182].

Еще один пример – коммерческие занятия первого преподавателя музыки в университете ученика И. Гайдна – И. Витковского (1777–нач. 40-х XIX в.). Витковский открыл в своем доме магазин, где продавались музыкальные инструменты, ноты. Это был первый подобный специализированный магазин в Харькове и один из первых в Украине (существовал до 1845 г.). Дом Витковского, строителем которого предположительно считается университетский архитектор Е. А. Васильев (1778–1833), на Московском проспекте сохранился до нашего времени [9, с. 182]. Этот музыкальный магазин – старейший в Украине.

Экономическая деятельность Витковского была достаточно успешной, и его торговое помещение получило широкую известность [4, с. 65 и др.]. Впрочем, специального разрешения для занятия коммерцией он не имел. Начинание преподавателя музыки в университете вскоре было продолжено другими лицами, а со временем в городе возникла сеть подобных заведений. Очень скоро появились и «фабрики» музыкальных инструментов. Впрочем, в них не изготавливали, а, как правило, их собирали и настраивали.

Отметим, что среди первых преподавателей с предпринимательской жилкой было больше всего иностранцев (например, Пильгер был немцем, Стойкович – сербом, Витковский – поляком и т. д.).

Самым обычным, без особых хлопот, способом заработка «побочных» денег было, так называемое «пансионерство». Это, уже не раз осужденное современниками и в литературе явление, получило распространение в Харьковском университете и заключалось в том, что профессора сдавали свои квартиры внаем студентам. Считается, что во время экзаменов такие профессора были особенно благодушно настроены к своим пансионерам. По сути дела, речь шла о мзде, которую легальным путем мог получить преподаватель, принимавший к себе студентов на постой.

Это занятие в середине XIX ст. считалось достаточно зазорным в академической среде и не раз вызывало конфликты в коллективе преподавателей. Порой эти конфликты по своей остроте были не менее резонансными, чем те, которые возникали в результате существования различных «партий» в профессорской среде.

Воспитанник университета Н. Ф. Оже-де-Ранкур вспоминал: «В Харьковском университете в описываемое время [1837–1843 гг. – С. К.] практиковался обычай, по которому всякий студент, имеющий достаточные средства и желающий достигнуть степени кандидата, поступал к кому-либо из профессоров в нахлебники или же перед выпускным экзаменом брал несколько уроков, с приличным вознаграждением. Нахлебников принимали по несколько человек, иногда до десяти и более. Называть по именам таких торгашей не стану, из уважения к их званию и науке, служить которой они были призваны» [5, с. 265 и др.]. Впрочем, автор отмечал, что не все преподаватели были таковы, «были и светлые, неподкупные личности, пользовавшиеся общим уважением и любовью студентов» [Там же].

Шумный скандал был связан с отстранением от должности ректора в 1813 году известного физика А. И. Стойковича (1764–1832). Ему было инкриминировано контрабандную торговлю

венгерскими винами, которые он получал из Австрийской империи. Трудно теперь судить насколько сам этот инцидент соответствовал действительности, но репутация А. И. Стойковича была в значительной мере подорвана. Его попытка в 1815 году пересмотреть в министерстве дело окончилась отрицательным результатом [3, с. 146].

Необходимо сделать оговорку, порой, ложные слухи и свидетельства чернили репутацию университета и отдельных его представителей. Например, герой романа «Смерть Ахиллеса» (1998) современного писателя Бориса Акунина говорит: «Билет студента Харьковского императорского университета дядя купил за триста пятьдесят рублей ассигнациями – не дорого. Аттестат гимназии, с гербовой печатью и настоящими подписями, обошелся дороже» [см. 8, с. 28]. Другой наш современник, журналист Г. В. Ижицкий, посчитав эту информацию достоверной, включил ее в свою книжку «Харьков в газетном репортаже и рекламных объявлениях» (2011) [11, с. 15]. Так рождаются легенды.

С развитием университетского образования, появлением новых кафедр, расширялась сфера всевозможных услуг, которые оказывали преподаватели и профессора университета местному обществу. К сожалению, многообразная практически полезная деятельность преподавателей и ученых университета за его стенами мало изучена и в науке нет современного специального исследования по данному вопросу. Между тем, в воспоминаниях очевидцев сохранились разнообразные отзывы, которые свидетельствуют о том, что ученые университета были не оторванными от жизни мудрецами, а сплошь и рядом ставили свои знания на службу общественным интересам.

Таковой, например, была деятельность профессора А. В. Гурова (1843–1921) по отысканию в Харькове хороших источников питьевой воды путем бурения артезианских скважин. Грунтовые воды в Харькове к этому периоду были в значительной мере загрязнены. Вскоре в империи возникла целая индустрия по добыче артезианской воды (по методике харьковского ученого). Общественный водопровод вступил в строй в Харькове в 1881 году.

Благодаря А. В. Гурову были открыты мощные пласты каменной соли в районе Бахмута (современный Артемовск) [7, с. 190 и др.]. Были созданы акционерные общества, которые разрабатывали эти залежи. Любопытно отметить, что и в наши дни одна из французских фирм продолжает добычу этой соли.

Удачным было начинание профессора фармакологии, а впоследствии харьковского городского головы Е. С. Гордеенко (1812–1897). В 1843 году он основал в городе первый завод по производству искусственных минеральных вод [4, с. 456].

Часто профессора и преподаватели университета принимали участие в качестве приглашенных экспертов по реализации различных проектов. Так, например, для развития транспортной сети города большое значение имели поиски профессором Н. Д. Борисяком (1817–1882) [2, с. 190] залежей строительного камня. Благодаря его обоснованию, ряд улиц столицы Слобожанщины был выложен брусчаткой.

Университетские преподаватели, которые изучили открытый доктором Гуревичем источник Березовских минеральных вод стали активными акционерами общества «Общество минеральных вод близ Харькова в хуторе Березовом», которое поставило своей целью создать лечебно-коммерческое предприятие. Общество действовало с переменным успехом ряд лет, а возникший курорт получил не только региональную, но и всероссийскую известность [6, с. 25-28].

С развитием рыночных отношений, особенно после падения крепостного права (1861), все большее число харьковских университетских экономистов становилось консультантами разнообразных банков, кредитных учреждений, предприятий, страховых обществ и т. п.

Вспоминая, о своем учителе профессоре К. К. Гаттенбергере (1844–1893), бывший ректор университета М. М. Алексеенко (1847–1917) писал: «Земские учреждения, городские общественные правления, ремесленные общества, горнопромышленники, составители артелей и многие другие лица получали от него ответы на запросы о различных банковых учреждениях, об артелях, о ломбарде, о выпуске облигаций и т.п.» [3, с. 265]. Такой практикой занимался не только К. К. Гаттенбергер, но и многие его коллеги.

Этапом, такого рода предпринимательской деятельности, следует считать уникальные эксперименты, которые осуществлял со своими единомышленниками основоположник кооперативного движения в Украине сотрудник университета Н. П. Баллин (1829–1904). Этот энтузиаст и филантроп, переполненный идеями как помочь обществу, был зачинателем в Украине совершенно нового отношения к бизнесу на основе не погони за прибылью, а создания гармоничных отношений между предпринимателями и потребителями.

Конечно, его деятельность (основание издательства, магазина книг и др.) оказалась неудачной. Она и не могла стать другой в то время, но это был прорыв в будущее – в общество свободных кооператоров, которое и сегодня не реализовано и стоит на повестке дня [10, с. 14].

Филантропические настроения были широко распространены в университетской среде. Образцами ее могут служить биографии таких университетских профессоров как Л. Л. Гиршман (1839–1921) и П. И. Шатилов (1869–1921). Они (как и многие другие их коллеги) оказывали бесплатные услуги для представителей нуждающихся слоев общества.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что уже на ранних этапах существования университета его сотрудники часто совмещали свою основную работу с оказанием дополнительных услуг, которые имели широкий диапазон и, в своем конечном результате, имели положительное значение для местного края, повышали престиж университета в глазах населения. Отдельные негативные примеры, связанные с попытками получать доходы путем использования своего служебного положения или же недобросовестной конкуренции, встречали отпор как в самой профессорско-преподавательской среде, так и получали нелицеприятную огласку в общественном мнении, прежде всего, студенчества. Конечно, в различные исторические периоды отношение к такой деятельности менялось. Что считалось общепринятым в одну эпоху, считалось предосудительным – в другую.

Среди тем, которые стоят на повестке дня и требуют своего анализа – вопрос морально-этических императивов, которыми руководствовались университетские преподаватели в XIX веке. Очевидно, что без учета этого фактора наши представления о характере предпринимательской деятельности предшественников будут не корректны.

Примечания

1. Алексеенко М. М. Воспоминания о профессоре Харьковского университета К. К. Гаттенбергере / Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 тт. Т. 2 / Укл.: Б. П. Зайцев, В. Ю. Іващенко, В. І. Кадєєв, С. М. Куделко, Б. К. Мигаль, С. І. Посохов; Вступ. стаття В. Ю. Іващенко: Наук. ред.: С. І. Посохов.– Харків: «Видавництво Сага», 2011.– 550 с.

2. *Болебрух А. Г., Куделко С. М., Хрідочкін А. В.* Василь Назарович Каразін (1773–1842). Монографія / Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; А. Г. Болебрух, С. М. Куделко, А. В. Хрідочкін.– Харків: Видавництво «Авто-Енергія», 2005.– 348 с. з фото.
3. *Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.).* Биографический словарь / под. общ. ред. А. Ю. Андреева; сост. А. М. Феофанов.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.– 207 с.– («Ubi universitates, ibi Europa»).
4. *Ничпаевский Л.* Воспоминания о Харьковском университете 1823–1829 годы / Харьковський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 тт. Т. 1 / Укл.: Б. П. Зайцев, В. Ю. Іващенко, В. І. Кадєєв, С. М. Куделко, Б. К. Мигаль, С. І. Посохов; Вступ. стаття В. Ю. Іващенко: Наук. ред.: С. І. Посохов.– Харків: «Видавництво Сага», 2010.– 540 с.
5. *Оже-де-Ранкур Н. Ф.* В двух университетах (Воспоминания 1837–1843 годов) / Харьковський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 тт. Т. 1 / Укл.: Б. П. Зайцев, В. Ю. Іващенко, В. І. Кадєєв, С. М. Куделко, Б. К. Мигаль, С. І. Посохов; Вступ. стаття В. Ю. Іващенко: Наук. ред.: С. І. Посохов.– Харків: «Видавництво Сага», 2010.– 540 с.
6. *Степанов А. Е.* Курорт «Березовские минеральные воды»: Монография.– Харьков: Основа, 2003.– 504 с.
7. *Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев та ін.; Худож.-оформлювач І. В. Осипов.* – Харків: Фолио, 2004. – 750 с.
8. *Харьков в зеркале мировой литературы / Авт.– сост. К. А. Беляев, А. П. Краснящих; Худож.-оформитель И. В. Осипов.*– Харьков: Фолио, 2007.– 399 с.
9. *Харьков вчера, сегодня, завтра / Ю. М. Шкодовский, И. Н. Лаврентьев, А. Ю. Лейбфрейд, Ю. Ю. Полякова; худож.-оформитель А. С. Юхтман.* 2-е изд., испр. и доп. – Харьков: Фолио, 2002. – 206 с.
10. *Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина Экономический факультет за 80 лет со дня основания / А. И. Давыдов, М. В. Проценко, С. М. Куделко: отв. редактор А. И. Давыдов.* – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013.– 88 с.
11. *Харьков в газетном репортаже и рекламных объявлениях / Г. В. Ижицкий; худож.-оформитель О. Н. Артеменко.*– Харьков: Фолио, 2011.– 126 с.
12. *Южный край.* – 1910.– Март-апрель.

Куделко, Сергій Ділова активність викладачів Харківського імператорського університету в XIX столітті. У статті аналізується підприємницька активність представників вузівської корпорації в XIX столітті. Автор доходить висновку, що надання комерційних послуг, участь у бізнес-проектах було поширеним явищем в середовищі професорсько-викладацького складу. Окремі форми такої активності зустрічали неохвальне ставлення з боку колег і суспільства в цілому. Значення підприємницької діяльності професорів і викладачів Харківського університету принесли користь університету та регіону.

Ключові слова: Харківський імператорський університет, професорсько-викладацький корпус, підприємництво.

Kudelko, Serhiy Business activity of academic staff in the Kharkiv Imperial University in the XIX century (to the problem statement). In this article the author analyzes business activity of academic staff in the Kharkiv Imperial University in the XIX century. The author concludes that academic staff often rendered commercial services and participated in business projects. Some kinds of business activities were not approved by certain staff and public at large. The Kharkiv Imperial University and the region benefited from the business activity of academic staff.

Keywords: Kharkiv Imperial University, academic staff, business activity.

Escaping paternalism: transfer of managerial models by foreign industrialists to South Russia in the late 19th – early 20th century*

Volodymyr Kulikov

The paper presents a research into the processes of adapting managerial models transferred by foreign industrialists to South Russia in the pre-Soviet times. The peculiarities of the functioning of Western models in a foreign (East-European) environment are studied through examples from the history of operations management of industrial enterprises based on memoirs and unpublished sources housed in local Ukrainian archives.

Keywords: *industrialization, operations management, paternalism, modernization, Russian Empire.*

By the middle of the 1880s, the Russian Empire entered into a period of rapid industrial development [1]. Industrialization led to a series of globally characteristic historical changes, such as mechanized production, urbanization, transformation of the urban landscape, revolution in the field of transport and infrastructure – processes, which can generally be characterized as social and economic modernization.

South Russia (included the provinces of Ekaterinoslavskaya, Khersonskaya, Tavricheskaya, Kharkovskaya and the Don Host Oblast) has been a prominent industrial area since the late 19th century due to its resources, and played a leading role in the technological modernization within the region. Foreign entrepreneurs arriving there were the primary catalysts in the first steps of a development towards a rational, modern society.

Foreign industrialists (entrepreneurs and managers) mainly coming from Western Europe played a prominent part in establishing

* This research was realized in the framework of the TAMOP 4.2.4.A/2-11-1-2012-0001 "National Excellence Programme – Elaborating and operating an inland student and research personal support system convergence programme", key project, which is subsidized by the European Union and Hungary and co-financed by the European Social Fund.

the conditions of industrialization in Russia [2]. The prominent role played by foreign investment and industrial technologies in the Russian industrialization process has been known for scholarship both in Russia and abroad. Scholars, however, have paid surprisingly little attention to the history of managerial systems and managerial revolution in the Russian Empire, including transfer of managerial models by foreign industrialists. Management and the layer of managers emerged as an important economic and social factor in the development of modern, large-scale business activity and in the modernization of Russian society in general. It constituted a new element in the system of labour relations as well: the owner-worker binary model of labour organization was replaced by the new model of owner-manager-worker [6]. New management strategies involved more than the organization of work and production, these went hand-in hand also with a restructuring of social relations. Western industrialists working in the South Russian social environment distanced themselves from the locally traditional paternalistic relations and aimed at establishing modern, pragmatic and rational structures in this respect too.

This paper presents an analysis of the role of foreign industrialists as agents in importing the Western European ways of productive management and the "spirit of capitalism", in contrast with the traditional paternalistic model of Russian entrepreneurship ethos and labour ethic.

THE PATERNALISTIC VS LAISSEZ-FAIRE MANAGEMENT STYLE

Management styles – characteristic ways of making decisions and relating to subordinates – can be categorized into two main contrasting styles from the point of the level of rationality: paternalistic or laissez-faire styles.

Paternalism is the interference of the state or an individual with people against their will, and justified by the claim that the person interfered with will be better off or protected from harm. The issue of paternalism arises with respect to restrictions by the law such as anti-drug legislation, the compulsory wearing of seatbelts, and in medical contexts by the withholding of relevant information concerning a patient's condition by physicians. At the theoretical level it raises questions of how persons should be treated when they are less than fully rational [7].

Industrial paternalism is a type of labour relations that functions according to the samples associated with the patriarchal community or a large family. Such relationships are characterized by the primacy

of the collective over the individual, rigid internal hierarchy, and non-monetary forms of motivation [8].

Researchers suggest such main indicators of industrial paternalism as the existence of non-production-related activity, a charismatic leader, the lack of free access to the information about key aspects of the functioning of organization, wage levelling, the prevalence of non-monetary relations, the existence of a certain ideology with developed apparatus [8].

The opposite of paternalism can be determined as the concept of *laissez-faire* management style, characterized by a situation when the leader's role becomes peripheral and the staff members manage their own areas of business. This management style is characterized also by pragmatism (focusing on achieving specific benefits), rationalism, the decentralization of the management and the transparency of decision-making.

When discussing the style of the management in a historical period, it is necessary to analyse both sides – the industrialists and the workers – and their interaction too. Analysing modernization in terms of relations between labour and management is just one of its possible aspects. The process of modernization was certainly not linear and one-dimensional. Focusing on the transfer from paternalism to pragmatism and rationalism implies creating a highly reduced model of the situation. In this case, the aim of examining the activity of industrialists along the dimension of paternalism vs. *laissez-faire* types of relations is to contribute to our understanding of how Western models worked in a different environment.

FOREIGN INDUSTRIALISTS

Foreign entrepreneurs pursued economic activity in the Russian Empire already before the Industrial Revolution. From the late 1880s however, we can talk about a movement of entrepreneurs, managers and workers to the Empire as a mass phenomenon. It is not a coincidence that during the late 19th and early 20th century the Donbas was called "the tenth Belgian province". "*Foreigners are migrating to Russia with a huge capital! The Belgian are the main masters in South Russia!*" – wrote Vladimir Gilyarovskiy, journalist and writer, in his essay bearing the title "Iron Fever" in 1899 [9].

Most of the largest metallurgical and machine building plants, especially in the 1890s, employed a large number of foreigners. The share of foreigners among all the employees in South Russia, however,

was not that significant. According to the approximate data collected by the Department of Trade and Manufactures of the Ministry of Finance, in the climax of the Russian industrialization the proportion of foreign top-managers in South Russia did not exceed 10% (see table 1). Although in high-tech production, such as iron-making and machinery building, it increased up to 28%, most of the managers were Russian even there.

Table 1. The ratio of Russian and foreign productive top-managers in 1890 [10]

Provinces	Russians managers		Foreign managers		% of foreigners
	With technical education	Without technical education	With technical education	Without technical education	
Ekaterinoslavskaya	14	324	13	17	8,2
Including iron-making and machinery building plants	13	34	8	8	25,4
Don Host Oblast	25	1229	-	6	0,5
Including iron-making and machinery building plants	11	2	1	-	7,1
Tavricheskaya	3	241	3	17	7,6
Including iron-making and machinery building plants	2	37	1	8	18,8
Kharkovskaya	23	322	9	13	6,0
Including iron-making and machinery building plants	4	4	5	1	42,9
Khesonskaya	45	341	50	70	23,7
Including iron-making and machinery building plants	7	10	10	5	46,9
Totally: South of Russia	110	2457	75	123	7,2
Including iron-making and machinery building plants	37	87	25	22	27,5
European Russia	957	16717	417	903	6,9
Russian Empire	1199	20843	525	1199	7,3

The largest iron-making and machinery plants, however, were mostly managed by foreigners – this can be an explanation for the perception of the dominance of foreign managers manifest in some sources.

Explaining a similar situation in the American industry, Peter Drucker wrote: *"What determines the structure of society is not the majority but the leaders. It is not majority behaviour that is the typical behaviour in a society but the behaviour that comes closest to the social ideal"* [11]. According to Peter Drucker's judgment, it is not the static mass that determines the society, but the dynamic element, not the average but the representative. In South Russian industry, this latter was constituted by the large corporations managed mainly by foreigners, especially in the first stage of their development.

In many cases even if the director of the plant was Russian, he had been educated abroad. One of the most outstanding Russian engineers, the top-manager Aleksey Goryainov is a characteristic example. Before being appointed to the position of the director in the Alexandrovskiy South Russian plant in Ekaterinoslav (1887), he attended courses in Belgium and France. The director of the Kharkov Locomotive Plant, Pavel Rizzoni visited the machine building factories of Usines Bouhey and The Société Alsacienne de Constructions Mécaniques in France in 1895, prior to launching the Kharkov plant [12].

The main aim of such trips was to learn about innovations in metallurgy and engineering, but also to get acquainted with modern managerial approaches. Russian engineer Ivan Bardin, who spent more than year in the USA as a simple worker in the early 20th century, confessed that *"In America I got acquainted with the large-scale mechanized production of iron and steel, with the new open-hearth, domain and rolling mills, I saw absolutely new mechanized metallurgical process in the USA. America has expanded my technical horizon, gave me the knowledge how to run the affairs of a large factory; how to organize machinery and tractor production in a new way"* [13].

Foreign specialists had mainly prosaic reasons to come to the Russian provincial cities characterized by "boredom, monotony, exceptionally dull life" [14]: the promise of a fast career and high salary, much more they could have received than in Western Europe.

Companies spent large sums for administrative and engineering services. The main advantage of employing a foreign manager over a Russian one apparently lied not only in the higher professional level of the former, but in his superiority in the field of ethics. The general perception of the level of Russian dishonesty, however, appears to be an

overestimation. Foreign managers were often described as persons for whom the administration of a public corporation was a profession, not a "fief to be plundered" [5].

Both Russian and foreign industrial companies had to face the problem of internal and external corruption at all levels, but its extent can be estimated rather differently on the basis of various sources.

However, as the mining engineer Alexander Fenin wrote: *"... among South Russian engineers, professional ethics required irreversible loyalty to the owner. Throughout my long career, when I was in touch with hundreds of mining engineers whom I observed under everyday conditions, I never came across dishonest people, with only one or two exceptions. Such people immediately became social outcasts"* [14]. Similar illustrations can be found in many other memoirs too, such as in that of Eduard Kriger-Voinovskiy, the Minister of Railways of Russia: *"cases of dishonesty among the management and employees of the railway were rare"* [15].

On the other hand, incompetent people occurred among foreign engineers as well. The factory inspector Aleksey Klepikov wrote about one of these managers: *"This was a foreigner, a Frenchman, a complete ignoramus in his profession. The owners paid him a lot. He did not have any knowledge neither in chemistry nor in coloristic and used recipes from foreign recipes. Of course, he was doing his business very badly. He was a typical representative of the type of alien-cheaters you cold previously often meet in Russian factories. He was made pay penalties and fired before his contract expired"* [16].

There was one more field where Russian managers could perform better – that of the relations with the state and the society. One of the highest compliments that could be paid to a foreign manager was that he knew "how to treat officials correctly". Such cases were, however, rare exceptions, so the best solution was to employ local managers, which generally meant entering into a cooperation with Russians, who were more efficient in solving external questions such as negotiating with the government for contracts, obtaining official permissions, and dealing with locals.

For example, in the "New Russia Company Ltd." an honourable figure was assigned as a head responsible for the negotiations with the government: Prince Sergey Kochubei. His rights and responsibilities were settled in the statute of the company. He was an honorary director, but only "with the right of presence and advisory opinion". He did not have any fixed obligations, nor any responsibilities [17].

Foreign managers lived separately from the workers and there existed a language barrier between them and the locals [18]. This barrier was not just a problem in the communication between the managers and the workers, but between the foreign and local managers as well. For example, the representative of the British company "Vickers" cooperating with the shipyard "Naval" in Nikolayev wrote in his letter addressed to the director of the company and the owner of the shipyard that *"because of the difficulties with the language sometimes one could really be annoyed ..."* [19].

The language barrier was a common problem. Most of the foreign top-managers of large enterprises could not speak Russian and communicated with the local workers through special representatives [20]. In other cases, it was the "body language" that helped to solve the problem through the method of learning by doing. For example, in the Nikopol iron plant, according to the memories of a worker, the communication between the foreign managers and the Russian workers took place as follows: *"Kennedy [an American engineer] was a great specialist <...> he did not speak Russian, still, we learned a lot from him. When he was frowning, it meant that something was wrong. He took a wrench, unfastened the screws, checked if they were all right and tightened them again. When one could understand, based on this pantomime, what he was looking for, one went to him and said "I see, Mister!". He gave the wrench back, and he checked if everything was done the proper way. He himself knew how to use a hammer, a scrap, how to change a truss, how to handle the plumbing. He never lost his temper. When he became angry, his face turned red, but you could never hear him raising his voice. Even if his clothes became dirty, it did not take more than an hour and he returned wearing clean ones"* [21].

The language barrier favoured the decentralization of management and meant a gradual deliverance from paternalistic relationship in industrial management.

After 1900, sources suggest a massive trend of replacing foreign managers with Russians [22]. However, despite of the processes of Russification in the management, basic managerial approaches in industrial corporations remained Western, because new Russian managers were brought up in a "westernized" environment. They inherited approaches from their predecessors, passed trainings, studied literature from the West.

Foreign entrepreneurs copied the structure and principles of management of the Western-European companies. Most of the foreign

corporations were founded from the beginning as a modern type of entrepreneurship according to Alfred Chandler's classification [23]. In most cases, stock companies in Russia owning industrial enterprises were founded as completely new enterprises without any precedents. Stock companies were more attracted by the technology industry, which sounds fairly reasonable, as building machine and metallurgy plants required large-scale long-term investment, usually not possessed by a sole entrepreneur. The solution lied in associating capital, technology, and management.

Owners of the new, large factories were not able to manage directly the group of employees, and stock company management acquired a professional character.

Such enterprises were characterized by a complex structure that demanded a hierarchy of salaried executives – professional managers. Due to decentralization, a modern enterprise by itself favoured to reduction of paternalism, although not excluding it completely.

The joint-stock form of entrepreneurial activity arrived to Russia as an already fully formed institution after several centuries of development by European lawyers and merchants [24]. The adoption of this type of business organization by itself can be considered as a transfer of Western innovation.

The level of paternalism can also be estimated based on the social responsibility politics of the corporate. There were many examples, when factories and plants managed by foreign managers spent money on building schools, hospitals, and churches. What were their reasons for spending money on CSR? Were they motivated only by economic/utilitarian reasons, e.g. so as to attach workers to the factory by offering them satisfaction of physiological needs (according to A. Maslow's definition), or also by social aims such as creating a new middle-class (Fordism), a class of consumers, a class of workers indifferent towards labour movements? Russian entrepreneurs could also be motivated by a sense of public duty, patriotism. What was the motivation, however, of foreign entrepreneurs and managers, a-priori indifferent to anything besides the profit, to – with the words of Milton Friedman – "spend someone else's (viz. the owners') money for a general social interest"?

Most of the examples from case studies confirm that both foreign and Russian managers of big enterprises were rather "economists" than "socialists", willing to spend on social programs enough to attach skilled workers and to keep the efficiency wage policy. Still, it is possible to find examples of non-operating expenses for social programs initiate foreign industrialists.

HUMAN RESOURCES OF LABOUR

A researcher studying the economic history of South Russia unavoidably has to encounter an interesting "paradox". The second half of the 19th and the early 20th century was characterized by a rapid growth of the population and contemporaries were speaking about agrarian overpopulation and the "extra" manpower [25]. Still, entrepreneurs complained about a lack of workers [26]. The problem was recognized by Russian publicists and scientists too. The "Complete geographical description of our fatherland" (1910) says: "... *the Donetsk coal industry almost always experiences, but especially in the summer, a lack of workers. The government even offered to provide coal-industrialists with up to 10 thousand prisoners, but this proposal was rejected by the owners of the mines*" [27].

This contradiction can be explained by the specific character of the labor market in the region. The southern labour force can be described with an unskilled and migrating character as compared to that in Moscow or Saint-Petersburg. Gustav Hartmann, the founder of the locomotive plant in Lugansk complained that "*since all Russian iron plants were fully loaded with work at this time, we managed to employ only few well-skilled workers for the rolling mill*" [28].

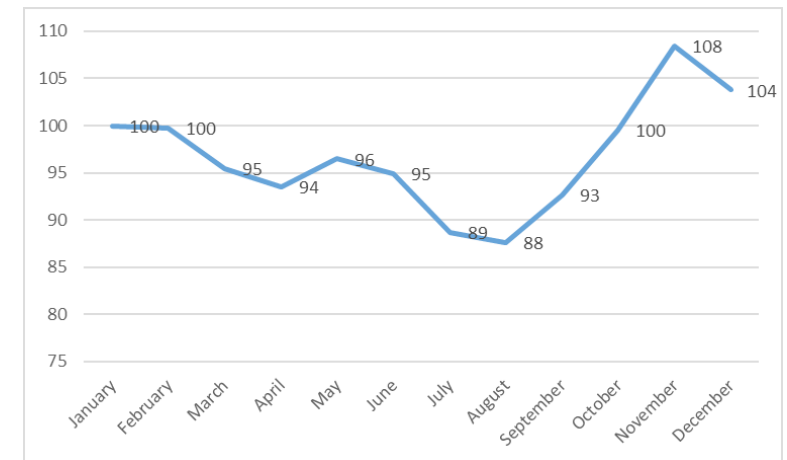
Many large enterprises in South Russia were founded literally in the steppes, thus, they were not able to find enough workers among the locals and had to employ migrating labour force [29]. The majority of the workers were peasants by birth and their "preindustrial" life took place within peasant community, which was paternalistic by definition [30].

The new industrial workers (and yesterday's peasants) tried to stay in touch with the countryside even when being employed in industrial enterprises [31].

Most factories ceased to operate during the intensive farming season prior to the industrialization. Even in the early 20th century, many among the small factories worked seasonally. According to a special poll created through factory inspection in 1909, middle-size and large factories operated about 266 days per year [32].

The essential flow-out of workers in agriculture took place during spring and summer months (see Plot 1).

Plot 1 Monthly fluctuations of workers in the Donbas region in 1900-1915 (January = 100) [33].

Seasonal work contradicted to the financial interests of the entrepreneurs after the beginning of the development of heavy industry. Moreover, ceasing the operation of the equipment in certain types of production, such as that of a blast furnace, entailed serious technical and financial consequences.

Companies resorted to different methods of keeping workers from seasonal migration: increasing their salary during the summer months up to 1.5 times more [27], constructing houses for the workers, creating other means of social infrastructure such as churches, hospitals, schools, baths, etc. There were even more radical attempts too, for example, workers of Hughesovka ironworks belonged to New Russia Company were not allowed to plant even a vegetable garden [34].

The labour ethic of the majority of industrial workers can be characterized as a traditional one with strong paternalistic anticipation. This traditional type of labour ethic meant working until the satisfaction of the basic needs, without seeking to accumulate money and goods [30].

The miners' song describes this way of life: [34]

*I received a pay
Exactly twenty-two roubles,
Two roubles gave at home,
Well, twenty – for drinking
Being jolly, soul and body
All the pay have flown away*

The mine foreman Eugenie Kolodub wrote: *"Sober locals use to earn well and live in their buildings properly. Among the local drunkards one can find many professionals. From the other side they are bad workers. They are ready to work only when compelled by hunger and cold and when they do not have anything left <...> We had several periods of increasing and decreasing the wages. It was sometimes increased to three times more than the normal earnings. But one could observe neither the welfare nor the increase of civic consciousness among them even in these periods. Then the more they earn, than less days they were working"* [35].

Complains about drunkenness as a terrible vice in the everyday life of the workers occur in all the memoirs written by the engineers, mine workers and factory inspectors. Drunkenness led to more and more frequent absence from work, and if it became a mass phenomenon, it could obstruct the operation of the entire plant or factory. Entrepreneurs were fighting against this by closing wine shops and even by breaking the law, as they did not hand their wages to the workers in each month, but only twice a year. As another solution, the money was directly sent to the workers' families [14].

Such steps could be classified as paternalistic, which were provoked by the backwardness culture of the Russian workers. Foreign managers met particular conditions there characterized by the persistent manners of the traditional society and were enforced to adjust Western approaches to the local conditions.

CONCLUSIONS

The analysis of the sources confirm that foreign entrepreneurs imported to Russia modern managerial practices and models too besides capital and advanced technologies. It appears that the role of foreign managers was especially important in the initial stage of the industrialization of Russia. Although there were companies that wanted and could afford to hire foreign managers after 1900 too, foreigners were in general successfully replaced by Russian managers. Many Russian engineers and managers adopted operational managerial practices borrowed from the Western colleagues, and there appears to be no difference in their efficiency from the latter ones as it is reflected by the comparison of data.

Examining the activity of the managers along the dimension of paternalism vs. laissez-faire types of relations sheds light on some aspects of how Western models worked in a different, Eastern European environment. Among the main indicators of industrial paternalism

defined by scholarship, one can find the presence of non-production-related activity, a charismatic leader, the lack of free access to the information about key aspects of the functioning of organization, wage levelling, the prevalence of non-monetary relations. In contrast, the laissez-faire management style is characterized by the peripheral role of the leader and staff members managing their own areas; also by pragmatism (focusing on achieving specific benefits), rationalism, the decentralization of the management and the transparency of decision-making.

The relations between the layer of managers and the owners of the industrial enterprises appear to be closer to the laissez-faire style due to the system of ownership within the heavy industry – stock companies dominating the area required the distribution of management tasks that is the existence of a professional layer.

Concerning their relations with the workers too, we can identify attempts of the managers to introduce laissez-faire approaches, such as the motivation with money and a shared responsibility. Due the traditional patterns of the environment the worker came from, however, this approach did not work, and managers had to use methods pertaining to the paternalistic types of relations to handle the situation. Social responsibility measures in this context, aiming at tying the workers more closely to the industrial enterprise, acquire a new interpretation possibility as compared to the western context.

Bibliography

1. *Falkus, M. E.* The Industrialization of Russia, 1700-1914 / M. E. Falkus. – 1972, Macmillan: London. – 96 p.
2. *Kulikov, V. O.* Foreign Entrepreneurs and Industrialization in South Russia in the Late 19th and early 20th century / V. O. Kulikov // New Europe College Black Sea Link Program Yearbook 2010-2011, 2011-2012, [Ed. I. Vainovski-Mihai], Bucharest: New Europe College, 2014. – p. 83-109.
3. *Бовыкин, В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В. И. Бовыкин. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 320 с.
4. *Бовыкин, В. И.* Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки / В. И. Бовыкин, Н. Н. Грушина, И. А. Дьяконов. – Москва: РОССПЭН, 1997. – 328 с.

5. *McKay, J. P.* Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885-1913 / J. P. McKay. – Chicago: University Of Chicago Press, 1970. – 456.
6. *Куликов, В. А.* Управленческая революция и профессионализация менеджмента промышленных предприятий Юга России в конце XIX – начале XX века / В. А. Куликов // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – Барнаул. – 2014. – Вып. 41. – С. 210-219.
7. *Dworkin, G.*, Paternalism, in Stanford Encyclopedia of Philosophy / G. Dworkin [http://plato.stanford.edu/archives/sum2009/entries/paternalism/#1]. – Stanford, 2009.
8. *Романов, П. В.* Промышленный патернализм в системе социальной политики предприятий / П. В. Романов // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – № 3. – С. 287-304.
9. *Гиляровский В. А.* Сборник рассказов : Проза / В. А. Гиляровский. – Москва, 1912.
10. *Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1890 год.* – Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1893. – 419 с.
11. *Drucker, P.* Concept of the Corporation / P. Drucker. – New York: Transaction Publishers, 1993. – 329 p.
12. *Протоколы заседания Совета Русского паровозостроительного и механического общества от 31 августа 1895 года* // Государственный областной архив Харьковской области. – Ф. 930. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 134.
13. *Бардин, И. П.* Жизнь инженера / И. П. Бардин. – Новосибирск: Новосибирское областное издательство, 1939. – 205 с.
14. *Fenin, A. I.* Coal and Politics in Late Imperial Russia. Memoirs of a Russian Mining Engineer / A. I. Fenin. – Illinois: Northern Illinois University Press, 1990. – 228 с.
15. *Кригер-Войновский, Э. Б.* Записки инженера : Воспоминания, впечатления, мысли о революции / Э. Б. Кригер-Войновский. – Москва: Рус. путь, 1999 – 516 с.
16. *Клепиков А. К.* Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в 1894-1908 годы) / А. К. Клепиков [С. Гвоздев]. – Москва: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911. – 267 с.

17. *Гонимов, И. А.* Старая Юзовка, 1869-1905. Сталинский металлургический завод / И. А. Гонимов. – Москва-Киев: ОГИЗ, 1937. – 254 с.
18. *Пеетерс, В.* Сталь у степу / В. Пеетерс. – Київ, 2010. – 104 с.
19. *Письмо директору Николаевского судостроительного завода представителя фирмы «Виккрес» от 19 января 1916 года* // Государственный архив Николаевской области. – Ф. 267. – Оп. 2. – Д. 358. – Л. 286.
20. *Линднер, Р.* Предприниматели и город в Украине: 1860–1914 гг. (Индустриализация и социальная коммуникация на Юге Российской империи) / Р. Линднер. – Киев; Донецк: ИД Кальмиус, 2009. – 504 с.
21. *Яруцкий, Л.* «Никополь» и «Провиданс» / Л. Яруцкий. – Мариуполь, 1997. – 311 с.
22. *Wynn, C.* Workers, Strikes, and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870-1905 / Л. Яруцкий. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – 316 p.
23. *Chandler, A. D.* The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business / A. D. Chandler. – Harvard: Harvard University Press, 1977. – 608 p.
24. *Бовыкин, В. И.* История предпринимательства в России. Кн. 2.: Вторая пол. XIX – нач. XX века / В. И. Бовыкин, Ю. А. Петров, И. В. Поткина и др. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 575 с.
25. *Кауфман, А. А.* Аграрный вопрос в России : Лекции, чит. в Моск. нар. ун-те в 1907 г. / А. А. Кауфман; – Москва: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 166 с.
26. *Villari, L.* Russia Under the Great Shadow / L. Villari. – Michigan: London T. F. Unwin, 1905. – 327 p.
27. *Семенов-Тянь-Шанский, В. П.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т. 14: Новороссия и Крым / В. П. Семенов-Тянь-Шанский [Ред.]. – Санкт-Петербург: Изд. А. Ф. Девриена. – 1016 с.
28. *Гартман Г.* Записка о возникновении и развитии Русского общества машиностроительного завода Гартмана, Луганск, Екатеринославская губерния, Юг России / Г. Гартман // Экономическая история. Ежегодник. 2008. – Москва, 2009. – С. 457-470.

29. *Friedgut, T. H.* Iuzovka and Revolution, Volume I: Life and Work in Russia's Donbass, 1869-1924 / Т. Н. Friedgut. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 544 p.
30. *Миронов, Б. Н.* Послал Бог работу, да отнял черт охоту. Трудовая этика российских рабочих в пореформенное время / Б. Н. Миронов // Социальная история. Ежегодник. 1998-1999. – Москва: РОССПЭН, 1999. – С. 246-286.
31. *Портнова, Т.* Вихідці з села у великому промисловому місті: на матеріалах Катеринослава кінця ХІХ – початку ХХ ст. / Т. Портнова // Есе-urban : Серія он-лайн публікацій Центру міської історії Центрально-Східної Європи. Серія № 8. – Львів: Центр міської історії Центрально-Східної Європи. – 2010.
32. *Карточки* предприятий Воронежской, Курской, Орловской, Пермской, Харьковской губернии и Донской области с указанием владельцев, рода производства, числа рабочих, их заработной платы, 1912 год // Российский государственный исторический архив. – Ф. 23. – Оп. 16. – Д. 34.
33. *Изместьева, Т. Ф.* Сезонный труд. Источники, приёмы анализа, результаты (на примере угледобывающей промышленности Донбасса начала ХХ в.) / Т. Ф. Изместьева // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2013. – № 2. – С. 62-79.
34. *Гайдук В. А.* Юз и Юзовка / В. А. Гайдук, В. Г. Ляшенко, В. И. Мозговой и др. – Донецк: Кардинал, 2000. – 313 с.
35. *Колодуб, Е.* Труд и жизнь горнорабочих на грушевых антрацитных рудниках / Е. Колодуб. – Москва: Тип И. Я. Полякова, 1905. – 127 с.

Куліков, Володимир У боротьбі з патерналізмом: управлінські практики іноземних промисловців Півдня Росії наприкінці ХІХ – на поч. ХХ ст. У статті представлено результати дослідження процесу адаптації управлінських моделей, принесених іноземними підприємцями та менеджерами до російських реалій. На основі спогадів промисловців та інших джерел розглядаються особливості функціонування Західних моделей в іншому (східноєвропейському) середовищі на прикладі історії операційного менеджменту великих промислових підприємств Півдня Росії в період Другої індустріальної революції.

Ключові слова: індустріалізація, операційний менеджмент, патерналізм, модернізація, Російська імперія.

Куликов, Владимир В борьбе с патернализмом: управленческие практики иностранных промышленников Юга России в конце ХІХ – нач. ХХ века. В статье представлены результаты исследования процесса адаптации управленческих моделей, перенесенных иностранными предпринимателями и менеджерами в российские реалии. На основе воспоминаний промышленников и других источников рассматриваются особенности функционирования западных моделей в иной (восточноевропейской) среде на примере развития операционного менеджмента крупных промышленных предприятий Юга России периода второй индустриальной революции.

Ключевые слова: индустриализация, операционный менеджмент, патернализм, модернизация, Российская империя.

Сільськогосподарські виставки в Харківській губернії (кін. XIX – поч. XX ст.)

Майя Лисенко

В статті досліджується історія сільськогосподарських виставок в Харківській губернії, їх організація та проведення. Аналізуються типи виставок, соціальний склад учасників, результати діяльності. Наголошується, що вони відіграли значну роль в покращенні стану сільського господарства регіону. Робиться висновок про сприяння Харківського товариства сільського господарства і земства модернізації аграрної галузі.

Ключові слова: сільськогосподарські виставки, Харківське товариство сільського господарства, земство, модернізація.

Сільськогосподарські виставки в Харківській губернії кінця XIX–початку XX ст. є цікавим явищем в українській бізнес-історії. Їх характер, типи, масштаби проведення, вплив на розвиток сільського господарства краю є важливою дослідницькою задачею.

Історія сільськогосподарських виставок у Харківській губернії на рубежі XIX–XX ст. недостатньо висвітлена в спеціальній літературі. У дореволюційний період проблема ринкових перетворень на селі знайшла своє відображення у роботах фахівців-агрономів, працівників земства і членів сільськогосподарських товариств [3, 8, 9, 14]. Вони були сучасниками подій та дієвими особами і могли адекватно оцінити ситуацію в аграрній сфері. Сільськогосподарські виставки вважались ефективним заходом покращення стану сільського господарства регіону.

У радянській період організація сільськогосподарських виставок розглядалася поверхово, здебільшого через призму роботи земств, а внесок Харківського товариства сільського господарства і сільськогосподарської промисловості (далі ХТСГ) у цю справу зовсім ігнорувався. Вважалося, що ринкові перетворення в аграрній сфері вели до загострення класових стосунків і не могли покращити стан землеробства, скотарства тощо.

Після 1991 р. історики по-новому почали оцінювати ситуацію в аграрній галузі. Була захищена низка дисертацій з історії сільського господарства, у т. ч. у Харківській губернії [4, 10, 11]. В цих працях аналізувалися земельні перетворення, надавалася оцінка різним заходам по модернізації даної сфери господарства (у тому числі була приділена певна увага й сільськогосподарським виставкам).

Джерельна база дослідження складається з різноманітних джерел. До групи архівних джерел належать матеріали, що зберігаються у Державному архіві Харківської області (ф. 237 – Харківське товариство сільського господарства і сільськогосподарської промисловості, ф. 304 – Харківське губернське земство). Чимало корисної інформації міститься у опублікованих звітах ХТСГ і земства, «Трудах», описах виставок, статистичних довідниках, збірниках законодавчих документів, що видавало Міністерство землеробства тощо [2, 6, 7, 17, 20]. Автором дослідження були також використані матеріали періодичного друку, особливо видання сільськогосподарської спрямованості («Южнорусская сельскохозяйственная газета», журнал «Хлібороб» та ін.).

Метою даної статті є аналіз впливу сільськогосподарських виставок на модернізацію аграрної галузі Харківської губернії. Хронологічні межі дослідження охоплюють період кінця XIX – початку XX ст. Це був час найбільшої активності та підйому в діяльності ХТСГ, а також активної модернізації аграрної галузі регіону.

Сільськогосподарські виставки, організатором або співорганізатором яких було ХТСГ, проводилися за організаційної допомоги земства, Міністерства землеробства, а також приватних осіб та громадських об'єднань. Організація виставок була пов'язана з цілями та завданнями, які постали перед аграріями, земствами і сільськогосподарськими установами у нових умовах. Після буржуазних реформ 60-х рр. XIX ст. було необхідно принципово змінити механізм функціонування аграрного сектору, адаптуватися до ринкових відносин, модернізувати сільське господарство, стан якого залишав бажати кращого [5, ф.237, оп.1, спр.3, арк.12].

Якщо стисло охарактеризувати становище аграрної галузі Харківської губернії у др. пол. XIX ст., то потрібно відзначити, що першість по багатьом показникам займало рільництво. В регіоні вирощували зернові (пшеницю, жито, овес та ін.). Значна доля врожаю вивозилася на експорт. Важливим було і тваринництво, хоча воно розвивалося повільніше і тривалий час не мало експортного спрямування. Фактично до початку XX ст. тваринництво зберігало

елітарний характер. Мається на увазі, що високоякісне племінне тваринництво існувало здебільшого у маєтках великих власників. Певне значення мало вирощування таких культур, як цукровий буряк, картопля (на горілку). Допоміжний, внутрішній характер набули такі галузі як садівництво, кустарний промисел, виноградарство, рибальство, квітникарство тощо. Наприкінці XIX – на початку XX ст. в аграрній галузі регіону спостерігаються значні зміни, які були пов'язані із процесами модернізації виробництва. Свою роль у цьому процесі відіграли й сільськогосподарські виставки.

Означені виставки можна поділити на декілька типів. По-перше, в основу класифікації можна покласти галузі сільського господарства. Відповідно, можна виокремити тваринницькі, насінневі, з бджільництва, кустарні і т.п. Однак у досліджуваний період часто основні експонати та відділи доповнювалися додатковими. Наприклад, окремий відділ випробування землеобробної техніки, ягідництва, винокуріння тощо (залежно від можливостей населення певної місцевості, частоти проведення виставок і обсягів фінансування) зазвичай поєднувався із науковим та просвітницьким відділами (передбачав популярні бесіди на аграрну тематику [5, ф.237, оп.1, спр.9, арк.5]).

По-друге, критерієм може виступати район охоплення (територія з якої надходили основні експонати). За цією ознакою виставки можна поділити на міжнародні, всеросійські, губернські, повітові, місцеві (ярмаркові). Наприклад, Всесвітня сільськогосподарська виставка в 1900 р. у Парижі, в якій окремим відділом було представлено й ХТСГ. На ній експонувалися продукти і товари, які могли стати предметом експорту до Європи. За підсумками виставки харківський відділ отримав золоту медаль [5, ф.237, оп.1, спр. 2506, арк.24].

По-третє, можна класифікувати виставки за періодичністю і терміном проведення на регулярні та нерегулярні. Більшість виставок були регулярними. Деякі з них супроводжували певні події, наприклад, з'їзд сільських господарів.

По-четверте, критерієм може виступати соціальний склад учасників. Перші виставки здебільшого демонстрували досягнення великих землевласників та приватних підприємців. Однак вже на початку XX ст. селяни все частіше ставали не тільки відвідувачами виставок, але й експонували свої товари. Цій справі активно сприяли ХТСГ, земство.

Нарешті, можна виокремлювати типи виставок за видом комерційної діяльності, фінансування і прибутковості. Так,

виставки-аукціони племінної худоби, коней були «дорогими». Наприклад, Московська казенна виставка коней обходилась державі в 100 тис. руб. [5, ф.304, оп.1, спр. 2501, арк.27]. Перша Всеросійська кустарна виставка в Харкові коштувала 65 тис. руб. і була проведена завдяки численним приватним пожертвуванням [5, ф.304, оп.1, спр. 2501, арк.26]. Вона дала прибутку тільки 3 тис. руб. [22, 1903. – №45. – С.2]. З іншого боку, «скромні» за розмірами фінансових вкладень місцеві кустарні виставки, які заохочувались земством, мали символічні прибутки, трималися на ентузіазмі і були розраховані на перспективний розвиток. До речі фінансування сільськогосподарських виставок залежало від різних чинників: масштабів проведення, кількості залучених учасників, галузі сільського господарства. Виставки організовувались завдяки субсидіям Міністерства землеробства, земства і допомозі приватних осіб. Відомими меценатами сільськогосподарських виставок стали Харитоненки, Лещинські, Строганови та ін. [22, 1896. – №9. – С.123]. Крім того організатори виставки стягували грошовий збір з продажу виставкових товарів (в середньому 2-4% від вартості експонатів). На Харківщині виставки набули популярності. Вони підтримувались місцевою владою, земством, громадськими об'єднаннями, приватними підприємцями і в цілому населенням.

Об'єктом аналізу може стати також хронологія сільськогосподарських виставок. Як вже зазначалося вище, ХТСГ було організатором або співорганізатором сільськогосподарських виставок, що проводились у Харківській губернії. Вже у рік свого заснування ХТСГ провело Всеросійську сільськогосподарську виставку (5-15 жовтня 1880 р.) з конкурсним випробуванням орних знарядь і молотарок. Того ж року беруть початок щорічні виставки насіння (з 1906 р. вони проводились по розширеній програмі) [5, ф.304, оп.1, спр. 259, арк.4].

У 1882 р. в Харкові відбувся конкурс сінокосарок. У 1883 р. товариство взяло активну участь в облаштуванні міжнародної виставки овець у Харкові (до речі ця галузь була дуже розвинутою у нашому регіоні на той час). Цікавим фактом залишається те, що на виставці експонувались і місцеві породи овець, і іноземні, що розводилися у господарствах губернії.

22 вересня– 12 жовтня 1887 р. ХТСГ була підготовлена і проведена перша Всеросійська кустарна виставка, яка мала значний успіх. Під час виставки майже щодня проходили засідання товариства, були прочитані цікаві доповіді з аграрної тематики (загальною

кількістю 22). Доповідачами стали кращі фахівці того часу: В.В. Докучаєв, Ф.Ф. Фортунатов, О.Й. Армфельд, М.П. Чирвинський, Е.Е. Ліндеман, І.П. Касперов та ін.

Протягом другого десятиліття свого існування ХТСГ організувало в 1894 р. у м. Суми кустарно-промислово виставку-ярмарок, а в 1899р. – подібну у м. Лебедині. На той час кустарні промисли почали поступово занепадати під тиском фабрично-заводської промисловості. Земства і громадські організації намагалися даними виставками підтримати кустарів: збільшити кількість їх замовників, територію збуту товарів та прибутковість, крім того зберегти традиційні народні промисли Слобожанщини.

У 1896 р. відбулося конкурсне випробування сільськогосподарських машин і знарядь. На ньому були присутні представники ХТСГ, підприємств сільськогосподарського машинобудування (зокрема, М. Гельферіх), викладачі Харківського університету і Технологічного інституту [22, 1896. – № 7. – С. 4].

У 1901 р. ХТСГ разом з повітовим Ізюмським земством відкрило у м. Слов'янську кустарно-промислово виставку. У 1902 р. був організований «конкурс плугів». В цьому ж році була проведена перша в Харкові виставка квітів (10-13 квітня 1902 р.). В ній брали участь 11 експонентів, серед яких троє були професіоналами, а решта – аматорами. Через погану погоду експонатів тоді було привезено менше, ніж очікували. Квітів було продано на суму 1500 руб., однак загалом виставка завершилася навіть із невеликим дефіцитом у 28 руб. Один з організаторів виставки (член ХТСГ І.П. Кірстен) заплатив цю суму, щоби виставка закінчилася без боргів [22, 1902. – № 22. –С.8]. Тобто виставки були налаштовані не тільки на комерційний успіх. Як згадували сучасники, перша виставка квітів надала місту неповторної краси, радості і гарного настрою її мешканцям.

Більш ґрунтовно ХТСГ разом з Південноросійським товариством акліматизації підготувало виставку садівництва і городництва у Харкові в 1902 р. На ній були представлені експонати з багатьох губерній Російської імперії. Вона надавала відвідувачам вичерпну інформацію про стан садівництва і городництва в державі. На виставці були представлені відділення плодівництва, виноградарства, городництва, садівництва, технології переробки продуктів, квітникарства та інші [5, ф.304, оп.1, спр. 2496, арк.45-48]. Подібні виставки спрямовували розвиток галузі, надавали можливість аграріям обмінюватися досвідом і узнавати про новітні досягнення в певній сфері.

У 1903 р. в Харкові була проведена перша Всеросійська виставка тваринництва. У подальшому (до кінця свого існування у 1919 р.) ХТСГ щорічно проводило такі виставки:

- аукціонна виставка племінної худоби, коней і свиней;
- весняна виставка-ярмарок квітів та овочів;
- літня виставка-ярмарок троянд і суниці;
- виставка-ярмарок осінніх квітів (передусім хризантем);
- насіннева виставка-ярмарок.

Як же проходили ці виставки? Як вони сприймалися населенням і фахівцями? Які наслідки вони мали для розвитку сільського господарства регіону? В цьому сенсі доречно навести приклад першої Всеросійської виставки тваринництва, яка відбулася у Харкові в 1903 р.

Розпорядчий комітет майбутньої виставки почав працювати з серпня 1902 р. На той період ХТСГ та губернське земство вже затвердили у Міністерстві землеробства та на рівні міської влади проект програми виставки, перелік відділень, список членів експертних комісій. Для цього заходу була тимчасово надана земля за Університетським садом, що належала університету.

Сільськогосподарська виставка мала суттєву рекламну підтримку. У найбільш популярних журналах і газетах друкувалися об'яви про виставку. ХТСГ і земство відправляло інформацію і плакати зацікавленим особам та господарствам. Залізничний департамент дозволив розклеювати на станціях і у вагонах потягів плакати про запланований захід.

Заяви бажаючих взяти участь у виставці стали поступати швидко і у такій кількості, що вже на початку травня 1913 р. їх загальна кількість перевершила сподівання комітету і досягла більше 2 тис. Прийом заяв здійснювався до офіційно оголошеного терміну 15 травня 1913 р.

Організаторами було докладено чимало зусиль та витрачено коштів на спорудження павільйонів виставки. Більшість робіт велися за рахунок державної субсидії, коштів земств, приватних осіб та офіційної плати за послуги виставки. Тільки покривельний матеріал (черепицю) безкоштовно надало Харківське губернське земство. Кількість споруд була збільшена у порівнянні із попередніми планами. Загалом побудували 76 споруд [22, 1904. – № 4. – С.1-4].

Крім будівництва, значна увага була приділена протипожежній безпеці, профілактиці захворювань у тварин, забезпеченню кормами, підтриманню відповідного санітарного стану приміщень тощо.

Природно, що одним із найголовніших завдань для розпорядчого комітету стало утримання тварин, які демонструвалися на виставці. Їх грошова цінність складала значну на той час суму 0,5 млн. руб. Самі тварини були чудовим племінним матеріалом, напрацьованим багатолітніми зусиллями і не завжди відновлюваним.

Під час проведення виставки працювала ветеринарна комісія. Напередодні заходу нею була зібрана інформація про санітарне становище місць, звідки мали привезти тварин, за останні три роки. Двічі тварини підлягали ветеринарному огляду. На лінії Курсько-Севастопольської залізниці була споруджена спеціальна платформа. На ній проводився перший попередній огляд тварин, що прибували. Поза територією виставки були розташовані 24 ізоляційні павільйони приміщення для другого ветеринарного огляду. Після нього тварин відправляли до павільйонів виставки. Після повторного ветеринарного огляду власники тварин одержували спеціальне свідоцтво. З усієї великої кількості експонатів тільки одна тварина не була допущена на виставку. Під час виставки проводились ветеринарні чергування. У вагонах, в яких привезли тварин, зробили санітарно-гігієнічну обробку. Така складна і важка робота була проведена силами десяти ветеринарних лікарів, шести фельдшерів і студентів Ветеринарного інституту (напередодні виставки до Харкова прибувало у середньому 100 вагонів з тваринами в день).

Не менш складними виявилися заходи з протипожежної безпеки. Університет надав свій колодязь та водогінну башту для подачі води. Пожежна команда постійно чергувала на виставці. Функціонувало шість спостережних пожежних пунктів, була проведена сигналізація по всій території виставки. Для охорони запросили Лебединський батальйон і козаків. Незалежно від них був організований денний та нічний наряд піших та кінних городових. Головний комісар стежив за порядком на виставці, у нього було два помічники-велосипедисти [22, 1903. – № 40. – С. 4] Така охорона стала потрібна, бо тільки службового персоналу, що доглядав за тваринами, було 700 чол.

Виставка освітлювалась гасовими ліхтарями однієї місцевої фірми, але електричне освітлення центральної частини і шляхів до виставки взяла на себе міська влада.

Створені експертні комісії намагалися запросити відомих в Російській імперії фахівців. Загалом заснували 50 експертних комісій. Для відвідувачів виставки був надрукований детальний

покажчик-каталог, в якому розмістили інформацію про експонати і господарства. Під час проведення виставки ХТСГ щодня видавало «Ежедневный листок». В інтересах приїжджих відвідувачів відкрили квартирне бюро, головне відділення якого було розташоване на вокзалі.

8 вересня 1903 р. функції головного комісара виставки були надані князю Н. Б. Щербатову (голови Московського сільськогосподарського товариства). Виставка була урочисто відкрита 14 вересня 1903 р. директором Департаменту Землеробства. Вона проходила під покровительством Великого князя Михайла Олександровича [22, 1904. – №3. – С.7].

Виставка складалась із десяти відділів: 1) крупної рогатої худоби; 2) коней; 3) овець; 4) свиней; 5) птахівництва; 6) бджільництва, шовківництва і рибальства; 7) продуктів скотарства; 8) сільськогосподарського обладнання; 9) кустарного; 10) наукового.

Найкраще були представлені експонати перших чотирьох відділів (разом 1794 тварин). Географія прибулих експонатів була досить широкою: українські, російські губернії та міста (у тому числі дуже віддалені, такі як Перм), навіть середньоазійські (привезли бджіл із Самарканду) та ін.

Не можна залишити поза увагою науковий відділ. Програма його діяльності була розроблена за такими напрямками: загальні питання покращення тваринництва; заходи уряду, земства і ХТСГ щодо тваринництва; розведення племінної худоби; наукові дослідження в галузі тваринництва; прибутковість тваринництва; страхування; санітарно-ветеринарні заходи; технологія переробки продуктів тваринництва; кооперативні організації з тваринництва. На виставці були заявлені і учнівські наукові роботи. Так, учень харківського землеробського училища Н. Пушкарьов за свій гербарій отруйних трав Харківської губернії отримав похвального листа [22, 1902. – № 36. – С.8].

За весь час проведення виставки погода була гарною, за винятком двох останніх днів. Виставку відвідала значна кількість людей: 70 тис. чол. за плату і 5570 чол. безкоштовно (серед останніх учні та учениці 65 різних навчальних закладів). Плата за вхід становила у перший день виставки 25 коп., у подальші дні – 5 коп. Свяtkово пройшло нагородження переможців. Були отримані такі нагороди: медалей – за свійських тварин 37 золотих, 78 великих срібних, 95 малих срібних, 78 бронзових; за коней 70 золотих, 61 великих срібних, 87 малих срібних, 42 бронзових; 75 похвальних листів;

101 грошову нагороду на суму 15358 руб. [5, ф.304, оп.1, спр.2515, арк.93]. Нагороджувались іноземні експоненти (німецькі, англійські, французькі, прибалтійські та інші), при цьому цікаво, що вони надавали перевагу грошовим заохоченням, а не медалям та похвальним листам. Наприкінці виставки провели аукціон, більшу частину експонатів продали приватним особам і земствам. Було визнано, що виставка стала фактором налагодження стосунків для подальшої співпраці.

Необхідно зауважити, що не всі сільськогосподарські виставки мали такий успіх. До того ж, слід зазначити, що на першій харківській Всеросійській виставці тваринництва демонстрували експонати багатих приватних господарств, а селянські свійські тварини там не були представлені. Щоб зрозуміти дійсний рівень розвитку скотарства у Харківській губернії, варто згадати місцеві селянські виставки. Тобто, результати Всеросійської виставки демонстрували не загальний рівень розвитку скотарства, а найкращі поодинокі господарства. Проте це заохочувало як представників громадськості, земств, так і місцеве населення покращувати ситуацію з тваринництвом і давало можливість побачити перспективи.

Однією з останніх сільськогосподарських виставок, що проводилась ХТСГ, була виставка птахівництва (28 вересня – 3 жовтня 1918 р.). У Харківському обласному державному архіві збереглися документи про нагородження переможців. Було присуджено 5 золотих медалей, 15 великих срібних, 15 малих срібних та 25 похвальних листів. З архівних документів з'ясуємо, що золоті медалі не видали, бо їх виробництво було припинено Монетним двором [5, ф.237, оп.1, спр.26, арк.9].

Таким чином, сільськогосподарські виставки Харківської губернії наприкінці ХХ – на початку ХХ ст. стали важливим засобом покращення стану аграрної галузі краю. Вони підтримували ініціативу сільськогосподарських виробників, допомагали обмінюватися досвідом, отримувати прибутки, покращувати породи худоби, сортів рослин, ставали фактором поглиблення співпраці аграріїв.

Примітки

1. *Багалеї Д.И.*, Миллер Д.П. История г. Харькова за 250 лет его существования (1655 – 1905): в 2.т. – Т.2. / Багалеї Д.И., Миллер Д.П. – Харьков, 1993. – 974 с.
2. *Всероссийская* сельскохозяйственная выставка в Харькове 1887 г. (Каталог). – Харьков, 1887. 373с.
3. *Головко А.* Сельскохозяйственные общества Харьковской губернии. / Головко А. – Харьков, 1910. – 136с.
4. *Горбаньов В.В.* Поміщицьке господарство Харківської губернії в др. пол. ХІХ – на поч. ХХ ст.: автореф дис... канд. іст. наук. 07.00.01 / Горбаньов В.В. – Харків, 2006.-19с.
5. *Державний архів* Харківської області (далі ДАХО).
6. *Доклады* и журналы Харьковского общества сельского хозяйства за 1890 г. Вып.1. – Харьков, 1890. – 126 с.
7. *ІХ губернское* агрономическое совещание 26-29 февраля 1912 г. Журналы и доклады. – Харьков, 1912. – 241с.
8. *Журналы*, доклады и отчеты участковых агрономов / V агроном. совещание при Харьковской губернской земской управе с 25 по 30 апреля 1910г. – Харьков, 1910. – 203с.
9. *Клингген И.* Описание Волчанского уезда Харьковской губернии в сельскохозяйственном статистическом отношении. / Клингген И. – Харьков, 1882. – 378с.
10. *Крот Л.М.* Роль земств Лівобережної України в модернізації сільського господарства (1864-1914 рр.): автореф. дис... канд. екон. наук: 08.10.01 / Крот Л. М. – К., 2009. – 20с.
11. *Куліков В.О.* Селянське господарство Харківської губернії в др. пол. ХІХ – на поч. ХХ ст. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / В. О. Куліков – Харків, 2005. – 323с.
12. *Справочные* сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (данные за 1907 и 1908гг.) / сост. В. В. Морачевский. – СПб,1909. – Вып. 10. – 520 с.
13. *Труды* 1-го съезда представителей сельскохозяйственных обществ Харьковской губернии. – Харьков, 1914. – 144 с.

14. Харьковская губернская земская управа. Отчет по агрономическому отделу за 1909г. – Харьков, 1911. – 127с.
15. Харьковское губернское земство. Местные промыслы населения Харьковской губернии. – Харьков, 1905. – 97с.
16. Харьковское общество сельского хозяйства. Журналы заседания общего собрания членов 9 марта 1888г. (Стеногр. отчет). – Харьков, 1888. – 1001с.
17. Харьковское общество сельского хозяйства. Журналы общего собрания 18-22 декабря 1883г. и 27 января 1884г. с прил. и отчет распорядительного комитета по устройству семенной выставки. – Харьков, 1884. – 72 с.
18. Харьковское общество сельского хозяйства на областной сельскохозяйственной выставке в 1910г. – Харьков, 1910. – 52 с.
19. Харьковское общество сельского хозяйства. Отчет за 1913г. – Харьков, 1913. – 48 с.
20. Харьковское общество сельского хозяйства. Семенная выставка 1907г. Отчет. – Харьков, 1908. – 145 с.
21. Харьковское общество сельского хозяйства. Съезд по животноводству в Харькове в 1903г. – Харьков. – Труды. В 2.т. – Т. 1. 1904. – 229 с., Т. 2. – 1905. – 272 с.
22. Южнорусская сельскохозяйственная газета.

Лисенко, Майя Сельскохозяйственные выставки в Харьковской губернии (кон. XIX – нач. XX ст.). В статье исследуются сельскохозяйственные выставки в Харьковской губернии, их организация и проведение. Анализируются типы выставок, социальный состав участников, результаты деятельности. Делается вывод о содействии Харьковского общества сельского хозяйства и земства модернизации аграрной отрасли.

Ключевые слова: сельскохозяйственные выставки, Харьковское общество сельского хозяйства, земство, модернизация.

Lysenko, Maiya Agricultural exhibitions in Kharkiv province (the end of the XIX – the beginning of the XX century). The article examines agricultural exhibitions in Kharkiv province as well as their organization and holding. Types of exhibitions, social composition of participants, the results of the activity are analyzed. The conclusion on assistance of the Kharkiv Agricultural Society and Zemstvo of modernization of the agrarian sector is made.

Keywords: agricultural exhibition, Kharkiv Agricultural Society, zemstvo (rural councils), modernization.

УДК 94:332(560)

Становление откупной системы и чифтликков в Османской империи (конец XVI – XVIII вв.)

Олег Моргун

Исследование представляет собой обобщающий анализ разложения тимарного землевладения и его замещения откупной системой и чифтликками, что вызвало постепенную коммерциализацию сельской экономики. Автор рассматривает общие черты и особенности этого процесса, отчасти напоминающего современные европейские тенденции того времени, в отдельных провинциях Османского государства.

Ключевые слова: тимар, ильтизам, маликяне, чифтлик

В современной историографии принято считать, что зарождение капиталистических отношений является результатом внутренних процессов в Западной Европе в эпоху Ренессанса, Великих географических открытий и Реформации. Как утверждает сторонник данной концепции Л. С. Васильев, на протяжении XVI–XVIII вв. «Восток, впервые в истории, ощутив преимущества энергичного и динамичного развития, был вынужден подчиниться тенденции к ускорению темпов эволюции» [1, с. 11]. Также Л. С. Васильев, поддерживая мнение Н. А. Иванова [2, с. 42-45], указывает, что главным антагонистом западного христианства в этот период выступает Османская империя [1, с. 11-12]. Тем не менее, в современной османистике преобладает точка зрения, согласно которой Османское государство рассматривается как составная часть европейского «баланса сил» и активный участник торговых отношений [18, р. 150-154]. В подтверждение этого, К. Нисанджиоглу приводит описание картины голландского художника Г. Гоблейна Младшего «Послы» (1533 г.), предложенное Л. Джардин. По данной интерпретации в центре произведения находится стол с предметами, символизирующими Великие географические открытия, Реформацию и религиозные войны, а английского и французского посла, оттесненных на второй

© Моргун О., 2014

план, символически объединяет османский ковер, подспудно демонстрируя, что в XVI в. Османская империя принимала непосредственное участие в европейских делах [23, р. 2-3].

С конца XVI в. Османское государство подверглось коренной трансформации, во многом обусловленной экономическими переменами, произошедшими в Западной Европе. Одним из проявлений трансформации стало разложение тимарного землевладения и постепенное его замещение откупной системой сбора налогов и чифтликским землевладением (çiftlik – ферма, поместье). Цель нашей работы – проследить особенности этого процесса и факторы, способствующие его развитию в конце XVI–XVIII в.

Тимарная система землевладения сложилась в классическую эпоху османской истории, охватывающую XIV–XVI в., когда территориальные границы государства, за исключением небольшого промежутка времени, непрерывно расширялись. Согласно османскому законодательству, все земли делились на две категории – государственные (miri – около 90 % всего земельного фонда в XVI в.) и частнособственнические (mülk). В это время ударную силу османского войска составляли кавалеристы (sipahi), которым за несение военной службы полагались условные земельные пожалования (dirlik). Дирлики делились на три категории: тимары, зеаметы и хассы, годовой доход которых равнялся сумме от 3000 до 20000, от 20000 до 100000 и свыше 100000 акче (мелкая серебряная монета) соответственно. Тимары предоставлялись конным воинам, а зеаметы – санджакбеям (наместникам провинций – sancak), бейлербеям (управляющим большими регионами – Rumeli, Anadolu, Rum) и представителям центральной администрации. Помимо военных на сипахи также были возложены административные функции на местах [3, с. 115-130].

Отношения между правящим классом (askeri) и податным населением (reaya) коренным образом отличались от порядков, характерных для Западной Европы, поскольку избыточный продукт извлекался не в форме ренты, а с помощью фиксированных налогов, которые в XIV – XVI в. жаловались сипахи за несение службы в пользу государства [23, р. 10]. Крестьяне не находились в личной зависимости от владельца дирлика, и в большей части завоеванных земель были отменены практически все трудовые и натуральные повинности крестьян в пользу сипахи. Однако вместо них крестьяне должны были платить ежегодный денежный налог: чифт-ресми – для мусульманского населения и испенч-ресми – для немусуль-

манского населения, размер которых обычно был равен 22 акче [19, р. 338]. Основным налогом являлась десятина (*öşüg* – с мусульман, *haraç* – с немусульман), выплачиваемая в натуральном виде, размер которой колебался от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ части урожая в зависимости от плодородия почвы и типа земледелия [7, с. 31-32].

Долгое время османское государственное и военное устройство вызывало восхищение у Н. Макиавелли, Дж. Бодина и других европейских философов того времени [18, р. 179-188]. Однако с конца XVI в. ситуация разительно изменилась.

В корне этих перемен находятся факторы как внутреннего, так и внешнего происхождения. И если османские мыслители конца XVI – XVII вв. видели причины внутренних неурядиц в отходе от традиций, сложившихся в эпоху Сулеймана Кануни [6, с. 1-70], то многие османисты во второй половине XX в. стали склоняться к совершенно противоположному. Так, О.Л. Баркан в статье, освещающей революцию цен в Османской империи, которая до последнего времени широко использовалась и практически не подвергалась критике, предположил, что упадок государства Османов и становление нового общественного и экономического устройства начались в результате процессов за пределами империи и, в особенности, из-за становления «атлантической экономики» в Западной Европе [11, р. 5]. В современной историографии преобладает комплексный подход в изучении трансформации Османской империи, в рамках которого были пересмотрены не только перечисленные выше мнения, но и сама парадигма упадка [32, р. 12-19], которая разрабатывалась, начиная с 1950-х гг. и отражена, в частности, в работах таких выдающихся ученых-османистов, как Б. Льюис [21, р. 21-39]. Так, историки, критикующие парадигму упадка, утверждают, что она ведет к линейному пониманию истории, сводящемуся к расцвету, упадку и неизбежной гибели Османского государства. Кроме того, это обуславливает схематизацию османской истории в трудах историков, не специализирующихся на османистических исследованиях [см. напр.: 15, с. 3-30]. Некоторые критики «упадка», применяя сравнительный подход, выдвигают следующий аргумент: почему, рассматривая кризис в Османской империи, историки приходят к заключению об упадке, тогда как те же самые процессы во Франции XVI в. расцениваются как трансформация, которая сглаживала переход к капиталистическим отношениям и национальному государству [9, р. 165]? Учитывая все это, видится сложным проанализировать разложение тимарной системы землев-

ладения, не обращая внимания на общие проблемы экономической, социальной и военной истории Османского государства.

В XVI в. военное дело в Западной Европе было отмечено развертыванием «военной революции», которую вкратце можно свести к массовому использованию пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием, и последующему изменению военной тактики, а также возведению новых фортификационных линий [10, р. 126-141; 22, р. 107-111]. С конца XVI в., в условиях продолжительных войн Османского государства на западном и восточном фронтах – с империей Австрийских Габсбургов (1593-1606 гг.) и Сефевидским Ираном (1578-1590 гг. и 1603-1612 гг.) [22, р. 5-8], кавалеристы-сипахи стали проявлять все большую неэффективность, что привело к постепенному увеличению пехоты – янычар и временных наемников (*sekban* или *levend*) [22, р. 190-191; 29, р. 4-5].

Другим не менее важным фактором стала революция цен, которую, как показывают исследования, нельзя просто ограничивать неконтролируемым притоком серебра, шедшим в Османское государство через торговлю с Западной Европой [28, р. 69-89]. На этой проблеме стоит остановиться более подробно, поскольку она способствовала не только распаду тимарного землевладения, но и становлению откупной системы и чифтликского хозяйства.

Как утверждает М. Генч, османская экономическая система базировалась на трех основных принципах – провизионизме, фискализме и традиционализме. Провизионизм означал качественное и своевременное обеспечение населения продуктами потребления, фискализм – непрерывное пополнение государственной казны, традиционализм – соблюдение указанных двух принципов. Однако их сочетание не всегда было гармоничным, и один из принципов по очереди преобладал [16, р. 192-193]. Так, в соответствии с принципом провизионизма, с тем чтобы избежать дефицита на внутреннем рынке, османское правительство часто прибегало к запрету на экспорт зерна и прочих стратегических продуктов [30, р. 172]. Однако, так как Османская империя постоянно испытывала недостаток драгоценных металлов, и еще действия первых османских султанов были направлены на то, чтобы обеспечить их стабильный приток [17, р. 91-92], правительство периодически позволяло продажу зерна в Западную Европу, где оно стоило намного выше фиксированных османских цен. Тем не менее, колоссальная инфляция XVI в. определялась, в том числе, и быстрым ростом населения, что вызывало нехватку продуктов питания на внутренних рынках [17, р. 71-

80], и резко возросшими военными расходами [25, р. 4-5]. В этих условиях государство неоднократно осуществляло порчу монеты [28, р. 73-79]. Все это привело к росту цен на продукты питания и одновременному падению реальной стоимости тимаров, потому что значительная часть их доходов поступала в форме фиксированных денежных сумм.

Таким образом, постепенное уменьшение количества сипахи, опоры прежней системы, и сокращение их доходов вело к разложению тимарного землевладения. Данный процесс ускорился и обрел необратимый характер в период Джелялийской смуты на рубеже XVI–XVII вв., представляющей собой серию массовых народных выступлений, которые стали причиной опустошения и экономического застоя в большей части Анатолии [5, с. 127-135; 7, с. 52-81; 30, р. 185-186, 188].

Одним из вариантов трансформации тимарного землевладения стала откупная система сбора налогов (*iltizam*), действовавшая в Османской империи с XV в. Тогда она была ограничена только доходами, использовавшимися для выплаты содержания чиновникам и военным служащим, местных расходов и пр., которые собирались с султанских земельных владений, коммерческих налогов (таможенных и торговых) и государственных монополий (соляное, рыбное производство и пр.) [30, р. 9-10]. С конца XVI в., когда правительство стало перераспределять государственные доходы за счет сипахи в пользу янычар и секбанов, система ильтизама стала быстро расширяться. Часть тимаров была конфискована и переведена в султанскую собственность либо пожалована должностным лицам в виде хасов и зеаметов [29, р. 11-12]. Другим способом увеличения государственных доходов стало введение чрезвычайных налогов (*avarız-ı divaniye*, *bedel-i nüzul*, *imdad-ı seferiye*, *imdad-ı hazeriye*), которые изначально взимались для финансирования армии в условиях военного времени и для содержания вооруженных подразделений губернаторов в мирное время. Чрезвычайные налоги собирались в денежной или натуральной форме, а их размер не был фиксированным, в отличие от доходов сипахи, и увеличивался с обесцениванием акче. Со временем чрезвычайные налоги обрели постоянный характер и стали широко сдаваться на откуп [4, с. 95-98].

Существовало три метода сбора налогов: эманет – с помощью назначенного правительством агента (*emin*), которому за его деятельность полагался фиксированный оклад; ильтизам – путем сда-

чи части государственных доходов (*mukata'a*) на краткосрочный откуп откупщику (*mültezim*), длившийся обычно 1-3 года; сочетание первых двух – посредством назначения определенного лица, который как и эмин отвечал за сбор налогов, однако получал жалование не из казны, а отсчитывал его себе как откупщик из общей суммы перед передачей ее государству [29, р. 10-11].

В контексте избранной нами темы наибольший интерес вызывает второй метод. Для иллюстрации его механизма можно обратиться к примеру взимания налогов авариз и нюзул в провинции (*eyâlet*) Караман во второй половине XVII в. Доходы с этой провинции сдавались в откуп на один год после торгов на открытом аукционе. Хотя мукатаа могли получить все подданные османского султана вне зависимости от конфессиональной принадлежности, в Карамане мультезимами были лишь мусульмане. Так как аванс при получении мукатаа выплачивался только в моменты финансовых трудностей, то до 1658 г. эта практика вообще не применялась, а с этого года стала постоянной, что также отражает общую тенденцию в государстве. Размер аванса был различным – от 240 тыс. акче в 1691 г. до 3,6 млн. акче в 1679 г. Хотя было принято, что мультезим должен заручиться поддержкой одного поручителя, в случае Карамана имеется только один такой прецедент – в 1672 г. Исмаил-ага, житель Кайсери, поручился за Али-агу, откупщика авариза. В поддержку аргумента о том, что при распределении мукатаа важную роль играли личные связи, указывает тот факт, что в 1669 г. откуп авариза был предоставлен Кетхюда Али-аге, аванс за которого выплачивался не им лично, а из имперской казны. В целом, откуп являлся рискованным делом, потому что мультезим, не сумевший собрать договоренную сумму, был обязан покрыть ее за свой счет [12, р. 555-556; 14, р. 160-167].

Характерно, что с конца XVI в. к практике откупов стало прибегать не только государство, но и высокие чиновники, которые проживали в Стамбуле и прочих больших городах, получавшие свое жалование и пенсии не в форме денежного оклада, а виде пожалований (*arpalık*) – зеаметов и хассов. Отсутствуя в своих имениях, такие лица, так же как и правительство, предпочитали передавать сбор налогов либо управляющим, либо мультезимам, предложившим наивысшую цену [29, р. 13].

Считается, что в Османском государстве в условиях отсутствия банков, откупная система стала источником внутренних займов, к которым неоднократно обращались европейские монархи [26,

р. 239; 27, р. 22]. В пользу этого суждения может выступать также то, что в 1695 г. в разгар войны Османской империи со Священной Лигой (1683-1699 гг.) и острых финансовых затруднений, система краткосрочных откупов эволюционировала в долгосрочную или же систему пожизненных откупов (*malikâne*). Хотя формально в султанском указе декларировалось, что система маликяне вводится с целью уменьшить злоупотребления откупщиков, стремившихся за короткий срок выжать как можно больше средств с населения, и побудить их к защите своих налоговых источников [24, р. 233], в действительности правительство преследовало более широкие цели.

Маликяне продавались на открытых аукционах, приобрести их мог как один человек, так и несколько лиц. Владелец маликяне (*malikâneci*) кроме выплаты годового дохода (*mal-ı miri*) в форме трехразовых платежей, при покупке откупа платил аванс (*tuaccele*), который обычно оценивался как 2-10 годовых доходов, однако в действительности нередко превышал эту сумму [13, р. 66]. Кроме того, с маликянеджи периодически взимались дополнительные налоги: *джюлюс* (*güsum-ı cülus*) – по случаю восшествия на престол нового монарха в размере 25 % *муаджеле* между 1703-1754 гг. и *джебелю* (*sebelü bedeliyesi*) – в военное время в размере 15 % *муаджеле* [29, р. 18].

Поскольку откупщики не всегда располагали значительными денежными суммами, становление как *ильтизама*, так и *мукатаа* содействовало развитию ростовщического капитала, который нашел пути, чтобы обойти запрет на проценты, предписанный исламом. Процентные ставки на такого рода займах в среднем составляли 10-20 % [26, р. 232; 27, р. 18].

С начала XV в. получили распространение неистинные вакфы (*evlâd-ı evkâf* или *mülhak evkâf*), формально функционировавшие как благотворительные исламские организации. Завещание частной собственности как движимой, так и недвижимой стало надежным способом ее сохранения в распоряжении потомков, которые наследственно назначались управляющими вакфов [4, с. 33-34; 33, р. 119-120]. Одной из сфер деятельности неистинных вакфов была выдача денежных займов под процент [26, р. 232-233; 27, р. 18-19].

Возвращаясь к маликяне, важно принимать во внимание то, что они могли передаваться (фактически продаваться) от одного лица к другому при выплате государству 10 % *муаджеле* [13, р. 66-67]. Сын маликянеджи имел возможность приобрести маликяне своего отца только в случае выплаты нового *муаджеле*, который должен

был превышать суммы, предложенные прочими претендентами [29, р. 18].

Использование долгосрочных откупов не только не уменьшило эксплуатацию крестьян, а, напротив, способствовало расширению субарендных отношений, при которых маликянеджи, приобретающие доходы с целых провинций, перераспределяли их мелким мультезимам [13, р. 67].

Точно так же как и с *ильтизамом* видится уместным сравнить общие положения системы маликяне с ее реальным применением в *эялете Крит*. Пожизненные откупа были распространены на остров только в 1719 г., что можно объяснить особенным положением Крита в османском государственном организме еще со времени его длительной осады (1647-1669 гг.) [31, р. 155-159]. Торги проходили в центре *эялета* – г. Кандии (совр. г. Ираклион). Руководить аукционом был назначен секретарь имперского двора Мустафа. В тот год на Крите было продано всего 183 маликяне, владельцами которых стали 329 чел. Из них 46,2 % маликяне перешли в совместное владение двух лиц, 24 % – одного лица; 14,5 % – трех; 13,6 % – четырех; 1,5 % – пяти дольщиков соответственно. С маликянеджи на Крите несколько раз собирались чрезвычайные налоги: два раза *джебелю* – в 1742 г. и 1772-1773 гг., а в 1731 г. была предпринята попытка взимания *джюлюса* в связи с восшествием на престол Махмуда I, однако, что примечательно, данный налог не был собран [24, р. 234-237]. Все это говорит о том, что, как и в случае Карамана, откупная система в Османском государстве действовала с учетом местных условий.

Видимо самым важным последствием введения откупной системы стала постепенная коммерциализация сельской экономики, обусловленная, с одной стороны, притоком серебряной монеты из Западной Европы, а с другой – введением денежных налогов. В городах все чаще начали проводиться ярмарки, которые служили основным средством контактов между городским, сельским и кочевым населением. Как показал Ш. Памук на примере трех судейских округов (*kaza*) в Стамбуле, мнение о том, что в Османском государстве функционировала строгая регламентация цен [8, с. 101-103], является весьма спорным, потому что по результатам его исследования потолок цен (*narh*) применялся только при высокой инфляции и в моменты тяжелых внутренних потрясений [26, р. 237; 27, р. 14].

Второй вариант эволюции тимарного землевладения – это *чифтликское* хозяйство. Рубеж XVI–XVII вв. был ознаменован опусто-

шением значительной части Анатолии в ходе Джелялийской смуты и расширившейся практикой оставления крестьянами своих земель, вызванной усилением злоупотреблений со стороны сипахи и повышением налогового давления, в Румелии. Основным способом образования чифтликос стало занятие состоятельными лицами заброшенных или пустующих земель и использование для их обработки труда домашних рабов либо поденщиков. В некоторых случаях чиновники прибегали к прямому давлению или захвату крестьянских земель. Первые чифтлики были малого размера, что, конечно же, не исключало возникновения больших хозяйств, ориентированных на выращивание зерновых культур либо скотоводство. Чаще всего чифтлики располагались возле больших городов и на торговых путях. Учитывая большой спрос на зерно в Европе и высокие цены, многие хозяйства, обходя запреты, вели контрабандную торговлю с европейскими купцами. Османское правительство негативно относилось к практике чифтликоского хозяйства, которое вело к уменьшению количества налогоплательщиков. Чифтлики не были полной частной собственностью, что позволило правительству в 1609–1610 гг. на основании «указов справедливости» (*adalet name*) Ахмеда I ликвидировать многие такие хозяйства [4, с. 24-25; 19, р. 350-351].

В этих условиях самым эффективным средством сохранить свое имущество было завещание его в пользу неистинных вакфов. Во время внутренней нестабильности влиятельные чиновники находили пути, чтобы превратить государственную собственность в частную, а потом передать ее в распоряжение вакфов [19, р. 351]. В инвентарной описи документов вакфов, хранящихся в Восточном отделении Национальной библиотеки имени Св. Кирилла и Мефодия в Болгарии, показано что в подробном реестре вакфов (конец XVI в.) казы Малгара 4 благотворительных учреждения из 9 располагали чифтликама [20, р. 68-69]. В статье Н. Йылдыза о вакфах Кипра также указывается, что чифтлики нередко являлись составной частью имущества вакфов [33, р. 117-159].

Вновь развитие чифтликоского хозяйства оживилось в конце XVII в. Как и раньше, большинство возникших хозяйств было мелкого или среднего размера. К примеру, из 69 чифтликос, обнаруженных в 1696 г. в окрестностях Бурсы, 22 (32 %) были размером от 5 до 20 га, 42 (61 %) – 20-60 га, и только 5 (7 %) – 100-250 га [4, с. 26]. В XVIII в. активно создавать чифтлики начали влиятельные аяны (представители местных элит), окруженные вооруженными

свитами и способные отстоять свои владения. Аяны контролировали подчас целые эялеты и даже вступали в открытые вооруженные конфликты с правительством при решении конфликтных ситуаций. В руках аянов стали концентрироваться не только огромные чифтлики, но и маликяне, которые они распределяли через субаренду своим подчиненным [34, р. 433-447].

Весьма прибыльные чифтлики в это время были расположены на границе с австрийскими Габсбургами, что гарантировало стабильный внешний спрос. А чифтликоское хозяйство на Крите базировалось на экспортно-ориентированной культуре – оливках [31, р. 159-161].

В общем, в ходе исследования наметились следующие выводы: разложение тимарной системы землевладения шло в результате как внутренних, так и внешних факторов, вызванных зарождением капиталистических отношений в Западной Европе; возникло два пути эволюции тимарного землевладения – в откупную систему и чифтликоское хозяйство; указанные процессы сопровождалась коммерциализацией сельской экономики; откупа и чифтлики представляли собой рискованные предприятия, требовавшие значительных денежных вложений; становление откупной системы, выступающей также в роли источника внутренних займов, в свою очередь, определило активизацию ростовщического капитала и применение субаренды; появление чифтликос было во многом связано с ростом внутреннего и внешнего спроса на сельскохозяйственную продукцию и, прежде всего, на зерно; новые тенденции не привели к утверждению частнособственнических начал в земельных отношениях.

Примечания:

1. *Васильев Л. С.* Всеобщая история / Л.С. Васильев. – Т. III. От средних веков к новому времени (XVI–XVIII вв.). – М.: Высшая школа, 2008. – 568 с.
2. *Иванов Н. А.* Цивилизации Востока и Запада на рубеже нового времени / Н.А. Иванов // История Востока / Под ред. Р.Б. Рыбакова. – Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 28-45.

3. *Іналджик Г.* Османська імперія: Класична доба, 1300–1600 pp. / Г. Іналджик; пер. з тур. – К.: Критика, 1998. – 288 с.
4. *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса / М.С. Мейер. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1991. – 264 с.
5. *Новичев А.Д.* История Турции. В 4 т. / А.Д. Новичев. – Т. 1. – Л.: Издательство ЛГУ, 1963. – 316 с.
6. *Смирнов В.Д.* Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции / В.Д. Смирнов. – СПб, 1873. – VII+272 с.
7. *Тверитинова А.С.* Восстание Кара Языджи – Дели Хасана в Турции / А. С. Тверитинова. М.: Издательство АН СССР, 1946. – 88 с.
8. *Тодоров Н.* Балканский город XV-XIX вв. / Н. Тодоров; пер. с болг. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1976. – 518 с.
9. *Adanır F.* Semi-autonomous Forces in the Balkans and Anatolia / F. Adanır // *The Cambridge History of Turkey.* – Vol. 3. The Later Ottoman Empire, 1603–1839 / Ed. by S.N. Faroqi. – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 157-185.
10. *Agoston G.* Habsburgs and Ottomans: Defense, Military Change and Shifts in the Power / G. Agoston // *The Turkish Studies Association Bulletin.* – 1998. – Vol. 22. – No. 1. – P. 126-141.
11. *Barkan Ö.L.* The Price Revolution of the Sixteenth Century: a Turning Point in the Economic History of the Near East / Ö.L. Barkan // *International Journal of Middle East Studies.* – 1975. – Vol. 6. – No. 1. – P. 3-28.
12. *Çakır B.* Tax-farming / B. Çakır // *Encyclopedia of the Ottoman Empire* / Ed. by G. Agoston and B. Masters. – New York: Facts on File, 2008. – P. 555-557.
13. *Çızakça M.* Tax-Farming and Resource Allocation in Past Islamic Societies / M. Çızakça // *Journal of King Abdulaziz University: Islamic Economics.* – 1989. – Vol. 1. – P. 59-80.
14. *Demirci S.* İltizam (Tax-farming) in the Avâriz-tax System: a Case Study of the Ottoman Province of Karaman, c.1650s-1700 / S. Demirci // *Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi.* – 2002. – № 12. – P. 159-172.
15. *D'souza R.* Crisis before the Fall: Some Speculations on the Decline of the Ottomans, Safavids and Mughals / R. D'souza // *Social Scientist.* – 2002. – Vol. 30. – No. 9/10. – P. 3-30.

16. *Genç M.* Economy and Economic Policy / M. Genç // *Encyclopedia of the Ottoman Empire* / Ed. by G. Agoston and B. Masters. – New York: Facts on File, 2008. – P. 192-195.
17. *İnalçık H.* Impact of Annales School on Ottoman Studies and New Findings / H. İnalçık // *Review.* – 1978. – Vol. I. – No. 3/4. – P. 69-99.
18. *İnalçık H.* Mutual Influences Between Europe and the Ottomans / H. İnalçık // *İnalçık H. Turkey and Europe in History.* – Istanbul: Eren, 2006. – P. 141-194.
19. *İnalçık H.* The Ottoman Decline and Its Effects upon the Reaya / H. İnalçık // *Aspects of the Balkans: Continuity and Change. Contributions to the International Balkan Conference held at UCLA, October 23-28, 1969* / Ed. by H. Birnbaum and S. Vryonis. – The Hague – Paris: Mouton, 1972. – P. 338-354.
20. *Ivanova S.* Inventory of Ottoman Turkish Documents about Waqf Preserved in the Oriental Department at the St Cyril and Methodius National Library / S. Ivanova, R. Kovachev, E. Radushev. – Sofia, 2003. – 352 p.
21. *Lewis, B.* The Emergence of Modern Turkey / B. Lewis. – 2 ed. – London – Oxford – New York: Oxford University Press, 1968. – XI+524 p.
22. *Murphey R.* Ottoman Warfare, 1500–1700 / R. Murphey. – London: University College London Press, 1999. – XXII+278 p.
23. *Nisancıoğlu K.* Before the Deluge: the Ottoman Origins of Capitalism / K. Nisancıoğlu: Paper for Millennium Conference. – 2012. – 23 p.
24. *Nükhet Adıyeke A.* Farming out of Mukataas as Malikâne in Crete in the Eighteenth Century: the Rethymno Case / A. Nükhet Adıyeke // *The Eastern Mediterranean under Ottoman Rule: Crete, 1645-1840. Halcyon Days in Crete VI. A Symposium held in Rethymno 13-15 January 2006* / Ed. by A. Anastasopoulos. – Rethymno: Crete University Press, 2011. – P. 233-242.
25. *Orbay K.* Ottoman Central Administration and War Finance, Late Seventeenth Century / K. Orbay: Paper presented at XIV International Economic History Congress. Session 106: State and Finance in the Early Modern Times in the Eurasian Continuum. – Helsinki, 2006. – 23 p.
26. *Pamuk Ş.* Institutional Change and the Longevity of the Ottoman Empire, 1500–1800 / Ş. Pamuk // *Journal of Interdisciplinary History.* – 2004. – Vol. 35. – No. 2. – P. 225-247.

27. Pamuk Ş. The Evolution of Factor Markets in the Ottoman Empire, 1500-1800 / Ş. Pamuk: Paper presented at the Global Economic History Network Workshop on "The Rise, Organization and Institutional Framework of Factor Markets". – Utrecht, 2005. – 36 p.
28. Pamuk Ş. The Price Revolution in the Ottoman Empire Reconsidered / Ş. Pamuk // International Journal of Middle East Studies. – 2001. – No. 33. – P. 69-89.
29. Şahin C. The Rise and Fall of an Ayân Family in Eighteenth Century Anatolia: the Canıklızâdes (1737-1808): Ph. D. dissertation / C. Şahin. – Bilkent University, 2003. – IX+237 p.
30. Shaw S.J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. In 2 vol. / S.J. Shaw. – Vol. 1. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280-1808. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – XIII+351 p.
31. Stallsmith A.B. One Colony, Two Mother Cities: Cretan Agriculture under Venetian and Ottoman Rule / A.B. Stallsmith // Hesperia Supplements. The Journal of the American School of Classical Studies at Athens – 2007. . – Vol. 40. – P. 147-167.
32. Ustun K. The New Order and Its Enemies: Opposition to Military Reform in the Ottoman Empire, 1789-1807: Ph. D. dissertation / K. Ustun. – Columbia University, 2013. – V+287 p.
33. Yıldız N. The Vakf Institution in Ottoman Cyprus / N. Yıldız // Ottoman Cyprus. A Collection of Studies on History and Culture / Ed. by M.N. Michael. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. – P. 117-159.
34. Zens R. Provincial Powers: the Rise of Ottoman Local Notables (Ayan) / R. Zens // History Studies. – 2011. – Vol. 3/3. – P. 433-447.

Моргун, Олег Становлення відкупної системи та чіфтликів в Османській імперії (кінець XVI – XVIII ст.).

Дослідження представляє собою узагальнюючий аналіз розпаду тімарного землеволодіння та його заміни відкупною системою та чіфтліками, що викликало поступову комерціалізацію сільської економіки. Автор розглядає загальні риси та особливості цього процесу, який частково нагадує сучасні європейські тенденції того часу, в окремих провінціях Османської держави.

Ключові слова: тімар, ільтізам, малікяне, чіфтлік

Morgun, Oleg Ottoman Empire (Late Sixteenth – Eighteenth Centuries). *The study presents generalized analysis of breakup of the timar system and its substitution by tax-farming and çiftliks that called up gradual commercialization of the rural economy. Author examines common traits and special features of the process, partly resembling contemporary European tendencies of that time in distinct provinces of the Ottoman state.*

Keywords: timar, iltizam, malikâne, çiftlik

УДК 94(477.83/.86):[33:005.332.5:665.6]"18"

Конфлікти у нафтовій промисловості Галичини у XIX столітті як маркер економічної модернізації

Владислава Москалець

У статті аналізуються конфлікти другої половини XIX століття в нафтовій індустрії Борислава та Дрогобича та з'ясовується, як їх дослідження може продемонструвати динамічні зміни та кризи в промисловості. Як робітничі конфлікти, так і суперечки між єврейськими підприємцями виявляють схожі тенденції до конкуренції між місцевим, «галицьким» та «західним» бізнесом.

Ключові слова: Галичина, нафтова індустрія, євреї, конфлікт

Перший етап розвитку нафтової промисловості в Галичині (1850-1880-ті роки) завдяки активному розвитку індустрії та багатоетнічному складу його учасників, пропонує багатий матеріал для досліджень, що переосмислюють економічну історію і розглядають її в контексті суспільних та культурних змін. Протягом другої половини XIX ст. село, а згодом містечко Борислав, до того неважливе та непомітне на карті, стало ареною для фінансових злетів та падінь окремих підприємців, місцем надії, азарту, успіху, важкої праці, для численних українських, польських та єврейських робітників, а також символом агресивного капіталізму для тогочасних інтелектуалів та літераторів. Метою статті є дослідження двох конфліктів, які виникли у другій половині XIX ст. в середовищі підприємців та робітників Бориславського нафтового басейну. Ці два окремі випадки дозволяють краще зрозуміти особливості стосунків між різними учасниками індустрії в активній фазі її формування, а також простежити початки процесу взаємовідчуження «місцевих» та «західних» бізнесменів. Джерелом для дослідження в основному виступили повідомлення у польській та єврейській місцевій пресі, які розповідали про перебіг конфлікту, а також намагалися пояснити його причини. Тема конфліктів в бориславському індустріальному середовищі вже

викликала зацікавлення та дискусії серед істориків. Дослідники заторкували тему конфлікту поміж єврейськими та християнськими робітниками як вияв усвідомлення релігійної ідентичності (Алісон Франк), корпоративної солідарності (Джон-Пол Химка) або ж боротьбу дрібних підприємців проти приходу великих корпорацій (Ярослав Грицак) [6, 7, 1]. У своїй статті ми спробуємо розширити базу джерел і глянути окрім єврейсько-християнських конфліктів, також на конфлікти поміж єврейськими підприємцями. Аналіз цих, на позір типологічно відмінних конфліктів дозволить зрозуміти спільні мотиви, що стояли як і за сутичками між робітниками, так і за суперечками між представниками економічних еліт. Водночас це дозволить вийти за рамки історіографічних кліше і по-новому глянути на конфлікти, як спосіб дослідження ідентичностей.

Причини конфліктів часто складно встановити, оскільки сучасники-інтелектуали були схильні бачити в них явища, які підтверджували їх власні політичні ідеї. Так, польська соціал-демократична газета «Prasa» вважала бійки між робітниками в час «Бориславської війни» виявом зародження робітничого руху, соціалістична «Газета Наддністрянська» – боротьбою двох капіталів, а єврейська преса – виявом антисемітизму. Важливим, утім, видається не зосереджуватися на встановленні причин і типологізації конфліктів, а глянути на них ширше, як на межове явище, яке дозволяє зрозуміти неписані правила у суспільстві та виявити цінності і пріоритети учасників – непомітні в повсякденному житті. Зокрема, економічні конфлікти поміж підприємцями і робітниками дають змогу зрозуміти як і особливості бориславського бізнесу, так і вагу етнічної приналежності у стосунках в бізнес-колах. Для того, щоб простежити ці стосунки на різних рівнях, виберемо два випадки. Перший з них, це так звана «Бориславська війна» 1884 року, яка виявилася у конфліктах поміж єврейськими і християнськими робітниками Борислава. Другим конфліктом є суперечка між єврейськими підприємцями Ізраелем Ліберманом і Йоною Кухмеркером через сфери впливу. Попри те, що конфлікти є досить різними за масштабом (перший вилився у масові бійки, тоді як суперечка між підприємцями залишилася більш камерною), обидва виявили тенденції до намагань місцевих підприємців зберегти контроль над бізнесом перед великими фірмами. Всі ці насильницькі випадки відбувалися в короткому часовому проміжку, що дозволяє припустити звичність насильства у бориславському індустріальному середовищі. Іншою характерною особливістю є тісний взаємозв'язок між релігійною та

соціальною складовою конфліктів, через що важко встановити, яка з мотивацій – релігійна чи економічна була важливішою.

Формування Бориславської нафтової індустрії

Нафтовидобувна та озокеритна індустрія в Бориславі починають розвиватися з 1850-х років, коли Ігнацій Лукасевич і Ян Зег винайшли спосіб очищення нафти і використання її для освітлення у лампах. Масове видобування нафти розпочалося з 1860-х років у Бориславі, і розширилося на території Мражниці, Східниці, Тустанович і Волянки. На перших етапах розвитку індустрії, завдяки тому що видобування нафти не вимагало багато ресурсів і затрат, більшість підприємств було дрібними, зокрема в 1873 році в Бориславі існувало 73 великих і 779 дрібних підприємств [13, с. 1]. Іншим видом промислу було видобування озокериту, яке розпочинається з 1870-х років. Озокерит був побічним продуктом нафти, схожим структурою та функціями на віск. З нього виготовляли свічки, що було важливим бізнесом, в тому числі для євреїв, з огляду на необхідність свічок для Шабату. Для озокеритної індустрії також була характерна подрібненість, зокрема в 1870-х роках існувало 4500 воскових шахт і 1260 дрібних, здебільшого єврейських підприємств [4, с. 206].

«Французька Компанія» («Compagnie commerciale française») та Галицький Кредитний Банк стали першими великих фірмами в регіоні, що починають скуповувати озокеритні та нафтові шахти і монополізувати промисловість. Процес витіснення дрібних підприємств і концентрації шахт у власності великих фірм, підсилений більш суворими вимогами Гірничого управління у Кракові щодо правил техніки безпеки на шахтах, розпочався в 1880-х роках і тривав до кінця століття. В 1885-х році було 41 велике і 86 дрібних, а у 1890 – 59 великих і 30 дрібних підприємств [1, с. 81].

Характерною особливістю озокеритної індустрії у Бориславі було те, що більшість учасників індустрії були євреями, починаючи від великих підприємств, посередників-касирів і завершуючи робітниками [2, с. 282]. Існували і більші єврейські фірми, зокрема однією з успішних була фабрика «Гольдгаммер, Гартенберг і Ляутербах» [13, с.1]. Зміни кінця 1880-х років у нафтовидобувній та восковидобувній промисловості Борислава найбільше вдарили, власне, по єврейських дрібних підприємцях, які працювали з невеликим обіговим капіталом та, зазвичай, не приділяли належної уваги правилам техніки безпеки. Прихід великих компаній – Галицького Кредитного Банку, Земельного Банку та Французької

компанії на початку 1880-х років можна вважати початком кінця єврейського підприємництва, як однієї з основних складових економічного портрету Борислава. Конфлікти, які ми розглядаємо у статті, відбувалися в період, коли іноземні фірми лише набували свого впливу в економіці Борислава і місцеві підприємці були спроможні скласти їм конкуренцію.

Бориславська війна

“Бориславська війна” розпочалася з бійки між християнським робітником і євреєм, якому робітник не міг віддати борг, але вилася в доволі масштабний конфлікт між єврейськими та християнськими робітниками Волянки (регіону Борислава), 19-20 липня 1884 року. Християнські робітники напали на єврейські будинки у Волянці, в тому числі на синагогу, однак не знищили Тори (що дало можливість потім запідозрити у випадку провокацію). У відповідь на це єврейські робітники атакували їхні помешкання, забили декількох до смерті і зруйнували їхній гуртожиток. Такий погром, де, в незвичний спосіб, атакуючою стороною виявилися євреї, заслуговує ще більше уваги, якщо глянути на його економічний аспект. Християнські робітники працювали на шахтах, що належали “Французькій Компанії” (чи не єдиній компанії в регіоні, яка дотримувалася правил техніки безпеки) і Галицькому Кредитному банку, тоді як єврейські робітники працювали в основному у місцевих єврейських підприємств, зокрема в Ізраеля Лібермана, одного з лідерів озокеритної індустрії Борислава. Існує декілька підходів до аналізу природи цього конфлікту. Елісон Франк вважає, що метою робітників було захистити свою релігійну (а не класову чи соціальну ідентичність) [6, с. 129]. Точка зору єврейської преси щодо висвітлення подій однозначно підтримує версію релігійної війни, причому ігнорувала факт нападу єврейських робітників. Єврейська газета «ГаМагид» вважала це погромом, спричиненим поляками, проігнорувавши атаки євреїв на християн і заявила, що це приклад краху політики асиміляції [3, с. 7], а «Ойчизна» навіть порівняла з російськими нападами на євреїв [10, с. 58]. Джон-Пол Химка заперечує наявність класового конфлікту, оскільки в Бориславській війні робітники воювали проти робітників. Натомість дослідник враховуючи релігійну складову конфлікту, розглядає його як вияв боротьби між корпораціями – більш модерними іноземними компаніями і відсталими галицькими. В другій половині XIX ст. відчуття приналежності робітників до тієї чи іншої компанії також стає частиною їхньої ідентичності [7, с. 244]. Важливим також є момент

зіткнення двох типів ведення бізнесу — «розвиненого» західного та «відсталого» галицького. «Французька Компанія» наймала на свої шахти лише кваліфіковану робочу силу, внаслідок чого, там не було єврейських робітників, що зазвичай не мали відповідних навиків. Характерно, що директором «Французької Компанії» був Марсель Бернштейн, акультурований єврей з Парижа. Сумнівно, що його єврейська ідентичність впливала на політику компанії, однак виключає варіант антисемітських упереджень щодо галицьких єврейських робітників. Шахти під керівництвом «Французької Компанії» відрізнялися на загальному фоні бориславської індустрії та, згідно з виразом «Газети Наддністрянської» набули «виразно західно-європейських рис» [12, с.2]. В той підприємства Ізраеля Лібермана втілювали в собі основні риси бориславського бізнесу з некваліфікованими, здебільшого єврейськими робітниками. Економічна конкуренція Ізраеля Лібермана і «Французької Компанії» змусила «Стражницю» вбачати бізнесові мотиви за робітничими конфліктами, та навіть підозрювати Лібермана в зумисній організації сутичок. Газета вважала місцевих єврейських підприємців такими, що гальмують раціональний розвиток галицької промисловості і стояла на боці великих фірм, які давали шанс галицькому бізнесові стати більш професійним.

Ліберман та Кухмеркер

Про конфлікт між бориславськими підприємцями Ізраелем Ліберманом і Йоною Кухмеркером відомо з галицької преси 1886 року – своєю жорстокістю та тривалістю він демонструє звичність насильницьких методів для вирішення суперечок в галицькому індустріальному середовищі другої половини XIX ст. . Першою описала конфлікт, та ввела читачів у контекст дрогобицька соціалістична «Газета Наддністрянська», характерною особливістю якої було, детальне висвітлення місцевих суспільних проблем та політичних скандалів, а також розвінчання групи багатих підприємців, що їх газета називала «клікою ізраелітською». Конфлікт Лібермана-Кухмеркера, став прикладом «розбійних нападів» у місті. Згідно з версією газети, Ізраел Ліберман став монополістом серед бориславських та дрогобицьких підприємців у торгівлі воском та почав визначати цінову політику та контролювати клієнтуру. Водночас, невелика група дрібніших торговців, на чолі з Йоною Кухмеркером, іншим місцевим підприємцем, відколосалася і почала шукати власних клієнтів, а також переманювати останніх від Ізраеля Лібермана.

Коли Ізраел Ліберман продавав віск купцеві Ландесбергерові, Кухмеркер вислав останньому телеграму і повідомив про те, що ціни на віск можуть бути нижчими. Ландесбергер відмовився від контактів з Ліберманом. Те, що сталося потім, демонструє достатньо типовий спосіб вирішення проблем у Бориславі. Через день після цього 14 людей, так званих «кучинерів» (представників єврейського люмпен-пролетаріату, яких наймали для вирішення спірних питань силовим шляхом) побили Кухмеркера, настільки, що він потрапив до шпиталю [9, с. 3]. Для «Газети Наддністрянської» це стало нагодою ще раз звинуватити «дрогобицьку кліку» за те, що вона керує містом, а Лібермана назвали «правою рукою кліки». Справа завершилася судом для Лібермана і він був засуджений на 5 місяців в'язниці. Водночас Ліберману пригадали і колишні справи, зокрема напади на склади Корнгабера в 1885 році, з яких він відібрав віск. Корнгабер, згідно з інформацією газети, не звернувся до поліції і попросив мовчати пресу, віддаючи перевагу внутрішньому вирішенню конфліктів [11, с. 2]. Якщо глянути уважніше на цю справу, то можна помітити, що конфлікт Лібермана Кухмеркера виходив за межі локального. Згідно з повідомленнями «Газети Наддністрянської» Ізраель Ліберман був членом «кліки», яка підтримувала низькі ціни на віск, у продажу поміж своїх, та завищувала ціни у випадку продажу для іноземних фірм. Йона Кухмеркер, натомість, намагався надавати віск за нижчими цінами для іноземних фірм і таким чином перехопити ринок. Кухмеркер повідомив віденській фірмі про [5, с.3]. Йона Кухмеркер був уповноваженим купувати віск для віденської фірми Антонія Гіммельбауера і компанії (яка мала також фабрики у моравських Островах і Штокерай). На суді Йона Кухмеркер заявив, що його метою було не дозволяти Ліберману продавати віск місцевій фірмі Гартенберга дешевше, ніж віденській фірмі, оскільки це нищило здорову конкуренцію [14, с.2]. «Кур'єр Львівський» намагалася показати інший погляд на проблему, згідно з яким Ізраель Ліберман був не монополістом, а охоронцем бориславського бізнесу, натомість Кухмеркер – агентом віденських фірм, що намагалися визискувати бориславських продуцентів. Віденські фірми, вважаючи Галичину «пасивною землею», водночас намагалися змушувати галицьких підприємців до продавання їм воску за найвищою ціною [15, с.1]. Таким чином, локальний конфлікт насправді виявився боротьбою між віденськими та місцевими підприємцями.

З цієї справи можна зробити декілька висновків. Перш за все, це агресивність методів, які використовували конкуренти у боротьбі за ресурс. Водночас, очевидно, що це не було нормою, принаймні поліція намагалася розслідувати найбільші вияви агресії, хоча не була спроможною зупинити їх. Другий висновок, стосується етнічної приналежності. Незважаючи на очевидний зв'язок поміж членами єврейської еліти, етнічна чи релігійна солідарність не ставали стримуючим фактором у бізнес конфліктах. Конфлікт між Ліbermanом і Кухмеркером демонструє все зростаючу напругу між «місцевим» та «віденським» бізнесом і намагання бориславських продуцентів захистити свій спосіб ведення бізнесу і контроль над цінами, але також конкуренцію між дрібними та великими місцевими підприємцями.

«Газета Наддністрянська» не погоджувалася з «Кур'єром Львовським» щодо зображення Ліbermanа, як захисника локальної промисловості в позитивному сенсі цього слова. Редакція була переконана, що група єврейських підприємців Борислава, на чолі з Гольдгаммером, Гартенбергом та Ліbermanом завше ставитиме зв'язки всередині своєї групи вище за раціональний розвиток промисловості, а будь-які конфлікти всередині цієї групи є лише тимчасовим явищем [8, с.2]. Однак групова солідарність не означала для підприємців турботи про збереження місцевої галицької індустрії, а радше захист своїх кланових інтересів.

Сутички в Бориславі привертала увагу громадськості, і реакція преси виявляє їх неоднозначне сприйняття у суспільстві та підозри щодо їх релігійної чи етнічної вмотивованості. Водночас, розуміння економічного контексту та ретроспективний погляд на розвиток бориславської індустрії дозволяє припустити, що два випадки – один міжетнічного конфлікту, а інший конфлікту між двома євреями – стали результатом суперечностей, які наростали між місцевими єврейськими підприємцями та західноєвропейськими чи віденськими фірмами. 1880-1890-ті роки були найбільш напруженим періодом, коли місцеві єврейські нафтові магнати ще були спроможні скласти конкуренцію західним фірмам, що призвело до травматичних розв'язок. Міжетнічні стосунки чи навіть релігійна солідарність в цих випадках підпорядковувалися солідарності клановій та бізнесовим інтересам. Питання того, наскільки ця кланова солідарність мала на меті захист чи розвиток місцевої індустрії залишається відкритим для наступних досліджень.

Примітки

1. *Грицак Я.* Рабочие Бориславско-Дрогобычского нефтяного бассейна во второй половине XIX – начале XX вв: Формирование. Положение. Классовая борьба / Я. Грицак: Диссертация. Институт общественных наук Академии Наук Украинской ССР. – 1986. – 154 с.
2. *Грицак Я.* Пророк у своїй вітчизні: Іван Франко і його спільнота / Я.Грицак – Київ, 2006. – 632 с.
3. *Хадашот* баісроель // ГаМагид. – 1 серпня, 1884. – С. 7
4. *Andlauer T.* Die jüdische Bevölkerung im Modernisierungsprozess Galiziens (1867-1914) / T. Andlauer. – Frankfurt am Main: P. Lang, 2001. – 373 s.
5. *El.* Boryslawski przewroty // Gazeta Naddniestrzanska. – 15 kwietnia, 1886. – S.3
6. *Frank A.* Oil Empire: Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. Frank. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. – 366 p.
7. *Himka J.-P.* Socialism in Galicia: The Emergence of Polish Social Democracy and Ukrainian Radicalism // J.-P.Himka.–Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 1983. – 244 p.
8. *J.* Zaburzenia finansowe w Boryslawiu // Gazeta Naddniestrzańska. – 15 Lutego 1885. – S. 2
9. *Konkurencja* boryslawska // Gazeta Naddniestrzanska. – 1 kwietnia, 1886. – S.3
10. *Korespondencye* // Ojczyzna. – 1 sierpnia 1884. – S.58
11. *Kronika* // Gazeta Naddniestrzanska. – 1 kwietnia, 1886. –S.2
12. *Morderstwa* w Boryslawiu // Strażnica. – 3 sierpnia, 1884. – S. 2
13. *Sprawozdanie* Wydziału krajowego o nagłej potrzebie uregulowania przemysłu naftowego // Alegata do Sprawozdań Stenograficznych z Szóstej Sesyj Trzeciego Peryodu Sejmu Krajowego Królestwa Galicyi i Lodomeryi Wraz z Wielkiem Księstwem Krakowskiem z roku 1875. Alegat 35. – Lwów, 1875. – 16 s.
14. *Z Izby Sądowej* // Gazeta Narodowa. – 10 Czerwca. 1886. – S.2
15. *Z Pensylwanji* galicyjskiej // Kurjer Lwowski. – 4 Kwietnia 1886. – S.1

Москалец, Владислава Конфликты в нефтяной промышленности Галиции XIX века как маркер экономических изменений. В статье анализируются конфликты второй половины XIX века в нефтяной индустрии Борислава и Дрогобыча. Ставится вопрос как их исследование может продемонстрировать динамические изменения и кризисы в промышленности. Как и рабочие конфликты, так и споры между еврейскими предпринимателями обнаруживают похожие тенденции конкуренции между местным «галицийским» и «западным» бизнесом.

Ключевые слова: Галиция, нефтяная индустрия, евреи, конфликт

Moskalets, Vladyslava Conflicts in oil industry of the XIXth century Galicia as marker of economic changes. The article analyzes conflicts of the second half of the XIXth century in Boryslav and Drohobych oil industry to understand how their research can demonstrate dynamic changes and industrial crises. Both workers conflicts and clashes between Jewish entrepreneurs reveal similar tendencies of competition between local 'Galician' and 'Western' business.

Keywords: Galicia, oil industry, Jews, conflict

Репетиция капитализма?: международная коммерческая деятельность Оргкомитета «Олимпиада-80» (1975-1980 гг.)*

Алексей Попов

В статье рассматриваются основные направления и результаты деятельности Организационного комитета «Олимпиада-80», направленные на привлечение зарубежного финансирования XXII Летних олимпийских игр в СССР. Сделана попытка определить особенности «советского стиля» в решении конкретных бизнес-задач, а также оценить его эффективность в международном контексте.

Ключевые слова: международные экономические связи, переговоры, спонсорство, бизнес-история, Олимпиада-80, СССР.

В основу системы финансирования Игр [Олимпиады-80] были взяты преимущества, которые обеспечивает централизованная плановая экономика [12, л. 56]

Коммунисты превращаются в капиталистов после первых же 15 минут переговоров [3, с. 83]

Авторство высказывания о том, что «коммунисты превращаются в капиталистов после первых же 15 минут переговоров» приписывают Полу Остину (*Paul Austin*), президенту транснациональной компании «*The Coca-Cola Co.*». Эти слова якобы были его эмоциональной реакцией на ход переговоров между возглавляемой им корпорацией и представителями советской стороны по вопросу о коммерческом сотрудничестве во время проведения в СССР XXII Олимпийских игр. Несмотря на всю свою условность и образность, данное высказывание заставляет задуматься о том, чем именно советский подход к реализации бизнес-проектов отличался от западного

* Исследование выполнено при поддержке Германского исторического института в Москве.

(капиталистического) подхода. Были ли эти отличия препятствием или, наоборот, преимуществом советской стороны в процессе решения конкретных коммерческих задач? Справедливо ли вообще говорить о специфике «бизнеса по-советски», или природа коммерческой деятельности является универсальной и не зависит напрямую от общественно-политической системы? Для того чтобы попытаться ответить на все эти вопросы выбранный нами пример Олимпиады-80 представляется очень наглядным и выразительным. Осуществлявшееся в 1975-1980 гг. деловое сотрудничество Оргкомитета «Олимпиада-80» с иностранными компаниями, основная часть которых представляла именно капиталистические страны, стало едва ли не первым примером такого активного и сфокусированного взаимодействия двух конкурирующих общественно-политических систем в реалиях «холодной войны». Оно стало своеобразной «стартовой площадкой» для дальнейшего широкомасштабного коммерческого сотрудничества по линии СССР-Запад, темпы которого неуклонно возрастали на протяжении 1980-х – начала 1990-х гг. и в итоге сделали территорию бывшего Советского Союза частью глобального рынка товаров и услуг.

Решение о проведении XXII летних Олимпийских игр в Москве было принято на сессии МОК 23 октября 1974 г., что дало старт процессу подготовки Советского Союза к проведению первого в его истории спортивного мегасобытия такого высокого уровня. В феврале 1975 г. для координации работы по подготовке и проведению Игр был создан Оргкомитет «Олимпиада-80», который возглавил Игнатий Трофимович Новиков (1906-1993) – заслуженный государственный деятель и друг детства Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Перед Оргкомитетом был поставлен очень широкий круг задач, одной из важнейшей среди которых являлась реализация олимпийской экономической программы, призванной полностью покрыть организационные расходы и хотя бы частично компенсировать капитальные затраты, связанные с проведением Игр [4, с. 12].

В структуре Оргкомитета «Олимпиада-80» направление коммерческой деятельности осуществлялось планово-финансовым управлением (1975-1977 гг.), позже переименованным в управление экономической программы (1978-1980 гг.). В 1979 г. из состава этого управления в отдельное подразделение было выделено управление билетной программы. Для эффективного выполнения поставленных задач данные структурные подразделения активно

взаимодействовали с международным управлением, хозяйственным управлением и управлением материально-технического обеспечения [2, с. 14]. Сотрудниками Оргкомитета «Олимпиада-80» были самым тщательным образом изучены финансово-экономические результаты предшествующих Игр, причем особое внимание было направлено на опыт Олимпиад в Мюнхене (1972 г.) и Монреале (1976 г.). Несмотря на декларирование советской стороной принципиальных различий между социалистической и капиталистической экономикой Оргкомитет «Олимпиада-80» использовал абсолютно те же внешнеэкономические источники олимпийских доходов, что и организаторы предшествующих Олимпийских игр в ФРГ и Канаде. Во всех этих случаях основными доходными статьями являлись: проведение олимпийских лотерей; продажа входных билетов на спортивные соревнования; реализация олимпийских сувениров, памятных монет и почтовых марок; плата за размещение рекламы и спонсорские взносы; продажа прав на осуществление телевизионной трансляции [4, с. 14; 7, с. 832].

Уже первые зарубежные поездки представителей Оргкомитета «Олимпиада-80» на международные мероприятия, проводимые под эгидой МОК, показали высокую заинтересованность в сотрудничестве со стороны западных компаний. Коммерческие предложения поступали как от флагманов международного бизнеса («*ABS*», «*Adidas AG*», «*Daimler-Benz AG*», «*Siemens AG*», «*Sony Co.*» и др.), так и от небольших компаний, рассчитывающих повысить свои доходы и увеличить узнаваемость бренда за счет статуса официального поставщика или спонсора Олимпиады [7, с. 103-104, 115-116]. Учитывая большое количество предложений от западных фирм, Оргкомитет «Олимпиада-80» своим специальным решением установил минимальный размер спонсорского взноса на уровне \$100 тыс., хотя для некоторых небольших фирм, производящих узкоспециализированную спортивную продукцию, было сделано исключение [12, л. 96].

Из-за отсутствия собственных представительств за рубежом и с целью снижения транзакционных издержек в иностранной валюте Оргкомитет активно передавал право реализации олимпийской продукции на международных рынках крупным иностранным агентам. Так, американская компания «*Occidental Petroleum Co.*» и французская компания «*Lazard Freres*» реализовывали за рубежом советские олимпийские монеты. Итальянская компания «*Bertoni S.R.L.*» получила эксклюзивное право распространять

на рынках западных стран олимпийскую сувенирную продукцию, американская компания «*Paramount International Coin Co.*» – олимпийские марки и почтовые конверты, канадская фирма «*F&M*» – олимпийские плакаты, а японской компания «*Sindzidaisy*» – анимационные фильмы на олимпийскую тематику. Каждая из этих компаний охватывала своей деятельностью по реализации олимпийской продукции более 20 стран мира [2, с. 529; 3, с. 52]. В большинстве случаев выбор партнеров осуществлялся на конкурентной основе с учетом выгоды их коммерческих предложений [см., например: 7, с. 279]. Однако также характерно активное сотрудничество с Оргкомитетом «Олимпиада-80» по непрофильному виду деятельности (реализация олимпийских монет) американской нефтяной компании «*Occidental Petroleum Co.*», президент которой Арманд Хаммер (*Armand Hammer*) имел опыт реализации бизнес-проектов в Советском Союзе ещё с 1920-х гг. [подробнее см.: 9, с. 67-69].

Интерес крупных американских, европейских и японских компаний к олимпийскому сотрудничеству с СССР, проявленный во второй половине 1970-х гг., во многом был связан с их стратегическими планами «прорыва» на советский рынок [3, с. 123]. В некоторых случаях такие ожидания действительно оправдывались. Например, именно в преддверии Олимпиады-80 транснациональная компания «*Adidas AG*», фактически сотрудничавшая со Спорткомитетом СССР ещё с 1960-х гг., подписала с советской стороной соглашение о размещении на территории Советского Союза производства лицензионной спортивной обуви с прогнозируемым объемом выпуска готовой продукции до 1 млн. пар в год [7, с. 344-346]. Однако успешность такого рода продвижения зависела не только от экономических, но и от политико-идеологических факторов. В этом контексте интересны примеры сотрудничества Оргкомитета «Олимпиада-80» с «*The Coca-Cola Co.*», «*PepsiCo Inc.*» и «*McDonald's Corporation*», товары и услуги которых в значительной степени ассоциировались с западным, нессоветским стилем жизни.

Поскольку XXII Олимпийские игры проводились в летнее время, особое значение приобрел вопрос обеспечения их участников и гостей прохладительными напитками. Во второй половине 1970-х гг. на заводах в Новороссийске и Евпатории по лицензии американской компании «*PepsiCo Inc.*» уже производился безалкогольный напиток «Пепси-Кола». В то же время продукция американской компании «*The Coca-Cola Co.*», которая с 1928 г. была официальным

спонсором всех Олимпийских игр, ещё не была представлена на советском рынке. Однако на основе заключенного с Оргкомитетом «Олимпиада-80» спонсорского контракта компания «*The Coca-Cola Co.*» в 1978-1979 гг. бесплатно предоставила советской стороне значительное количество своей готовой продукции (напитки «Кока-Кола» и «Фанта»), концентрата для производства этих напитков, а также специализированное торговое оборудование. На тот момент «*PepsiCo Inc.*» имело эксклюзивный контракт с Министерством внешней торговли СССР по распространению своей продукции в Советском Союзе. Однако Оргкомитет «Олимпиада-80» нашел убедительные юридические основания для своего активного сотрудничества с «*The Coca-Cola Co.*». Напитки этой торговой марки во время Олимпиады-80 распространялись только на территории олимпийских спортивных объектов, которые согласно международному законодательству на время проведения Игр получали экстерриториальный статус под эгидой МОК, то есть с формальной точки зрения временно не являлись территорией СССР. Однако параллельно спонсорский контракт был заключен и с «*PepsiCo Inc.*», которая получила возможность открыть фирменные торговые точки в Москве и других городах страны, где проводились отдельные соревнования олимпийской программы (Киев, Ленинград, Минск, Таллин), а также на автомобильных трассах Европейской части страны, через которые следовали иностранные автотуристы [3, с. 79-84]. В отчете о финансовых итогах Олимпиады-80 отмечалось, что общая сумма доходов от сотрудничества с «*The Coca-Cola Co.*» для СССР составила свыше \$16 млн., а от «*PepsiCo Inc.*» было получено \$2,5 млн. [7, с. 115, 424-425, 574, 576-577, 830]. Присутствие в олимпийской Москве брендов-лидеров мирового рынка безалкогольных напитков привлекло пристальное внимание западных журналистов и стало одним из наглядных свидетельств экономического прорыва «железного занавеса», разделявшего биполярный мир [см., например: 10].

Похожая стратегия ведения параллельных бизнес-переговоров с крупными компаниями-конкурентами («*ABC*», «*CBS*», «*NBC*») была применена советской стороной при продаже прав на телевизионную трансляцию Олимпиады-80 в США [7, с. 124-125]. Следует отметить, что к концу 1970-х гг. Оргкомитетом были заключены контракты о продаже прав на телетрансляцию XXII Олимпийских игр с крупнейшими телевизионными компаниями Северной

Америки, Европы, Японии, Австралии, а также с телеведущими союзами Африки и Латинской Америки. Однако впоследствии из-за бойкота Олимпиады-80 американская телевизионная компания «NBS» вынуждена была отказаться от трансляции Олимпиады-80 и приостановила выплаты по своему контракту с советской стороной [7, с. 307, 574-575, 590].

В то же время, активные переговоры Оргкомитета «Олимпиада-80» с транснациональной компанией «*McDonald's Corporation*» не привели к заключению каких-либо контрактов. По воспоминаниям заместителя председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» Владимира Ивановича Ковалева руководство этой компании неоднократно обращалось с предложением построить в Москве к лету 1980 г. три крупных ресторана быстрого питания, а также обеспечить их необходимой техникой и полуфабрикатами, обучить персонал и, кроме того, заплатить довольно крупный спонсорский взнос (\$1,5 млн.). Однако советская сторона, несмотря на очевидную выгоду таких условий, не пошла на заключение контракта с этой компанией из-за влияния консервативного лобби в высшем руководстве страны, которое увидело в этом опасность «протаскивания в страну пагубного западного образа жизни» [3, с. 84-86]. Самым активным противником заключения этого контракта называли первого секретаря Московского горкома КПСС В. В. Гришина [1]. По всей видимости, такое решение объяснялось не только консерватизмом советской номенклатуры и её желанием ограничить западное культурное влияние, но и опасением, что после появления ресторанов быстрого питания «*McDonald's*» в Москве граждане СССР смогут получить представление о лучшем качестве сервиса, нежели тот, который предлагали многие предприятия отечественного общепита.

Активное сотрудничество с западными компаниями стало своего рода испытанием для тех работников Оргкомитета «Олимпиада-80», которые курировали финансово-экономическую часть подготовки к Играм. В условиях существовавшей в СССР «экономики дефицита» многие из них не смогли избежать соблазна использовать приоритетность подготовки к Олимпиаде-80 и обилие деловых предложений от западных компаний в личных интересах. Проведенная в конце 1979 г. ревизия валютно-финансовой и хозяйственной деятельности Оргкомитета «Олимпиада-80» выявила многочисленные факты различного рода злоупотреблений, допущенных представителями этой организации. В частности,

полученная от западных спонсоров мебель, оборудование и даже автомобили безвозмездно передавалась различным советским предприятиям и учреждениям с явными нарушениями действующих правил. Выяснилось, что в ряде случаев работники Оргкомитета присваивали себе полученные от зарубежных партнеров ценные сувениры, в том числе изделия из драгоценных металлов. Кроме того, определенная часть этих сувениров передавалась должностным лицам других организаций в виде благодарности за помощь при решении вопросов личного характера. Также по собственному усмотрению руководство Оргкомитета «Олимпиада-80» распоряжалось большими партиями спортивной экипировки компании «*Adidas AG*» и прохладительных напитков компании «*The Coca-Cola Co.*», полученных в рамках спонсорских контрактов [7, с. 420-427]. Кроме того, судя по сохранившимся архивным документам, для нужд аппарата Оргкомитета «Олимпиада-80» за свободно конвертируемую валюту активно приобреталась мебель и различное неспортивное оборудование импортного производства [см., например: 13, л. 3-7].

Однако никто из работников Оргкомитета не понес серьезного наказания по фактам выявленных финансово-экономических злоупотреблений. По нашему мнению, это было связано с тесными личными контактами между Председателем Оргкомитета «Олимпиада-80» И. Т. Новиковым и Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Но помимо личных связей взаимодействие олимпийских функционеров и представителей высшего партийного руководства имело и вполне материальное измерение. Например, осенью 1980 г., перед ликвидацией Оргкомитета «Олимпиада-80», по специальному распоряжению И. Т. Новикова Управлению делами ЦК КПСС было безвозмездно передано 7 автобусов и 4 легковых автомобилей марки «*Mercedes-Benz*», полученных ранее в счет спонсорского взноса от западногерманской корпорации «*Daimler-Benz AG*» [7, с. 809].

Такие мегасобытия, как Олимпийские игры, традиционно привлекают в страну их проведения дополнительные потоки иностранных туристов, что приводит к увеличению валютных доходов организаторов. Генеральным агентом Оргкомитета «Олимпиада-80» по продаже олимпийских туров за рубежом, а также по реализации иностранным гражданам входных билетов на спортивные соревнования, стало ВАО «Интурист», которое через своих зарубежных партнеров осуществляло деятельность в этом направлении

на территории 78 стран мира [2, с. 442]. Если доходы от продажи олимпийских туров получало ВАО «Интурист» и его субагенты по обслуживанию на территории СССР, то выручка от реализации олимпийских билетов пополняла средства Оргкомитета «Олимпиада-80» (за исключением определенного процента отчислений в бюджет МОК).

Специальным постановлением Исполнительного бюро Оргкомитета «Олимпиада-80» была установлена квота на продажу иностранным туристам билетов на олимпийские соревнования в размере 30%, которая для наиболее популярных видов спорта (баскетбол, бокс, гимнастика, легкая атлетика, футбол) была увеличена до 35-40% [7, с. 477]. Всего иностранным гражданам было продано свыше 1,3 млн. входных билетов на спортивные соревнования олимпийской программы [2, с. 529; 17, л. 3]. При этом партнеры из ведущих капиталистических стран, спортсмены которых впоследствии бойкотировали Олимпиаду-80 или выступали на них под флагом МОК, к началу бойкота уже выкупили и оплатили большую часть выделенных им по квоте олимпийских билетов. Так, в США было реализовано 192,8 тыс. билетов (88% от выделенной квоты), в ФРГ – 91,7 тыс. билетов (58%), в Канаде – 42,2 тыс. билетов (97%), в Японии – 38,5 тыс. билетов (100%) [2, с. 531]. Несмотря на то, что спортсмены этих государств вообще не приняли участие в Играх, а большинство приобретенных их гражданами олимпийских туров в СССР было аннулировано, деньги за эти билеты не были возвращены советской стороной. Это позволило значительно снизить убытки от отмены посещения спортивных мероприятий иностранными туристами. Интересно, что после начала бойкота Олимпиады-80 советская сторона рассчитывала использовать своих крупных западных бизнес-партнеров для оказания влияния на политическую позицию правительств США и ФРГ, однако никаких положительных результатов в этом направлении не было достигнуто [см., например: 7, с. 551, 574-575]. 28 марта 1980 г. правительство США ввело ограничение на поставку товаров и перевод средств, предназначенных для Оргкомитета «Олимпиада-80», что негативно отразилось на выполнении заключительного этапа экономической программы XXII Олимпийских игр [7, с. 831].

Первоначально планировалось прибытие на XXII Олимпийские игры около 300 тыс. иностранных туристов, из которых 65-70% должны были представлять капиталистические страны [15, л. 18]. Однако согласно данным официального отчета Оргкомитета

«Олимпиада-80» непосредственно за дни её проведения в 5 олимпийских городах СССР побывало около 211,3 тыс. интуристов. Из них Москву посетило 133,6 тыс., Ленинград – 39,8 тыс., Киев – 24,2 тыс., Минск – 10,9 тыс. и Таллин – 2,8 тыс. иностранных туристов [11, л. 130-131]. При этом большинство из них составляли вояжеры из социалистических стран, удельный вес которых вместо запланированных ранее 30-35% составил более 65% олимпийского туристского потока в СССР из-за рубежа [16, л. 146-147].

Неблагоприятный общественно-политический фон «холодной войны» оказывал влияние и на другие аспекты международных экономических связей СССР в период подготовки к XXII Олимпийским играм. В документах Оргкомитета «Олимпиада-80» неоднократно говорилось о намерении обеспечить олимпийские потребности преимущественно за счет внутренних ресурсов страны и экспорта из социалистических стран [7, с. 188-189; 14, л. 62-64]. В политическом контексте это могло бы продемонстрировать всему миру самодостаточность «социалистического лагеря», а с экономической точки зрения способствовало бы сокращению расходов в свободно конвертируемой валюте. Однако на практике такая стратегия показала свою полную несостоятельность. Например, ни одна из социалистических стран не смогла обеспечить олимпийские поставки в СССР растворимого кофе и черного молотого перца в мелкой расфасовке, из-за чего эти товары пришлось импортировать из Финляндии [7, с. 384-385]. В общем списке официальных поставщиков и спонсоров Олимпиады-80, который включал 103 зарубежные компании, лишь 14 компаний представляли социалистические страны. Приведенная ниже таблица 1 показывает, что важнейшими зарубежными партнерами Оргкомитета «Олимпиада-80» были фирмы тех стран, спортсмены которых из-за антисоветского бойкота вообще не прислали свои спортивные команды в СССР (США, ФРГ, Япония, Канада) или же спортсмены которых выступали под флагом МОК.

Таблиця 1.

Результаты участия стран мира в экономической и спортивной программе Олимпиады-80 [Подсчитано по: 2, с. 526-529, 531; 7, с. 799-800]

Страна	Кол-во фирм – официальных поставщиков и спонсоров Олимпиады-80	Кол-во олимпийских медалей на Олимпиаде-80
1. Капиталистические страны		
ФРГ	21	Не принимала участия
Япония	12	Не принимала участия
Финляндия	10	8
США	8	Не принимали участия
Франция*	8	16
Швейцария*	7	2
Италия*	6	15
Великобритания*	5	21
Австрия	2	4
Бельгия*	2	1
Нидерланды*	2	3
Дания*	1	5
Испания*	1	6
Канада	1	Не принимала участия
Итого кап. страны	86 (83,5%)	81 (23,8%)
2. Социалистические страны		
ГДР	4	126
Польша	3	32
Венгрия	3	32
Чехословакия	2	14
Болгария	1	41
Югославия	1	9
Итого соц. страны	14 (13,6%)	254 (74,7%)
3. Развивающиеся страны		
Бразилия	1	4
Индия	1	1
Шри-Ланка	1	-
Итого развивающ. страны	3 (2,9%)	5 (1,5%)
ВСЕГО	103 (100,0%)	340 (100,0%)**

* Страны, спортивные команды которых выступали на Олимпиаде-80 под флагом МОК.

** Указано только общее количество олимпийских медалей, завоеванное спортсменами перечисленных в таблице стран, без учета СССР и тех иностранных государств, компании которых не были партнерами Оргкомитета «Олимпиада-80».

На основании приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что спортивная программа Олимпиады-80 испытала на себе сильнейшее влияние политических факторов (бойкот Игр как реакция на ввод советских войск в Афганистан), в то время как её экономическая программа оказалась гораздо более рациональной и дистанцированной от биполярного противостояния эпохи «холодной войны». Несмотря на то, что спортсмены только двух развитых капиталистических стран (Австрия и Финляндия) приняли полноценное участие в XXII Олимпийских играх под национальными флагами, представители бизнес-кругов капиталистического мира самым активным образом участвовали в коммерческом сотрудничестве с Оргкомитетом «Олимпиада-80». В то же время, несмотря на триумфальные выступления спортивных команд социалистических стран, их национальные производители оказались малоинтересными партнерами для олимпийского сотрудничества, несмотря на лояльное отношение к ним со стороны СССР.

Получив значительные валютные поступления от сотрудничества с западными партнерами, Оргкомитет «Олимпиада-80» столкнулся с острой необходимостью осуществлять закупки за рубежом оборудования, материалов и различных товаров, необходимых для успешного проведения Игр. В советской литературе масштабы олимпийского импорта СССР сознательно преуменьшались. Так, в издании «СССР: 100 вопросов и ответов» сообщалось: «Организаторы Олимпиады с самого начала ориентировались в первую очередь на возможности советской промышленности, которая обеспечила три четверти всех олимпийских потребностей. Одну пятую необходимого для проведения Олимпиады взяли на коммерческих условиях другие социалистические страны и только 4–5% удовлетворялись за счет закупок в странах Запада – в основном в связи с необходимостью иметь традиционное для Олимпийских игр стандартное оборудование» [8, с. 91-92]. В качестве примеров такого специализированного импорта приводилась информация о французских гимнастических матах, польских катамаранах, итальянских велотренажерах [6, с. 138]. Однако на самом деле перечень олимпийских поставок был гораздо шире. Он включал, например, копировальную технику и барное оборудование, жевательную резинку, жидкое мыло, фольгу, бумагу и почтовые конверты [2, с. 528-529]. Парадоксально, но Советский Союз, являвшийся космической и ядерной сверхдержавой, не

смог за 5 лет олимпийской подготовки наладить достаточное по объемам производство одноразовой пластиковой посуды, необходимой для организации питания участников и гостей XXII Игр. Большую часть такой посуды пришлось закупить в Финляндии за свободно конвертируемую валюту [7, с. 373-374]. Из этой же капиталистической страны было импортировано значительное количество мелко расфасованных молочных продуктов (сливочного масла, сливок, йогурта), соков, колбасной и сырной нарезки в вакуумной упаковке, а также горчицы и кетчупа [7, с. 385; 11, л. 136]. В совместном отчете Оргкомитета «Олимпиада-80» и Министерства финансов СССР, имевшем гриф «Секретно», сообщалось, что «в ходе подготовки к Играм выявилась необходимость в закупке за рубежом некоторых товаров народного потребления и оплаты услуг на сумму 76 млн. руб.» [7, с. 829].

Говоря обобщих итогах коммерческой деятельности Оргкомитета «Олимпиада-80» можно с сожалением констатировать, что в отчетных финансово-экономических документах этой организации чаще всего давалась лишь общая сумма доходов по той или иной статье без уточнения, какая их часть получена из зарубежных, а какая – из внутренних источников. Сводные показатели по доходной части экономической программы представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Основные показатели выполнения финансово-экономической программы Оргкомитета «Олимпиада-80» [7, с. 832]

№№ пп	Наименование проекта	Поступления (млн. руб.)
1.	Лотерея «Спортлото»	140,8
2.	Лотерея «Спринт» и «Международное спортлото»	368,0
3.	Коммерческо-лицензионная работа в СССР и за рубежом	398,5
4.	Продажа прав на телевизионную трансляцию	55,7
5.	Официальные поставщики и спонсоры	7,8
6.	Марки и другая филателистическая продукция	6,2
7.	Продажа билетов на Игры	20,2
8.	Взносы участников	3,1
9.	Прочие доходы (издательская деятельность, страхование, реализация материальных ценностей)	4,2
10.	Материальные ценности, полученные от иностранных фирм	9,4
11.	Ожидаемые доходы в 1981 г. (коммерческо-лицензионная деятельность, продажа марок, задолженность от телевизионных компаний и др.)	50,1
	ВСЕГО	1064,0

Таким образом, к чисто внутренним источникам финансирования Олимпиады-80 можно отнести лишь пункт № 1 экономической программы (лотерея «Спортлото»), который обеспечил около 13,2% всех поступлений. Полностью из зарубежных источников были получены средства по пунктам №№ 4, 5, 8, 10 экономической программы (78 млн. руб. или 7,3% от общего объема программы). Что же касается доходов по пунктам №№ 2, 3, 6, 7, 9, 11, то они составляли 847 млн. руб. или 79,5% от всех поступлений и разделить эти средства на внутреннюю и внешнюю составляющую на основе имеющихся в нашем распоряжении источников не представляется возможным.

«Олимпийский казначей» В. И. Коваль в своих мемуарах очень высоко оценил эффективность реализации экономической программы Оргкомитета «Олимпиада-80» [3, с. 161]. Согласно итоговому финансово-экономическому отчету общая сумма полученных доходов Оргкомитета «Олимпиада-80» составила более 1 млрд. руб. (см. таблицу 2), что на 763 млн. руб. превысило расходы этой организации. Однако в этом же документе уточнялось, что общая сумма затрат на подготовку и проведение XXII Олимпийских игр в СССР, с учетом расходов других организаций, составила свыше 1,9 млрд. руб. [7, с. 829-833]. Оценивая экономические итоги Олимпиады-80, также следует учитывать, что привлечение значительных финансовых ресурсов из-за рубежа было во многом обусловлено монопольным использованием Советским Союзом хорошо «раскрученного» олимпийского бренда. Для советских функционеров, привыкших играть роль распорядителей в условиях т.н. «экономики дефицита» [5, с. 13], такая позиция была наиболее благоприятной. Именно исключительное право на использование бренда Олимпиады-80 позволяло представителям Оргкомитета так уверенно чувствовать себя на переговорах с «зубастыми капиталистическими акулами» в лице топ-менеджеров крупных западных компаний и использовать возможность «решающего слова» при заключении коммерческих сделок. Серьезным испытанием, способным пошатнуть такую выгодную бизнес-позицию, стал бойкот Олимпиады-80 рядом ведущих мировых держав. Однако поскольку к моменту начала бойкота (январь-март 1980 г.) основные коммерческие контракты между СССР и бойкотирующими странами во главе с США уже были юридически оформлены и в значительной мере реализованы, то основные финансовые потери понесли западные бизнес-партнеры, а не

советская сторона. С другой стороны, во время подготовки и проведения такого масштабного мегасобытия Советский Союз не смог проигнорировать бизнес-предложения западных компаний, большинство из которых было успешно реализовано, несмотря на неблагоприятный общественно-политический фон, связанный с активизацией межблокового противостояния после ввода советских войск в Афганистан.

В целом следует отметить, что международное сотрудничество Оргкомитета «Олимпиада-80» стало для советской стороны своеобразной репетицией, школой ведения бизнес-переговоров с иностранными партнерами из капиталистических стран, в которых прагматический подход все же победил политическую конъюнктуру «холодной войны». Однако проявившиеся ещё во второй половине 1970-х гг. отдельные негативные аспекты этого сотрудничества со стороны СССР, такие как коррупция, кумовство и волонтаристский способ принятия отдельных решений до сих пор наблюдаются в предпринимательской деятельности на постсоветском пространстве.

Примечания

1. Жегулев И. Москва сказала «а». Где Советский Союз добывал деньги на Олимпиаду 1980 // Ведомости. – 2007. – 23 июля.
2. Игры XXII Олимпиады. Официальный отчет Организационного комитета Игр XXII Олимпиады. – Т.2. Подготовка и проведение. – М., 1981. – 533 с.
3. Коваль В.И. Записки олимпийского казначея. 2-е изд. – М., 2010. – 180 с.
4. Коваль В.И. Олимпиада-80 (Экономический аспект). – М., 1978. – 48 с.
5. Корнац Я. Дефицит. – М.: Наука, 1990. – 607 с.
6. Московская олимпиада в цифрах и фактах / сост. Б.Н. Хавин. – М., 1982. – 159 с.
7. Пять колец под кремлевскими звездами: Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве. – М., 2011. – 944 с.
8. СССР: 100 вопросов и ответов. – М., 1980. – 126 с.
9. Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920-1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. – М., 2013. – 320 с.
10. Vetten H. Die Simssitzer und Pepsi // Der Spiegel. – 1980. – № 31.

11. ГАРФ. – Ф. Р-9610. – Оп. 1. – Д. 677.

12. Там же. – Д. 678.

13. Там же. – Оп. 3. – Д. 5.

14. Там же. – Д. 15.

15. Там же. – Ф. Р-9612. – Оп. 3. – Д. 1357.

16. Там же. – Д. 1450.

17. Там же. – Д. 1476.

Попов, Олексій Репетиція капіталізму?: міжнародна комерційна діяльність Оргкомітету «Олімпіада-80» (1975-1980 рр.). В статті розглянуто основні напрями та результати діяльності Організаційного комітету «Олімпіада-80» щодо залучення зарубіжного фінансування XXII Літніх Олімпійських ігор у СРСР. Зроблена спроба визначити особливості «радянського стилю» вирішення конкретних бізнес-завдань, а також оцінити його ефективність у міжнародному контексті.

Ключові слова: міжнародні економічні зв'язки, переговори, спонсорство, бізнес-історія, Олімпіада-80, СРСР.

Popov, Aleksey Rehearsal of capitalism?: international commercial activity of the Organizing Committee of «Olympiad-80» (1975-1980). The paper presents a research of basic directions and results of activity of the Organizing committee «Olympiad-80» intended for bringing of the foreign financing in the XXII Summer Olympic Games in the USSR. The author tries to define special features of «the soviet style» in solving certain business-tasks, and also to estimate its efficiency in an international context.

Keywords: international economic ties, negotiations, sponsorship, business-history, Olympiad-80, the USSR.

УДК 94(477.54)«1921/1929»:334.772

Підприємницькі ризики у сфері торгівлі в Харкові в роки непу

Ірина Скубій

У статті розглядаються підприємницькі ризики у сфері торгівлі в Харкові в роки непу. Зроблено спробу серед усіх поширених ризиків дослідити переоподаткування, практику стягнення адміністративних штрафів та інші прояви політики місцевих органів влади. Встановлено, що існуючі економічні умови негативним чином впливали на розвиток ринку та торговельного підприємництва.

Ключові слова: торгівля, підприємництво, ризик, непу, Харків.

Визначення «підприємництво» передбачає здійснення діяльності на свій ризик, тому теоретично підприємництво можна пов'язувати з невизначеністю і нестійкістю, існуванням можливостей неотримання прибутку [3, с. 16]. З цього випливає, що сутність підприємницької діяльності завжди передбачає наявність ризиків. Українські дослідники вважають, що в сучасних суспільно-економічних умовах основні фактори, які викликають їхню появу такі: економічна криза; криміналізація підприємництва; інфляційні процеси; недобросовісна конкуренція; постійні зміни податкового законодавства; корумпованість апарату чиновників тощо [3, с. 16]. Нестабільність ринкового середовища в роки непу була пов'язана з радикальною зміною економічного курсу країни, негативним ставленням радянської влади до підприємництва, що зумовлювало існування ризиків для ведення підприємницької діяльності. Мова йде про комерційний ризик, який є ринковим явищем і обумовлений можливістю існування або появи несприятливих майнових наслідків діяльності підприємця [3, с. 16], у конкретному випадку торговця. Тому очевидно, що спираючись на існуючі теоретичні засади, можна дослідити підприємницькі ризики у сфері торгівлі в Харкові в роки непу. Крім того, актуалізуючи вибір теми даного дослідження, слід звернутися до авторитету зарубіжних дослідників, які вже мають багаторічний цінний досвід дослідженні бізнес-історії [17–22]. Очевидно, що також слід врахо-

© Скубій І., 2014

увати існуючу тенденцію у розвитку економічної історії, яка все більше схиляється до вивчення історії бізнесу, підприємництва як в цілому, так і безпосередньо займається дослідженням особливостей розвитку відомих світових корпорацій, ділового співробітництва між країнами тощо [15].

Вивченням питань розвитку торговельного підприємництва в роки непу займалися як українські, так і закордонні [4; 11; 17] науковці. Серед вітчизняних дослідників такої тематики Ю. П. Волосник [1; 2], І. В. Щербина [16], О. О. Сушко [13], М. Ю. Онацький [10]. Історик Ю. П. Волосник у своїх працях дійшов до висновку, що процес ліквідації приватного підприємництва в торгівлі України наприкінці 1920-х років був пов'язаний з заходами обмежувального та заборонного характеру, які застосовувала держава [1; 2]. Очевидно, що такі її дії стримували і підприємницьку активність непманів. Закордонні науковці І. Б. Орлов [11], О. В. Демчик [4], Алан Болл (Ball M. Allan) [17] також приділяють велику увагу дослідженню підприємництва в роки непу. У контексті ж вивчення історії торгівлі Харкова в роки непу особливий інтерес може становити виявлення підприємницьких ризиків, з якими змушені були мати справу торговці столичного міста.

Залучення напрацювань з галузі бізнес-історії та управління (management studies) дозволяє розкрити такі питання, як вплив зовнішнього середовища на підприємницьку діяльність у торговельній сфері. Застосування та введення в контекст даної проблематики поняття «ризик» дає можливість розглядати її крізь призму економічної теорії, що формує прикладний характер такого дослідження. Тобто запропонований підхід передбачає деталізоване вивчення того зовнішнього середовища, в якому перебував торговець в 1920-ті роки. На необхідності розширення зв'язків між дослідниками бізнес-історії та теоретиками менеджменту наполягають і сучасні американські науковці, стверджуючи, що використання здобутків економічних досліджень допомагає краще досліджувати бізнес-історію та дозволяє залучати великий арсенал їхніх інструментів [23, р. 778]. У своїх роботах вони спираються на досвід науковця та теоретика бізнес-історії Альфреда Чандлера (Alfred D. Chandler) [18–20], котрий був одним із перших, хто звернув увагу на необхідність об'єднання зусиль представників обох напрямів. Закордонні науковці стверджують, що надання більшої уваги економічній теорії може вирішити два завдання у вивченні бізнес-історії: 1) допомогти попередити перехід від

розчленування до антикваризації досліджень, сфокусувавши їх на вивченні приватного підприємництва, фірм та індустрії; 2) відсортувати випадкові елементи в їхніх роботах [22, р. 55]. Тому, користуючись цим підходом, спробуємо визначити якими були умови зовнішнього середовища для розвитку торговельних підприємств в Харкові в роки непу. Сучасні українські дослідники стратегічного менеджменту [12] акцентують свою увагу на умовах нестабільного ринкового середовища, в яких змушені функціонувати підприємства. Не можна не погодитися з думкою українського економіста М. І. Белявцева, що «зовнішнє середовище є, з одного боку, джерелом, яке живить фірму ресурсами, необхідними для підтримки її внутрішнього потенціалу на належному рівні, а з другого — джерелом, яке поглинає результати діяльності фірми, забезпечуючи тим самим можливість її виживання... Загрози з боку навколишнього бізнес-середовища — це негативний вплив якихось тенденцій або несприятливий розвиток подій, які у разі відсутності захисних маркетингових заходів призводять до зменшення обсягів продажу і зниження прибутків фірми» [9, с. 140].

Джерельна база дослідження включає опубліковані та неопубліковані матеріали. У роботі були використані неопубліковані документи з фондів Державного архіву Харківської області (Харківського губернського виконавчого комітету (ф. р. 203), Харківської міської ради (ф. р. 408), фінансового відділу губернського виконавчого комітету (ф. р. 823)), а також Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України (Народного комісаріату внутрішньої торгівлі УРСР (ф. 423)). З-поміж залучених є документи центральних та місцевих органів влади з питань регулювання торгівлі, а також матеріали, які визначають особливості підприємницької діяльності торговців Харкова (наприклад, заяви власників крамниць, анонімні повідомлення тощо) і дають характеристику повсякденним труднощам власників торговельних закладів міста. У дослідженні також використані матеріали періодики 1920-х років [7].

Нова економічна політика відкрила можливості для розвитку торгівлі, яка стала основним видом підприємництва для більшої частини представників бізнесу 1920-х років або тогочасних непманів. Торгівля була і є однією із найбільш динамічних галузей господарства, завдяки чому власниками торговельних закладів і забезпечується отримання прибутку в короткий термін. У роки непу вона стала як індикатором, так і каталізатором змін, які відбувалися

в радянській економіці. У свою чергу торгівля завдячувала своєму відновленню переходу до нового економічного курсу. Протягом досліджуваного періоду було запроваджено продовольчий податок, введено господарський розрахунок, проведено грошову реформу, створено розгалужену ринкову інфраструктуру [8], яка включала ринки та базари, ярмарки, біржі тощо. Варто звернути увагу на те, що за таких умов спостерігалися нові тенденції, по-перше, в політиці влади щодо торгівлі, по-друге, безпосередньо в структурі самої торгівлі і, по-третє, в бізнесових практиках її ведення. Торговельне підприємство в роки непу пройшло у своєму розвитку кілька етапів, які пов'язуються з періодом його становлення, найбільшого розквіту, згортання і ліквідації. Здавалося б, що з-поміж всього радянського періоду вітчизняної історії саме роки нової економічної політики були найбільш сприятливими для розвитку підприємницької ініціативи, втім ділова активність торговців наштовхнулася на чималу кількість перешкод на своєму шляху, дослідження яких і є метою даної роботи. Серед усіх поширених в 1920-ті роки численних загроз бізнес-середовища у сфері торгівлі розглядаються такі: високі ставки оподаткування, практика стягнення обов'язкових державних позик, велика кількість різних адміністративних податків та штрафів, втручання органів влади в роботу торговельних закладів.

Підприємницька діяльність торговців хоча і була фактично легалізована рішеннями X з'їзду РКП(б) у березні 1921 р., все ж в перші дні нового курсу зустріла опір різних органів влади та частини партійних діячів, погляди яких не завжди співпадали з офіційним курсом. У таких несприятливих умовах зовнішнього середовища відкривали свої торговельні заклади й харківські торговці. 4–8 грудня 1921 р. відбувся Харківський губернський з'їзд Рад, під час якого у своїй промові Г. Петровський, голова ВУЦВК, зауважив: «Ви знаєте, чим викликана ця нова економічна політика, що вона не є постійною, що вона не має мучити нас. Вона являється тимчасовим заходом, який має підняти ті сили, які захотіли б чесно і вдячно працювати в нашому радянському суспільстві, і оскільки вони прагнуть заробити, ми комуністи маємо відповідно до цих умов не дати їм захлеснути нас» [5, ф. 203, оп. 1, спр. 393, арк. 12]. Як видно, наміри влади були спрямовані на забезпечення контролю за торговцями та промисловцями, діяльність яких стала можливою в умовах нового економічного курсу.

У грудні 1922 р. Народним комісаріатом фінансів РСФРР був надісланий таємний лист всім народним комісаріатам республік та губернським фінансовим відділам, відповідно до якого передбачалося створити «диференційовані ставки оподаткування промисловим податком дрібних торгівельних підприємств... таким чином, щоб для торговців було не вигідно збільшення їхнього обігу» [5, ф. 203, оп. 4, спр. 8, арк. 11]. Така державна політика викликала занепокоєння і хвилювання серед приватників. Один із торговців Благівіщенського ринку розмірковував так: «Якщо звернутися до загальної кількості товарів, які мають бути продані окремими секціями за півріччя, то буде отримана настільки неймовірна цифра, яка часом перебільшує кількість, яку взагалі весь Харків зі своїми ринками і центральною торговельною частиною здатний продати» [14, ф. 423, оп. 1, спр. 165, арк. 41]. Очевидно, що зрівняльний податок був надто завищеним, оскільки він розраховувався на основі перебільшених показників обігу торговця. В цілому, харківський приватний торговець сплачував зрівняльного та прибуткового податку в розмірі відповідно 16,4% та 5,1% від усіх витрат [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1644, арк. 7 – 7 зв.]. Отже, засилля різних податків, яке супроводжувало приватного торговця, викликало збільшення підприємницьких ризиків, їхня діяльність ускладнювалася та унеможливилася, а ведення підприємницької діяльності в умовах такого ринкового середовища, існування нестабільного оподаткування та пов'язаних з цим незапланованих ризиків призводило до скорочення прибутків.

Ще одним із факторів, який впливав на розвиток підприємства, було існування системи адміністративних штрафів, які стягувалися за порушення правил торгівлі: антисанітарне утримання торговельних місць, рання або пізня торгівля, нетаврування мір та терезів, продаж неякісних продуктів, торгівля у святковий день, безпатентна торгівля, торгівля в неналежному місці тощо [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1248, арк. 1 – 142]. Протягом першої половини 1923 р. кількість підприємців-порушників зросла більш, ніж у тричі: у січні – 128, у лютому – 261, у березні – 270, у квітні – 187, у травні – 231, у червні – 259, у липні – 493 [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1248, арк. 142]. Торговці притягалися до адміністративної відповідальності і сплачували штрафи у розмірі від 50 до 500 крб. Тобто, над підприємцями висів «дамоклів меч», за допомогою якого влада намагалася тримати їх під своїм контролем. Широке застосування таких заходів стало одним із факторів ризику, пов'язаного з незапланованими витратами. За таких обставин зовнішнє середовище фактично

стало джерелом поглинання значної частини прибутку від підприємницької діяльності власників торговельних закладів.

У наступні роки попри велику інтенсивність розвитку торговельної мережі саме зовнішні умови стимулювали її часткове згорання. Типовим явищем для початку 1920-х років були облави, які влаштовувалися фінансовими відділами спільно з органами міської міліції та за сприяння ДПУ. Метою таких заходів було виявлення безпатентних торговців, але, очевидно, що від таких «рішучих» дій органів влади зазнавали тиску й більшість законослухняних підприємців. Так, 4 січня 1923 р. Харківським губернським фінансовим відділом була організована облава на безпатентних м'ясоторговців та торговців худобою, в якій приймали участь 4 кінних та 4 піших співробітники органів міліції. У таємному листі до губміліції та ДПУ керівництво губфінвідділу передбачало, що діяльність облави буде тривати впродовж всього дня, у тому числі передбачався й можливий арешт худоби за рахунок сплати необхідних промислових патентів [5, ф. 823, оп. 4, спр. 6, арк. 1].

Лише протягом квітня 1923 р. кількість торговельних підприємств, розташованих на території Благівіщенського ринку скоротилася на 20%. Торговельний комітет ринку визначив такі причини цих тенденцій: 1) завеликі ставки орендної плати; 2) високі ставки зрівняльного та прибуткового податку; 3) обов'язкові витрати на промислову міліцію, охорону; 4) внески для ліквідації голоду; 5) високі ставки комунальних послуг для торговців, як нетрудових елементів [14, ф. 423, оп. 1, спр. 165, арк. 21 – 22].

Серед поширених ризиків, з якими змушені були мати справу не лише місцеві торговці, були сплата обов'язкових внесків та зборів на користь держави: придбання державних позик, збори для комісії допомоги дітям (рос. мовою – «Помдет»), передплата різних офіційних видань. 9 січня 1924 р. відбулося спільне засідання губернської комісії допомоги дітям та ринкових комітетів Харкова, під час якого було прийнято рішення зобов'язати ринкові комітети Благівіщенського та Рибного базарів надати список усіх торговців, створити комісію та організувати сплату зборів у загальному розмірі не менше 15 тис. крб. зол. щомісячно [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1641, арк. 65]. У такий спосіб «добровільно-примусова» допомога для дітей перетворювалася на ще один різновид податку з приватних торговців та додатково збільшувала кількість їхніх ризиків.

Наприкінці 1924 р. стали явними зміни в державній торговельній політиці – закінчився відпуск приватним торговцям найбільш дефі-

цитних товарів та було обмежено банківське кредитування. Місцеві органи влади, отримавши право встановлювати податки і збори, намагалися «дооподаткувати» приватного торговця. Наприклад, вже згадувана комісія допомоги дітям розробила спеціальний проект встановлення додаткового збору у свій фонд за пізню торгівлю з ресторанів, кафе та пивницях: з підприємств 3 розряду – 15 крб., 4 розряду – 30 крб., 5 розряду – 45 крб. [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1761, арк. 116].

Звичною практикою для Харківського губерньського фінансового відділу були і різні стягнення з приватників під виглядом державної позики. Так, під час сплати патенту на право заняття особистим промислом кожен громадянин був зобов'язаний купити 3 облігації державної золотої позики. У свою чергу відсутність будь-яких юридично завірених документів щодо таких операцій з державними паперами створювала умови й для зловживань з боку працівників фінансового відділу. Відомі випадки, коли власникам таких облігацій не були надані відповідні документи та не були повідомлені номери, які б підтверджували законність їхньої приналежності [5, ф. 823, оп. 4, спр. 6, арк. 134].

4 вересня 1924 р. Харківський губерньський виконавчий комітет видав постанову, яка зобов'язувала всі державні установи, кооперативні товариства та приватні торговельні і промислові підприємства, за виключенням дрібних торговельних підприємств (I та II розрядів), передплачувати «Збірник узаконень і розпоряджень робітничо-селянського уряду України». Для контролю за реалізацією цього рішення було передбачено притягнення винних до 107 статті Кримінального кодексу, сплаті штрафу у розмірі 300 крб. або арешту до 3 місяців чи примусовим роботам [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1588, арк. 217]. За таких обставин приватні торговці міста були поставлені владою перед необхідністю обов'язково передплачувати офіційні видання, що стало також ще одним фактором ризику в їхній підприємницькій діяльності, оскільки такі витрати ними не були передбачені.

Фактично ж, протиріччя нового економічного курсу полягало в тому, що в період розквіту нової економічної політики, для якого була характерна свобода підприємницької діяльності, підприємці змушені були стримувати дедалі потужніший тиск влади. Цілком очевидно, що існування практики таких відшкодувань та стягнень на користь держави негативно впливало на розвиток бізнесової активності торговців.

Несприятливі умови підприємницького середовища, до речі, визнавалися і самою владою, тому в перші роки непу можна було ще говорити про існування контролю за діяльністю фіскальних органів. Так, у квітні 1924 р. з губерньського фінансового відділу було звільнено з посади фінансового інспектора 19-го району Андіянова через те, що, крім стягнення з харківських торговців необхідних штрафів за безпатентну торгівлю, він запропонував їм вибрати патенти невідповідного для них розряду. За інформацією керівництва губфінвідділу він «виявляв упередженість у своїх діях стосовно гр. гр. Берлізова та Сукачова, яка відобразилася у нанесенні збитків народній скарбниці» [5, ф. 823, оп. 4, спр. 6, арк. 114]. Не викликає сумніву, що зловживання службовим становищем працівниками фіскальних органів і стягнення ними завищених норм податків не сприяли розвитку торговельної справи, а навпаки її гальмували і ставали перешкодою для ведення успішної підприємницької діяльності.

Типовим явищем для років непу було також і хабарництво податкових інспекторів, яке у свою чергу викликало незаплановані витрати для підприємця та позбавляло його впевненості у своїй фінансовій стабільності в подальшому. Проблема корупції набула по-справжньому загрозливих масштабів. Про це свідчить те, що боротьбою з нею займалася ціла система різних органів влади, у тому числі органи державної безпеки, внутрішніх справ (карний розшук, міліція тощо), державного контролю (Народний Комісаріат Робітничо-селянської Інспекції) та юстиції (Народний Комісаріат Юстиції, суди, трибунали тощо) [6, с. 15 – 16]. У зв'язку з цим варто навести приклад анонімного повідомлення, що надійшло в комісію боротьби з хабарництвом у лютому 1923 р. У ньому автор вказує «на зловживання на Благбазі [Благовіщенському базарі], які чинить гр. Зінов'єв, ..., нині податковий інспектор, який бере хабарі направо і наліво» [5, ф. 203, оп. 1, спр. 974, арк. 10]. Такий випадок свідчить про існування підприємницького ризику для власника торговельного закладу, який був залежним не лише від величини податкових ставок, але й від професійної компетентності та моральних якостей працівників фінансового відділу.

Несприятливою для розвитку торгівлі міста була і постанова від 13 вересня 1924 р., якою передбачалося стягнення з «нетрудових елементів» цільового податку з житлової площі, яку вони займали. Під поняттям «нетрудові елементи» малися на увазі платники прибутково-майнового податку та всі особи, які знаходилися

на їхньому утриманні. Так, власники торгівельних підприємств першого розряду Харкова відтоді мали сплачувати 50 коп. з кожного квадратного сажню* житлової площі щомісячно, другого – 1 крб. 50 коп., третього – 2 крб. 50 коп. і т. д [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1588, арк. 234]. Навіть звичайний лоточник ринку, рід занять якого був приводом вважати його непманом, у вирішенні житлового питання був поставлений в особливо жорсткі умови, що змушувало його «сплачувати під загрозою виселення стільки, скільки накаже комендант» [14, ф. 423, оп. 1, спр. 165, арк. 21 – 22].

Нестабільність ринкового середовища для приватників була обумовлена також і тією обставиною, що свої торговельні площі вони брали в оренду. Навіть за умови стабільної і своєчасної сплати орендної плати власник магазину не міг бути абсолютно впевненим у тому, що і далі він матиме можливість займати конкретне приміщення. Тому вже з початку курсу на згортання приватної торгівлі випадки нібито «законного» виселення торговців із зайнятих ними крамниць стали непоодинокими. Особливо такі тенденції стали характерними для другої половини 1920-х років, коли в умовах швидкого розвитку кооперативної мережі постало питання пошуку для неї нових торговельних приміщень. Державні та кооперативні торговельні органи розглядали різні можливості відкриття кооперативних крамниць, шукали місця та пристосовані приміщення, де можна було б їх відкрити. Так, 24 червня 1927 р. у торговельно-кооперативній секції Харкова було заслухано «заяву тов. Дікмана про те, чи можна приміщення, які займає приватник Осіпов – на Павлівській площі – передати для такої ж торгівлі ХЦРК» [5, ф. 408, оп. 4, спр. 488, арк. 6]. Наступним етапом було проведення обстеження комісією магазину згаданого приватника. Два місяці по тому, 26 серпня, секція, заслухавши акт, ухвалила таке рішення: «З огляду на те, що кафе-кондитерська гр. Осіпова знаходиться в антисанітарних умовах, зачинити і передати ХЦРК» [5, ф. 408, оп. 4, спр. 488, арк. 18]. У такий спосіб органи влади проводили адміністративні дії, які, хоча й реалізовувалися в межах законодавства, насправді мали на меті закриття закладів торгівлі та згортання приватної мережі.

Не менш суттєвим для торговця 1920-х років була проблема витрат на ведення підприємницької діяльності. Торговці часто нарікали, що вони були занадто великими, що висвітлювалося і в радянській періодиці. У листопаді 1928 р. у виданні «Радянська торгівля»

* Сажень – міра довжина, яка діяла в СРСР до 1924 р., 1 сажень=2,1336 м.

Народних комісаріатів зовнішньої та внутрішньої торгівлі СРСР та РСФРР у статті під назвою «Питання торговельної практики» розглядалася проблема нерентабельності більшості ларьків. Автор публікації, визначаючи причини цього, вказував на високий рівень націнок та торговельних витрат, що робило ларькову торгівлю у більшості випадків нерентабельною, так як вона була пов'язана з високими витратами, які не відповідали розмірам обігів. За його підрахунками витрати на орендну плату становили 3 – 5%, на охорону, освітлення, амортизацію, страхування та інші витрати – 2,5% – 4% від обігу [7, с. 21]. В цілому ж, орендна плата за приміщення, яку сплачував торговець, становила сягала 11,6% від всіх його витрат, страхування капіталу – 5,9%, квартирну плату – 5,5%, охорону та прибирання – 1,6% тощо [5, ф. 203, оп. 1, спр. 1644, арк. 7 – 7 зв.]. Така значна кількість різних стягнень не лише збільшувала загальні витрати підприємця, а й не давала йому можливості вільно розпоряджатися прибутком та створювала для нього нестабільне економічне середовище.

Таким чином, використання здобутків економічної теорії дозволило розширити коло дослідницьких питань у вивченні торгівлі Харкова та допомогло виявити поширені підприємницькі ризики у торговельній сфері. Умови зовнішнього середовища, в яких реалізовував свою підприємницьку діяльність харківський торговець в роки непу, не були сприятливими. Це виявилось у непослідовності державної економічної політики щодо приватника та пов'язаних з нею заходах адміністративного та податкового тиску. Випадки переоподаткування, практика стягнення державних позик, велика кількість різних адміністративних штрафів, хабарництво співробітників державних фінансових установ негативним чином впливали на успішність підприємницької діяльності власників торговельних закладів. Тому, як наслідок, розглянуті загрози та ризики поглинали результати бізнесової активності підприємця, в подальшому стали чинником, який сприяв згортання приватної мережі торгівлі.

Примітки

1. *Волосник Ю. П.* Ліквідація приватного підприємництва в торгівлі України наприкінці 20-х рр. ХХ ст. – у 1932 р. / Ю. П. Волосник // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2005. – № 701: Історія. – Вип. 37. – С. 39 – 47.
2. *Волосник Ю. П.* Політика обмеження прав нової буржуазії в роки непу в Україні / Ю. П. Волосник // Вісник Харківського державного університету. – 1998. – № 413: Історія. – Вип. 30. – С. 153 – 161.
3. *Господарське право України: Навчальний посібник* / за заг. ред. проф. Н. О. Саніахметової. – Х., 2005. – 608 с.
4. *Демчик Е. В.* Предпринимательская деятельность нэпманов Сибири / Е. В. Демчик // Вопросы истории. – 1999. – № 7. – С. 28 – 40.
5. *Державний архів Харківської області.*
6. *Епихин А. Ю.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921 – 1928) / А. Ю. Епихин, О. Б. Мозохин. – М., 2007. – 528 с.
7. *Ерошов И.* Вопросы торговой практики / И. Ерошов // Советская торговля. – 1928. – № 47. – С. 20 – 21.
8. *Лантух І. В.* Формування інфраструктури ринку в Україні в роки нової економічної політики (1921 – 1928 рр.) / І. В. Лантух. – Х., 2004. – 196 с.
9. *Маркетинговий менеджмент: навч. посіб. для студ. вищ. навч. заклад.* / за ред. М. І. Белявцева, В. Н. Воробйова; [Белявцев М. І., Воробйов В. М., Кузнецов В. Г. та ін.]. – К., 2006. – 407 с.
1. *Онацький М. Ю.* Приватне торгівельне і промислове підприємництво у Харкові в період непу (1921 – 1928 рр.): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. іст. наук: 07.00.01 / М. Ю. Онацький. – Х., 2013. – 17 с.
2. *Орлов И. Б.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни / И. Б. Орлов, С. А. Пахомов. – М., 2007. – 159 с.
3. *Сімченко М. О.* Стратегії розвитку підприємств в умовах нестабільного ринкового середовища / М. О. Сімченко, Г. А. Мошонько // Економіка Крима. – 2011. – № 2(35). – С. 208 – 211.

4. *Сушко О. О.* Особливості становлення та функціонування приватного підприємництва в Україні періоду непу (1921 – 1928): історико-теоретичний аспект / О. О. Сушко. – К., 2003. – 251 с.
5. *Центральний державний архів вищих органів влади та управління України.*
6. *Шпотов Б. М.* Американский бизнес и Советский Союз в 1920-1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества / Б. М. Шпотов. – М., 2013. – 320 с.
7. *Щербина І. В.* Ліквідація нової буржуазії України (1928 – 1932): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. іст. наук: 07.00.01 / І. В. Щербина. – Х., 2008. – 29 с.
8. *Ball M. Allan.* Russia's Last Capitalists: The Nephews, 1921 – 1929 / Allan M. Ball. – Berkeley, 1990. – 243 p.
9. *Chandler A. D.* The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business / A. D. Chandler. – Cambridge, 1977. – 608 p.
10. *Chandler A. D.* Comparative business history / A. D. Chandler // Enterprise and History: Essays in Honour of Charles Wilson. – New York, 1984. – 290 p.
11. *Chandler A. D.* Managerial Hierarchies / A. D. Chandler, Daems Herman. – New York, 1981. – 237 p.
12. *Friedman A. Walter.* Business History: Time for debate / Walter A. Friedman, Geoffrey Jones // Business History Review. – 2011. – Vol. 85. – Spring. – P. 1 – 8.
13. *Lamoreaux N. R.* Economic theory and business history / N. R. Lamoreaux, M. G. Raff, P. Temin // Oxford Handbook of Business History. – Oxford, 2007. – P. 37 – 66.
14. *Sullivan Mary.* Moving forward by looking backward: business history and management studies / Mary Sullivan, Margaret B. W. Graham // Journal of management studies. – 2010. – July. – P. 775 – 790.

Скубий, Ирина *Предпринимательские риски в сфере торговли в Харькове в годы нэпа. В статье рассматриваются предпринимательские риски в сфере торговли в Харькове в годы нэпа. Сделана попытка среди всех наиболее распространенных рисков исследовать сверхналогообложение, практику взыскания административных штрафов и другие проявления политики местных органов власти в области предпринимательства. Установлено, что существовавшие экономические условия негативным образом влияли на развитие рынка и торгового предпринимательства.*

Ключевые слова: *торговля, предпринимательство, риск, нэп, Харьков.*

Skubii, Irina *Business risks in the trade in Kharkiv under NEP. The article considers business risks in the trade in Kharkiv in the years of NEP. There has been made an attempt to investigate among all common risks big taxes, practice of administrative penalties and other activities of the local authorities' policy. It has been proved that such economic conditions negatively influenced on the development of the market and trading business.*

Keywords: *trade, entrepreneurship, risk, NEP, Kharkiv.*

УДК 94(571.1).08

Платоновы и Судовская: к истории коммерческого предприятия

Валерий Скубневский

В статье рассматривается история создания и деятельности одной из крупных компаний Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Показаны основные направления коммерческой деятельности – винокурение и виноторговля, мукомольная промышленность и хлебная торговля, отмечается монопольное положение данной компании в винокурении в 60–80-х гг. XIX в. на территории Алтайского горного округа. Рассмотрена общественная деятельность отца и сына Платоновых (работа в Барнаульской городской думе) и благотворительность компаньонов – Платоновых и Судовской. Источниковую основу статьи составили опубликованные, в основном статистические, источники и документы трех архивов (Российского государственного исторического, Алтайского края и Томской области).

Ключевые слова: *предпринимательство, винокурение, мукомольное производство, торговля, городское самоуправление, благотворительность.*

В постсоветский период в российской историографии заметно возрос интерес к истории предпринимательства и особенно успешным его представителям. Одни представители данного социального слоя изучены полнее, особенно это относится к московской и петербургской буржуазии, другие, прежде всего представители провинциальной буржуазии, слабее. Исследование крупных провинциальных (по территориальному положению) предпринимателей и не только коммерческой, но и общественной деятельности, представляется актуальной исследовательской задачей. Объектом исследования данной статьи стали Платоновы и Судовская – крупные предприниматели Алтайского горного округа.

© Скубневский В., 2014

Хронологические рамки исследования – вторая половина XIX – начало XX в.

Цель исследования – рассмотреть возникновение и деятельность в разных сферах экономики компании «Платонов и Судовская», показать при этом специфические условия для развития частной промышленности на кабинетских землях Западной Сибири (Алтайского горного округа). Рассмотреть общественную и благотворительную деятельность предпринимателей.

Ряд исследователей советского и постсоветского периодов упоминали в своих работах Платоновых и Судовскую как владельцев Иткульского винокуренного завода и крупных торговцев спиртными напитками (Г.Х. Рабинович, В.П. Бойко, В.П. Зиновьев, В.А. Скубневский, А.М. Мариупольский), но специального и всестороннего анализа коммерческой деятельности данной компании и особенно общественной деятельности еще не было сделано.

В статье использованы разнообразные опубликованные и архивные источники. В числе опубликованных источников – списки (перечни) фабрик и заводов Российской империи, материалы Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде, источники личного происхождения (О. Финш). В числе архивных источников – документы трех архивов – РГИА (Российский государственный исторический архив), ГААК (Государственный архив Алтайского края), ГАТО (Государственный архив Томской области). Особенно ценный материал для раскрытия избранной темы дали материалы фондов 2 (Алтайское горное правление), 3 (Главное управление Алтайского горного округа), 31 (Строительное отделение Томского губернского управления) в ГААК.

Фамилии Платоновых, отца (Константина Павловича) и его сына (Ивана Константиновича), а также их компаньонки Евдокии Ивановны Судовской были хорошо известны в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Предпринимательство этой компании, как и многих других в Сибири того времени, развивалось одновременно в нескольких направлениях: винокурение и виноторговля, мукомольное дело и хлебная торговля, стекольный завод, золотопромышленность и некоторые другие. При этом винокурение и торговля спиртными напитками в этом коммерческом комплексе занимали центральное положение. Об этом явлении писал известный исследователь истории сибирской буржуазии Г. Х.

Рабинович: «Характерной чертой предпринимательства буржуазии Сибири являлась широкая диверсификация капиталов. Сибирский крупный капитал, как правило, не ограничивался какой-либо одной отраслью производства, а действовал в нескольких направлениях...» [19, с. 320].

В возникновении, составе и деятельности рассматриваемой в данной статье компании были и определенные особенности, так как главные ее предприятия размещались на территории Алтайского горного округа, в который входили так называемые кабинетские земли юга Западной Сибири, а правление компании находилось в г. Барнауле – административном центре горного округа. Кабинетские земли – фактически земли царствующего монарха, которые управлялись из Петербурга Кабинетом Его Императорского Величества. Напомним, что Кольвано-Воскресенский (Алтайский) горный округ начал формироваться еще в 1747 г., когда императрица Елизавета Петровна конфисковала у наследников известного русского промышленника А. Н. Демидова его алтайские владения. Кабинетское землевладение сохранялось на Алтае до Февральской революции 1917 г. [17, с. 1017–1020]. Территория Алтайского горного округа составляла около 40 млн кв. десятин, относительно современного административно-территориального деления, это земли современных Алтайского края, Республики Алтай, большей части Новосибирской, Кемеровской областей, южных районов Томской области, нескольких восточных районов Республики Казахстан.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. на Алтае сформировался крупнейший за Уралом район горно-заводского производства. Кабинетские заводы Алтая выплавляли до 90% серебра в стране, именно сереброплавильное производство имело общероссийское значение. Здесь также плавил свинец, медь, чугун, добывали золото. Но частная промышленность на территории Алтайского горного округа до 1861 г., т.е. до отмены крепостного права была фактически запрещена, чтобы не создавать конкуренцию кабинетским заводам, не отвлекать людские ресурсы и сохранять леса, также необходимые для нужд кабинетской металлургии. Ситуация начала меняться в 60-е гг. XIX в. Сама кабинетская металлургия после 1861 г. вступила в полосу кризиса и в 1893 г. главные сереброплавильные заводы были закрыты. Одновременно кабинетская администрация начала выдавать разрешения на открытие частных предприятий обрабатывающей и золотодобывающей промышленности.

Одна из групп производства, которая была разрешена – это винокурение. К тому же притоку капиталов в данную группу производства способствовала акцизная система (в Западной Сибири с 1863 по 1902 г.).

Именно после 1861 г. к предпринимательству стали обращаться горные чиновники и инженеры, как правило, вышедшие в отставку. В этой группе предпринимателей наиболее заметной фигурой стал Константин Павлович Платонов. Из формулярного списка К. П. Платонова, составленного в 1853 г., выясняется, что родился он в 1812 г., из потомственных дворян Пермской губернии, но имения там не было. Учился в Пермской гимназии, но полного курса не окончил. Служил в штате Уральского горного правления. В 1845 г. за выслугу лет был произведен в титулярные советники. 26 апреля 1846 г. был определен советником в Алтайское горное правление. В 1851 г. за выслугу лет произведен в коллежские асессоры [3, л. 152об. – 162об.].

В начале 1860-х гг. К. П. Платонов в компании с отставным полковником А. И. Ляпиным и отставным подполковником корпуса горных инженеров Ярославцевым недалеко от Барнаула в деревне Зудилово строит Троицкую деревянную водяную мельницу. Сведения о дате начала ее работы противоречивы, но в 1864 г. она уже работала, было произведено 56 200 пудов муки на сумму 42 770 руб. Мастерами были Иван Павлович Абошин и его сын Степан – крестьяне Нижегородской губернии, постоянных рабочих – 21 чел. Мука сбывалась в городах Томске и Енисейске [11, л. 34–35]. В анкете за 1865 г. упоминается также сбыт в Тобольск и Тюмень [10, л. 35]. К 1869 г. оба компаньона К. П. Платонова – Лапин и Ярославцев уже умерли и он стал единоличным владельцем этого предприятия [12, л. 29об. – 30]. Но главным предприятием К. П. Платонова стал Иткульский винокуренный завод, открытый в 1868 г.

Первое прошение об открытии винокуренного завода было подано будущим компаньоном К. П. Платонова барнаульским купцом 2-й гильдии Григорием Терентьевичем Бадьиным в 1863 г. Разрешение было получено в 1867 г. [5, л. 104 – 106, 139]. В том же 1867 г. Г. Т. Бадьин и К. П. Платонов в 30 верстах от г. Бийска, в деревне Соколовой, на речке Иткуль построили завод и в конце 1868 г. он начал давать продукцию. Алтайское горное правление установило для завода норму выкурки не более 50 тыс. ведер полугара, т. е. спирта крепостью в 40 градусов. Впрочем, со временем владельцы завода умело обходили эти ограничения. В 1881 г. Кабинет

разрешил выкурку до 100 тыс. ведер, Алтайское горное правление в это же время разрешает выкурку до 130 тыс. ведер. С момента пуска предприятия до 1879 г. завод произвел всего 841 988 ведер продукции [5, л. 557, 731, 733 об., 737]. Иткульский завод с полным основанием может быть отнесен к числу крупных (производство в год свыше 100 тыс. ведер), число рабочих колебалось от 50 до 100 чел. Управляющим завода с 1870 по 1910 г. был уроженец С.-Петербургской губернии Василий Андреевич Гусаров, винокур с 1883 г. прибалтийский немец Вильгельм Фейэрабенд. Фактически 25 лет, т. е. с 1868 по 1893 г. Иткульский завод был единственным винокуренным предприятием в Алтайском горном округе и занял на местном рынке монопольное положение в сбыте спирта и водок.

Правда, в 1860-е гг. в Барнаульском округе несколько лет работал сахарный завод гамбургского подданного А. Брокмиллера, на котором производился не только сахар, но и спирт, но он был закрыт по распоряжению Кабинета, так как владельцу при открытии предприятия давали разрешение только на производство сахара, но не спирта [5, л. 589]. Несколько купцов, в их числе Н. Гусев, В. Бирюков, Яновский и другие жаловались в разные инстанции на действия К. П. Платонова, что он, якобы, убрал со своей дороги конкурентов, используя свои связи в администрации Алтайского горного округа. Яновский, в частности, писал: «Господин Платонов употребил все свое служебное влияние на установление монополии, доказательством чему служит как отдача самому себе без торгов места под винокуренный завод, так и воспрещение без всяких видимых оснований действия завода гамбургского подданного Брокмиллера, доведенного Платоновым до разорения, а затем неразрешение другим предпринимателям устройства новых заводов» [5, л. 585]. Действительно, до 1893 г. никто из купцов не смог получить разрешения на строительство винокуренных заводов, завод Платонова и Компании оставался единственным.

В 1869 г. К. П. Платонов в Барнауле открывает сравнительно небольшой водочный завод, на котором из иткульского спирта изготавливались водки, наливки, ликеры. Если сорокоградусный спирт отпускался ведрами (ведро 12,3 литра) через оптовые склады крестьянам, а также на золотые прииски, то более дорогие напитки в бутылках предназначались в большей степени городскому покупателю. Об ассортименте и ценах на продукцию водочного завода И.К. Платонова и Е.И. Судовской можно судить по экспозиции завода на Всероссийской промышленной

и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Было выставлено 20 бутылок ликеров (по 90 коп. за бутылку), 2 бутылки нежинской рябины (по 80 коп.), 4 бутылки нектарина из китайских яблочек и белой смородины (по 80 коп.), 6 бутылок горьких водок (по 75 коп.), 2 бутылки столового вина (по 55 коп.). Ежегодное производство составляло 30 тыс. ведер на сумму 205 тыс. руб. На заводе работало 12 мужчин, 2 женщины и 4 малолетних [18, с. 150].

Местная продукция была дешевле привозных вин зарубежных и из Европейской России. Участники известной немецкой научной экспедиции 1876 г. в Западную Сибирь А. Брем и О. Финш считали, что цены в Барнауле на вина весьма низкие: рейнвейн рюдестгейм – 2,5 руб., иоганесберг – 3 руб., воронцовское белое крымское вино – 1,5 руб., мадера – 1 руб., херес – 2 руб. за бутылку. Когда гости города спросили одного из торговцев, почему эти напитки стоят даже дешевле чем в Германии, торговец ответил, что «за это должен уже ответить господин Елисеев», от которого и поступали вина [26, с. 256]. Напомним, что братья Елисеевы – крупнейшие поставщики импортных спиртных напитков, владельцы шикарных гастрономов в центре Петербурга и Москвы.

На Нижегородской выставке 1896 г. Иткульский винокуренный завод И. К. Платонова и Е. И. Судовской был удостоен бронзовой медали «за развитие винокуренного производства в отдаленных местах России» [2, с. 293]. В конце 90-х гг. (1897 г.) стоимость продукции Иткульского завода составляла 135 тыс. руб., при 62 рабочих [9, л. 238].

Теперь о владельцах компании. Как уже отмечалось, компаньоном К. П. Платонова на начальном этапе деятельности винокуренного завода был купец Г. Т. Бадьин. Он умер в 1872 г. и компаньонкой К. П. Платонова становится вдова Бадьина Евдокия Ивановна. Вскоре она вышла замуж за отставного асессора Дмитрия Ивановича Судовского. Не часто дворяне женились на купчихах. Можно предположить, что вдова и вдовец, скорее, сошлись на почве коммерческих интересов. Как уже отмечалось, К. П. Платонов и Е. И. Бадьина (Судовская) были компаньонами. Одновременно К. П. Платонов был компаньоном Д. И. Судовского, они совместно брали в аренду два золотых прииска в Томской губернии [4, л. 1, 5]. Так что Е. И. Бадьина – компаньонка К. П. Платонова вышла замуж за его другого компаньона – Д. И. Судовского. Это был круг близко знакомых людей.

Компания владельцев Иткульского винокуренного и Барнаульского водочного заводов получила название «Платонов и Судовская». В 1880-х гг. Константин Павлович передал ведение дел в компании своему единственному сыну Ивану. В 1893 г. Константин Павлович умер, Е. И. Судовская умерла в 1906 г. После чего был образован торговый дом «И.К. Платонов» с капиталом в 50 тыс. руб.

Но вернемся к периоду, когда делами управлял К. П. Платонов. Еще одним его предприятием стал стекольный завод, основанный в 1873 г. совместно с женой чиновника Айдаровой. Находился он рядом с винокуренным заводом и был даже обнесен общей с ним оградой. Стекольный завод производил прежде всего бутылки и прочую посуду для нужд винокуренного и водочного заводов. Здесь же производилась посуда для продажи и даже хрусталь. Стекольный завод Платонова и Айдаровой был единственным на Алтае. В 1890 г. его производительность оценивалась в 25,5 тыс. руб., было занято до 100 рабочих (72 взрослых мужчины и 23 малолетних) [20, л. 2].

Все же центральное место в коммерческой деятельности Платоновых и их компаньонов занимало производство спиртных напитков и торговля этими напитками. В середине 80-х гг. XIX в. компания К. П. Платонова и Е. И. Судовской имела на Алтае 10 оптовых складов и 46 питейных заведений [23, с. 432], в конце века (1896/97 г.) – 13 оптовых складов [16, с. 89]. Склады и питейные заведения компании размещались в городах Барнауле, Бийске, Кузнецке (современный Новокузнецк) и сельской местности. В начале 1890-х гг. обороты промышленных заведений Платоновых и их компаньонов составляли 600 тыс. руб., торговых, только в Барнауле – 250 тыс. руб., здесь не учтены золотые прииски, информация о размерах добычи на которых не обнаружена.

Разумеется, абсолютизировать монополию Платоновых и Судовской в сбыте спиртных напитков на местном рынке не следует. Здесь имелись оптовые склады и розничные заведения по сбыту спиртных напитков братьев Ерофеевых (завод в г. Каинске Томской губернии, ныне – г. Куйбышев в Новосибирской области), известного в Западной Сибири и на Урале виноторговца А.Ф. Поклевского-Козелл, барнаульских купцов Мальковых и Ворсиных, бийских – В. М. Рыбакова, Яновского и некоторых прочих [16, с. 148, 151 – 153].

После того как ведение дел перешло от Константина Павловича к сыну Ивану, начинается модернизация предприятий – винокуренного

завода и мельницы. Прежде всего он модернизировал мукомольную мельницу в Зудилово, в 1892 г. на ней была устроена электростанция. Динамо-машина приводилась в действие от водяных двигателей, ток шел к коммутатору, а от него по 4 магистральным линиям по мукомольному предприятию, одна из линий далее шла к даче Платонова. На мельнице было несколько десятков лампочек, а на даче – десять [6, л. 20–23]. В это же время были электрифицированы и некоторые другие крупные мельницы на Алтае, хотя в самом Барнауле первые электрические лампочки зажглись только в 1898 г. Стремление владельцев электрифицировать мельницы объясняется тем, что они в основном строились из дерева, освещались керосиновыми лампами, что создавало пожароопасную ситуацию. А в 1895 г. был электрифицирован Иткульский винокуренный завод.

В целом же до конца XIX в. промышленные предприятия Платоновых и компаньонов по техническому уровню относились к мануфактурам. Да и в целом сибирская обрабатывающая промышленность до проведения Сибирской ж. д. (1891–1904 гг.) находилась не на мануфактурном уровне и только на рубеже XIX–XX в. здесь начинается переход к фабрике, который, по мнению одних исследователей завершился к 1917 г., по мнению других – не завершился. Так, профессор В. П. Зиновьев, например, считает, что в целом в промышленности Сибири промышленный переворот завершился только к 1930 г. [14, с. 97].

В 1902 г. И. К. Платонов строит для Иткульского винокуренного завода новый каменный корпус, к этому времени завод уже был паровой, его следует отнести к фабричным предприятиям. Именно в 1902 г. в Западной Сибири была введена государственная монополия на производство и торговлю водкой (несколько позже, чем в Европейской России). Средний объем производимого спирта на заводе с 1909 по 1911 г. составил около 300 тыс. ведер [15, приложения, с.1]. Это был самый крупный винокуренный завод в Сибири в указанный период. И во второй половине XIX и в начале XX в. он относился к категории промышленных, а не сельскохозяйственных винокуренных заводов. Напомним, что сельскохозяйственные винокуренные заводы, которые преобладали в Европейской России, в качестве сырья использовали картофель и сахарную свеклу и работали сезонно, а промышленные в основном использовали в качестве сырья зерно и работали круглогодично. Спирт с Иткульского завода поставлялся на Бийский и

Барнаульский монопольные склады Казны. Барнаульский водочный завод был закрыт.

Росло производство и на мельнице И. Платонова в Зудилово, накануне Первой мировой войны оно составляло 700 тыс. пуд., т.е. выросло по сравнению с пореформенным периодом в десять раз. Но мельница оставалась водяной, имела 5 двигателей мощностью в 200 л.с., при этом была оснащена оборудованием известной фирмы «А. Эрлангер и К» [25, с. 903]. Муку, а также зерно И. Платонов на собственном пароходе «Ольга» мощностью в 80 л.с. и баржах, которые носили названия алтайских рек – «Бия», «Катунь», «Ануй» и «Алей» перевозил в Новониколаевск (современный Новосибирск) и Томск.

Еще одним коммерческим, а в какой-то мере и социокультурным начинанием стало строительство И. Платоновым на территории своей усадьбы в центре Барнаула в 1900 г. электростанции. Ее мощность позволяла освещать не только территорию усадьбы владельца, где помимо двухэтажного жилого дома, хозяйственных построек был и ренсковый погреб, но отпускать электроэнергию многим потребителям, в числе которых были учреждения, Народный дом, магазины и жилые дома наиболее состоятельных горожан центральной части города [7, л. 63]. (В тот период городской электростанции в Барнауле еще не было и платоновская была самым крупным поставщиком электроэнергии. Помимо нее было еще несколько более мелких частных электростанций).

В 1912 г. было объявлено о банкротстве торгового дома «И. К. Платонов». В отчете управляющего Барнаульским отделением Госбанка было отмечено, что «прекратила платежи одна из старых в Барнауле фирм торговый дом «И. К. Платонов», задолженность составляла около 1 млн руб., претензии только Русского для внешней торговли банка – до 400 тыс. руб. Автор отчета отметил, что «несостоятельность вызвана единственно небрежным отношением к делу главных руководителей фирмы» [21, л. 61].

Были некие объективные причины банкротства торгового дома И. Платонова. Само винокурение уже не приносило таких доходов, как при акцизной системе, когда, можно не сомневаться, именно торговля спиртом и водкой приносила основные доходы Платоновым и Судовской. Кроме того, в 90-е гг. на Алтае строится несколько новых винокуренных заводов, в их числе в Барнауле «Братьев Ворсиных и Олюниной», Рыбакова

в Бийске, Поскотинова в Барнаульском уезде. Хотя Иткульский завод и оставался крупнейшим, но его монопольное положение осталось в прошлом. Несколько раньше сгорел стекольный завод и владельцы его уже не восстанавливали. Но в целом банкротство не разорило И. Платонова окончательно. Успешно работала его мукомольная мельница и он занимался, как и ранее, хлебной торговлей. Был он крупным владельцем недвижимости, которая оценивалась в 1914 г. в 557,8 тыс. руб., в том числе – имущество в Барнауле – 242,1 тыс. руб., электростанция, там же – 92,4 тыс. руб., мукомольный завод – 113,6 тыс. руб. Незначительное недвижимое имущество также размещалось в Томске, Новониколаевске и Чите [8, л. 35 – 37]. В списке недвижимого имущества на 1914 г. уже нет Иткульского винокурного завода, который незадолго до этого был И. Платоновым подарен приемной дочери Надежде Николаевне Олюниной, а управляющим заводом стал ее муж Н. А. Олюнин, он же был владельцем винокурного завода в Кузнецком уезде Томской губернии. Кстати, благодаря усилиям Олюниных имущество завода не было уничтожено и разграблено в годы гражданской войны.

Следует остановиться на общественной и благотворительной деятельности Платоновых, особенно Ивана Константиновича и Е. И. Судовской.

Тема меценатства российского купечества в последние годы привлекла внимание исследователей, особенно акцентируется внимание в этой связи на благотворительности московского купечества [24]. Для сибирского купечества и буржуазии в целом также было характерно меценатство, особенно в этом плане выделялось купечество Иркутска, Томска, Тюмени [13]. Платоновы и Судовская также могут быть отнесены к крупным меценатам. Говоря про общественную деятельность и образ жизни Платоновых, конечно, нельзя забывать об их дворянском происхождении и уровне образования. Константин Павлович, как уже отмечалось, учился в Пермской гимназии, Иван в Томской и начинал учиться в Петербургском университете, но был отчислен за участие в одном из народнических кружков.

Общественная деятельность обоих Платоновых была связана с работой в органах городского самоуправления. Оба неоднократно избирались в гласные Барнаульской городской думы, а Иван дважды (в 1898–1901 и 1911–1912 гг.) – городским головой [1, с. 40]. В 1899 г., будучи городским головой, он на свои средства выстроил для

городского пожарного депо кузнечный, шорный и плотничный цеха. Будучи гласным, неоднократно избирался в различные комиссии городской думы: железнодорожную, санитарную, об открытии сельскохозяйственного института и другие. Он, несомненно, был сторонником технического прогресса. Как гласный городской думы и городской голова поддерживал строительство в городе телефонной станции (построена в 1908 г.), соединения Барнаула железнодорожной веткой с Сибирской ж.д. (реализовано в 1915 г.), строительства в городе электростанции и др.

Благотворительность обоих Платоновых проявлялась в сфере народного образования. Они, так же, как их супруги, были членами Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле, которое было создано в 1884 г. И. Платонов был попечителем Барнаульской женской гимназии. В 1884 г. Платоновы построили в Соколово школу для детей рабочих винокурного и стекольного заводов, которую оборудовали и содержали на свои средства. В то время школы при частных промышленных предприятиях Сибири были большой редкостью. К тому же «Константиновская» школа стала одной из лучших в регионе по оснащению и санитарному состоянию. В 1894 г. в ней учились 72 ученика, в том числе 41 мальчик и 31 девочка [22, с. 284]. При школе была устроена метеостанция, показатели о погоде передавались в Томский губернский статистический комитет, что нашло отражение в «Памятных книжках Томской губернии». Членом Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле была и Судовская.

Еще одной благотворительной акцией И. Платонова стало строительство в Соколово в 1892 г. православной церкви Богоявления Господня, в ее приход стали входить жители трех деревень – Соколово, Комаровой и Савиновой. В 1935 г. местные комсомольцы в пылу «борьбы с религией» сожгли церковь. В 2007 г. на ее месте был возведен каменный храм, в основном на средства ОАО «Иткульский спиртзавод».

Но особой благотворительностью в отношении церкви отличалась Е. И. Судовская. На ее средства в окрестностях Барнаула, в сосновом бору, в конце 90-х гг. XIX в. был основан женский монастырь и в начале XX в. возведена самая большая в городе церковь Казанской Божьей Матери. В советское время и церковь и монастырь были закрыты и приспособлены под тюрьму.

Благотворительность И. Платонова была высоко оценена, в 1901 г. он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени (за

открытие церковно-приходской школы), в 1902 г. – орденом Святого Станислава 3-й степени, в 1912 г. – орденом Святого Станислава 2-й степени [13, с. 178].

Благотворительной деятельностью также занимался и управляющий Иткульского завода В. А. Гусаров, известно, что он жертвовал деньги на нужды местной школы и церкви.

Следы былой деятельности Платоновых и Судовской сохранились до настоящего времени. В Барнауле, на Пушкинской улице стоит двухэтажный жилой дом Платоновых, в Зудилово сохранилась дача Платоновых, она входит в комплекс санатория «Сосновый бор». Перед этим зданием даже восстановлен небольшой фонтан, воссозданный по старому фотоснимку. Но особенно много свидетельств былого сохранилось в селе Соколово (ныне Зональный район Алтайского края), где до настоящего времени успешно работает Иткульский спиртзавод – преемник бывшего винокуренного завода. В заводском корпусе, построенном в 1902 г., ныне размещается заводской музей, среди его экспонатов особо следует выделить коллекцию фотографий, в том числе дореволюционных, а также настенные часы, привезенные И. Платоновым из Европы в 1902 г. На заводской территории до сих пор по прямому назначению используются деревянные амбары из отличного строевого леса, построенные еще в XIX в. Бывший дом управляющего, в котором в свое время останавливался И. Платонов, до настоящего времени называется «Кремлем», а вдоль него растут лиственницы, посаженные еще в XIX в.

Не лишне отметить, что ОАО «Иткульский спиртзавод» одно из успешных предприятий данной отрасли, которое ведет свою генеалогию от винокуренного завода XIX в., что является редкостью. Перед зданием нынешнего заводоуправления установлена каменная стела с надписью «Купец Г. Т. Бадьин и горный чиновник К. П. Платонов в 1868 году спиртовой завод основали».

Сам И. Платонов умер в 1925 г. в Зудилово, разумеется, все его недвижимое имущество было национализировано. Впрочем, его оставалось немного. Дело в том, что во время гигантского пожара 2 мая 1917 г. сгорела вся центральная часть Барнаула, включая усадьбу И. Платонова с электростанцией. Эта электростанция не восстанавливалась, а жилой дом позже был восстановлен. И. Платонов был женат дважды, в первом браке на дворянке Е. Боневоленской, в этом браке родилась дочь Ольга. После смерти первой жены женился на крестьянке Анисье, которая работала

служанкой на даче. В этом браке родилось два сына – Глеб и Иван и две дочери. Известно, что оба сына погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Одна из дочерей – Зинаида Ивановна всю жизнь работала учительницей фортепиано в детской музыкальной школе № 1 Барнаула.

Итак, история компании Платоновых и Судовской отражает несколько важных сторон формирования и деятельности сибирских предпринимателей. Компания в основном реализовывала свою деятельность на Алтае, в условиях кабинетского землевладения, ее возникновение и первые десятилетия деятельности отражают начальный этап частной промышленности в данном регионе. По направлениям коммерческой деятельности – винокуренное, водочное, стекольное, мукомольное производства, золотопромышленность, пароходство, торговля – это был своеобразный комплекс, типичный для пореформенной Сибири. По оборотам промышленных и торговых предприятий (до 1 млн руб.) и стоимости недвижимого имущества (свыше 0,5 млн руб.) Платоновых можно отнести к числу крупных дельцов Западной Сибири. Но в начале XX в., особенно в 1910-е гг., значимость этой компании в экономической жизни региона падает, а в 1912 г. она была объявлена банкротом, это, однако, не привело И. Платонова к полному краху. Не только И. Платонов, но и целая группа владельцев винокуренных и водочных заводов Сибири после перехода от акцизной системы к монополии либо сильно сократили свою деловую активность, либо вовсе ушли с арены предпринимательства. В этом ряду были, например, барнаульские купцы Мальковы.

Важнейшей стороной формирования российской буржуазии второй половины XIX – начала XX в. была ее общественная активность, что, в частности, проявлялось в работе в органах городского самоуправления и меценатстве. Деятельность Платоновых и Судовской также может служить примером в этом отношении.

Примечания

1. *Барнаульская* городская дума 1877 – 1996. Сборник документов. – Барнаул, 1999. – 305 с.
2. *Всероссийская* промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. – СПб., 1897. – 358 с.
3. *ГИАК*. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 6254.

4. ГААК. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 3622.
5. ГААК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 486.
6. ГААК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 130.
7. ГААК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 153.
8. ГААК. – Ф. 52. – Оп. 1. – Д. 1862.
9. ГААК. – Ф. 170. – Оп. 1. – Д. 7.
10. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 18. – Д. 342.
11. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 18. – Д. 347.
12. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 18. – Д. 442.
13. *Деловая элита старой Сибири: исторические очерки* / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и др. – Новосибирск, 2005. – 264 с.
14. *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири XIX – начала XX в. / В.П. Зиновьев. – Томск, 2009. – 336 с.
15. *Колокольников К.А.* Развитие винной монополии в Томской губернии и Семипалатинской области / К.А. Колокольников. – Томск, 1914. – 227 с.
16. *Мариупольский А.М.* Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863 – 1902 гг.). / А.М. Мариупольский. – Барнаул, 2000. – 158 с.
17. *Пережогин А.А.* Кольвано-Воскресенский горный округ / А.А. Пережогин, Т.Н. Соболева // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. – М., 2008. – Т.1. – С. 1017–1020.
18. *Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде.* Отдел XIII Сибирский. – М., 1896. – 154 с.
19. *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. / Г.Х. Рабинович. – Томск, 1975. – 328 с.
20. РГИА. – Ф. 20. – Оп. 12. – Д. 230.
21. РГИА. – Ф. 587. – Оп. 33. – Д. 1365.
22. *Рылова Е.П.* Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году / Е.П. Рылова // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. – Барнаул, 2009. – С. 243–302.
23. *Список винокуренных заводов Российской империи с указанием их характера, размеров производства и условий сбыта вина за период 1886/87 и 1887/88 гг.* – СПб., 1890. – 10, 442, XXXIV с.

24. *Труды первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» («Морозовские чтения»).* Ногинск, 16 – 18 ноября 1995 г. – «Богородский печатник», 1996. – 215 с.
25. *Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию).* Изд. 2-е. – Пг., 1914. – 1612 с.
26. *Фини О.* Путешествие в Западную Сибирь / О. Финиш, А. Брем // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. – Барнаул, 2005. – С. 230–264.

Скубневський, Валерій Платонові і Судовська: до історії комерційного підприємства. У статті розглядається історія створення та діяльності однієї з великих компаній Західного Сибіру другої половини XIX – початку XX ст. Показано основні напрямки комерційної діяльності – винокуріння і виноторгівля, борошномельну промисловість, хлібну торгівлю та ін., відзначено монопольне становище даної компанії в винокурінні в 1860–1880-х рр. на території Алтайського гірничого округу. Розглянуто громадську діяльність батька і сина Платонових (робота в Барнаульській міській думі) і благодійність компаньйонів – Платонових і Судовської. Джерельну основу статті склали опубліковані джерела та документи трьох архівів (Російського державного історичного, Алтайського краю і Томської області).

Ключові слова: підприємництво, винокуріння, борошномельне виробництво, торгівля, міське самоврядування, благодійність.

Skubnevsky, Valeriy Platonov and Sudovskaya. The History of the Enterprise. The paper considers the history of foundation and activity of one of the biggest West-Siberian companies of the second half of the 19 – early 20th century. It shows principle directions of its commercial activity – distillation and wine trade, flour grinding industry and grain trade and others, and points out monopolistic position of the given company in distillation in the 60s – 80s of the 19th century on the territory of Altai Mining District. The article touches upon social activity of the Platonovs – father and son – and their work in the Duma of Barnaul town, and charity of the partners – the Platonovs and Sudovskaya. Basic sources of the article include published materials, mainly statistical ones, and documents of three archives (Russian State Historical Archive, State Archive of Altai Region and Tomsk Oblast).

Keywords: enterprise activity, distillation, flour-grinding production, town self-government, charitable activity.

Вітчизняна буржуазія на шляху до європейської форми представництва (кінець XIX – початок XX ст.)

Ірина Шандра

У статті висвітлюється проект реформування представницьких організацій буржуазії пореформеної доби за зразком торгово-промислових палат, бачення вітчизняними підприємцями необхідних змін та основні перепони на цьому шляху.

Ключові слова: буржуазія, представницька організація, торгово-промислова палата, експортна палата.

Серед громадських організацій важко знайти давніші, ніж об'єднання торговців та промисловців. Саме ці інститути представництва корпоративних інтересів розвивалися найбільш послідовно, пройшовши шлях від середньовічних цехів і гільдій до торгових палат капіталістичної доби (територіальні організації офіційного характеру, котрі виступають посередниками між органами державної влади та діловими колами визначеного регіону). На сьогодні вони є найпоширенішими в світі незалежними підприємницькими структурами, їх кількість сягає 140 національних і близько 10 тис. регіональних палат, серед них найбільшою є Міжнародна торгова палата, що почала свою роботу з 1919 р. [17, с. 5]. Підприємницькі кола сучасної України також входять до світового «палатівського руху», історія ж формування цих універсальних торгово-промислових структур на українських теренах у складі Російської імперії відноситься до кінця XIX – початку XX ст.

На сучасному етапі торгово-промислові палати України та Росії, поєднані спільним історичним минулим, є важливими складовими соціально-економічного життя країн, визнаними представниками національних ділових кіл. Проведені ними заходи та основні

напрями роботи можна відстежити за статтями на їхніх інтернет-сайтах та сторінках друкованих органів («Діловий вісник», «ТПП-Информ: путеводитель российского бизнеса»), повідомленнями у пресі й на телебаченні [16, с. 2]. У наукових розробках російських дослідників В. І. Федотова й І. М. Шапкіна подається аналіз проблеми формування та розвитку торгово-промислових палат у Російській імперії, Радянському Союзі та Російській Федерації, а щодо українських земель – інформація досить обмежена [23; 26]. Проблема розбудови системи представництва підприємницьких інтересів порушувалася ще імперськими дослідниками. Їх роботи містять конкретні пропозиції щодо форм подання корпоративних звернень до уряду [10; 28]. На початку XX ст. питання необхідності реформування представницької структури в країні є предметом розгляду на сторінках галузевих часописів («Промышленность и торговля», «Горно-заводское дело», «Нефтяное дело») [7; 14; 19]. Залучення до наукового аналізу спеціальних оглядів, періодичних видань, матеріалів роботи представницьких організацій пореформеного періоду та архівних джерел дозволяє висвітлити ставлення вітчизняної буржуазії до проекту створення торгово-промислових палат у Російській імперії.

Перші в світі торгові палати виникли у Франції: 1650 р. марсельське купецтво ініціювало створення такого суспільного інституту, а через п'ятдесят років вже за ініціативою уряду в країні було створено кілька подібних об'єднань [28, с. 9]. З часом їх кількість та значення в економіці європейських країн тільки зростає. У XIX ст. в багатьох державах Європи в якості вищої торгово-промислової дорадчої колегії діяли з'їзди торгових палат. Наприклад, у Німеччині в 1861 р. виникає Торговий з'їзд («Deutscher Handelstag»), який об'єднував більшість торгових палат та купецьких корпорацій країни [2, с. 214]. У Великій Британії регулярно збирався Союз торгових палат Об'єднаного Королівства («Union of Chambers of Commerce of the United Kingdom»), що за своїм впливом був схожим на своєрідний торгово-промисловий парламент [19, с. 3]. Торгові палати працювали в юридично визначених межах та мали офіційний статус. Їх характерною рисою в більшості західноєвропейських країн був примусовий характер участі в поточній роботі законодавчо визначеного кола підприємців, відшкодування витрат та утримання органів офіційного представництва. Щодо функцій торгових палат, то в залежності від національних законів вони були різними. Так, зобов'язання

представляти звіти про економічний стан розвитку району було покладено на всі європейські палати, крім цього, австрійське законодавство дозволяло їм ще й здійснювати реєстрацію нових фірм, французьке – опікуватися станом судноплавства, пруське – управляти біржами [12, с. 17]. У Великій Британії торгово-промислові палати були повністю незалежними від уряду, слугували посередниками між торговими верствами та органами публічної влади [4, с. 4]. Протягом другої половини XIX ст. «палатівський рух» у Європі активно розвивався та набув довершеності у вигляді Міжнародних конгресів торгових палат. Значно повільніше подібні процеси відбувалися у вітчизняних підприємницьких колах.

Протягом пореформеного періоду в Російській імперії склалися різні види представницьких організацій буржуазії (біржові комітети, комітети торгівлі та мануфактур, промислові з'їзди, дорадчі контори тощо). Організації, в основу яких був покладений галузевий або територіальний принцип, наштовхувалися на економічну конкуренцію з подібними установами інших районів та галузей виробництва. Така ситуація створювала незручності для урядовців, адже примушувала їх підтримувати одну зі сторін. Бути членом певної підприємницької корпорації було престижно, модно й просто економічно доцільно, адже це забезпечувало різнопланову підтримку (фінансову, збутову, юридичну, технічну, кадрову та ін.). Проте, поза межами представницьких об'єднань залишалася значна кількість підприємців середньої та дрібної ланки, і, таким чином, їх думка взагалі не враховувалася [8, с. 338].

На початку XX ст. створюються особливі представницькі організації – експортні палати. До початку Першої світової війни їх виникло шість: Російсько-англійська (1908 р.), Слов'янська (1909 р.), Російсько-бельгійська (1910 р.), Російсько-італійська та Російсько-французька (1911 р.), окреме місце займала Російська експортна палата (1910 р.) – усі вони об'єднували найбільших експортерів країни та зосереджували свою роботу на завоюванні нових ринків збуту [11, с. 232]. У 1912 р. в Києві було відкрито перше на території українських губерній відділення Російської експортної палати на чолі з професором Київського комерційного інституту М. В. Довнар-Запольським [17, с. 6]. У ньому брали участь представники державних, кредитних та наукових установ, іноземних консульств, підприємств та організацій. Експортні палати не наближали уряд до вирішення завдання уніфікації

системи представництва, а стали тільки одним із видів фінансово-економічних структур буржуазії.

Недоліки стихійно складеної системи представництва примушували замислитися і урядовців, і підприємців над більш доцільними формами взаємодії влади та капіталу. У пошуках оптимального варіанту висловлювалися думки про необхідність порайонного облаштування представницьких об'єднань із обов'язковою участю в їх роботі всіх підприємців.

У кінці XIX ст. розпочинається масштабна урядова робота з підготовки більш доведеної, «правильної системи представництва» підприємницьких інтересів за європейським взірцем торгових палат. Торгово-промислові палати планувалося створити в кожній губернії з покладанням на них обов'язків представництва інтересів місцевої буржуазії. Протягом 1893–1905 рр. було розроблено кілька проектів реформування, створено спеціальні комісії, скликано безліч нарад з цього питання [9, с. 60]. Проте жоден із запропонованих урядових варіантів не отримав підтримки торгово-промислового класу, навпаки – підприємці примудрилися пересваритися між собою та відмовитися на певний час від ідеї реформування системи представництва. Їх не влаштовувала можлива втрата впливу вже існуючих організацій, залежність корпоративних об'єднань від «напівбюрократичних» торгових палат та повний контроль держави за їх утворенням. Дискусійними залишилися такі важливі положення: ініціатива створення палат, визначення їх повноважень, призначення керівного складу, обов'язковість участі в їх роботі, майбутня доля вже існуючих підприємницьких об'єднань.

Підприємці наполягали на тому, що спочатку слід створити центральний союз, а вже потім – місцеві органи за зразком торгово-промислових палат. Каталізатором процесу самоорганізації буржуазії слугували події першої російської революції, але торговий та промисловий капітал створюють свої центральні всеросійські структури окремо – З'їзди представників біржової торгівлі та сільського господарства (1905 р.) та З'їзди представників промисловості та торгівлі (1906 р.). Оскільки основні завдання діяльності щойно створених З'їздів представників промисловості та торгівлі співпадали із завданнями проєктованих торгово-промислових палат, черговий варіант законопроекту з цього питання був відкладений на невизначений час [27, с. 113]. Зі створенням центральних підприємницьких організацій у структурі представництва інтересів капіталу докорінних змін не відбулося.

З огляду, що існуюча численна, переобтяжена зайвими органами, обмежена у своїх діях мережа підприємницьких союзів не влаштувала ні уряд, ні промисловців – проект створення торгово-промислових палат так і залишався на порядку денному.

Надалі реформування системи представництва підприємницьких інтересів ініціюється не підприємцями, а владою. На всі її нові варіанти буржуазія споглядала досить критично, заявляючи: «Представництво... інтересів торгово-промислового населення самим життям зосередилося в біржових комітетах і різного роду промислових організаціях... Для уряду та частини торговців і промисловців з'ясовано, що існуючих організацій недостатньо, і для поповнення цього недоліку і тільки там, де це буде доведено з безперечною, можна допустити створення торгових або промислових палат» [29, с. 303].

На XXX з'їзді гірничопромисловців Півдня Росії в Харкові (1906 р.) було розглянуто міністерський «Проект Положення про виборні установи торгово-промислового класу та про біржове облаштування». Найстаріша й найвпливовіша корпорація гірничопромислової буржуазії висловила низку зауважень (повноваження, територія впливу палат), проте мова йшла переважно про розширення прав самих З'їздів гірничопромисловців (надання існуючим районним З'їздам підприємців прав загальних торгових палат, обов'язкове попереднє погодження в таких об'єднаннях соціально-економічних законопроектів перед внесенням їх на розгляд Державної думи). На урядовий запит з приводу законопроекту про виборні установи торгово-промислового класу та про біржову структуру Рада З'їздів гірничопромисловців Півдня Росії спільно з Комітетом Харківської кам'яновугільної та залізоторгової біржі відповіли, що заплановані структури «не повинні зачіпати прав існуючих установ з представництва інтересів промисловості та торгівлі... останні, як і проєктовані, повинні мати право участі в обранні членів Державної ради від промисловості та торгівлі» [21, с. 24]. Узагальнюючи вищезазначене, було підсумовано – «виборне представництво установ торгово-промислового класу не може бути так поспішно проведено, як цього бажає Міністерство торгівлі та промисловості» [20, с. 68–69].

Другий з'їзд представників промисловості та торгівлі в Санкт-Петербурзі (1907 р.) визнав, що «біржові комітети, комітети торгівлі та мануфактур, а також купецькі управи – не відповідають вимогам правильного порайонного представництва»; водночас делегати

висловили думку, що підприємницькі союзи приватного типу мають у майбутньому зберегти свою повну самостійність по відношенню до торгових палат [24, арк. 131]. Прийняті з'їздом положення були подані на розгляд Міністерства торгівлі та промисловості з побажанням врахувати їх під час розробки проекту закону про торгово-промислові палати [1, с. 25].

На IV з'їзді представників промисловості та торгівлі (1909 р.) одним із питань програми значився пункт – «організація представників промисловості та торгівлі на місцях», який викликав жваву дискусію серед присутніх [3, арк. 35]. У доповіді члена Ради Товариства для захисту інтересів розвитку одеської промисловості С. І. Соколовського значилося, що проблема представництва інтересів підприємців по суті не може бути вирішена урядовим законом про створення палат [29, с. 301]. На думку доповідача самі підприємницькі кола мали б розробити основи майбутнього представництва; проте його позиція не здобула підтримки більшості.

Делегати V з'їзду представників промисловості та торгівлі (1911 р.) відмічали, що з часу попереднього з'їзду «питання про торгово-промислові палати зовсім не просунулося у своєму вирішенні» [29, с. 302]. Влітку 1911 р. Московським біржовим комітетом було розроблено власний проект створення торгово-промислових палат, у якому вказувалося на численні недоліки існуючої системи представництва інтересів капіталу та аргументувалося необхідність законодавчого впровадження таких палат, де членство всіх підприємців у межах визначеної території було б обов'язковим. Передбачалося створити 16 торгово-промислових палат по всій імперії, з них у Харкові – для південного гірничозаводського та харківського цукрового районів, у Києві – для підприємств цукрової промисловості, у Одесі – для південного портового району [26, с. 171]. Біржові комітети (у тому числі Новоросійський та Катеринославський), активно критикуючи таку структуру, вказували, що деякі торгово-промислові округи згідно цього проекту «дорівнюють за розмірами Німецькій імперії, у якій 150 палат» [24, арк. 51]. Українські підприємці вважали проект Московського біржового комітету «неприпустимим», ратували за створення «спеціальних гірничопромислових палат» на зразок вже давно існуючих З'їздів гірничопромисловців Півдня Росії [13, с. 1].

Який би варіант не дістав підтримки, представники дрібного капіталу наголошували, що їх інтереси взагалі не враховані: з одного боку, участь у витратах на утримання палат була

визначена як обов'язкова для дрібних торговців, з іншого – їх доля представництва обмежувалася $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{5}$ від загальної кількості місць [5, с. 57]. Суттєві розбіжності між поглядами різних груп підприємців підтвердили занепокоєння влади, що пройде ще багато часу до вироблення остаточного проекту створення торгових палат.

Активну позицію в розробці проекту зайняли українські підприємницькі кола, аргументовано представляючи свою думку через З'їзди гірничопромисловців Півдня Росії [25]. У численних доповідях та підготовлених матеріалах корпорація гірничопромисловців характеризувала себе як вже наявну торгово-промислову палату «з двома головними ознаками: 1) обов'язковою приналежністю всіх гірничопромислових та гірничозаводських організацій; 2) фактичною обов'язковістю внесків підприємств на потреби З'їзду» [24, арк. 1]. На з'їзді гірничопромисловців Півдня Росії лунали заяви (XXXVI з'їзд, 1911 р.): «Належна організація торгово-промислового класу має величезне значення для захисту інтересів торгівлі та промисловості» [22, с. 26]. Проте наголошувалося, що за існуючими організаціями слід зберегти їх публічно-правовий характер, надати право брати участь у виборах членів Державної ради від промисловості [22, с. 26].

Більшість біржових комітетів Російської імперії взагалі відкидали можливість створення палат, а ратували за розширення своїх повноважень шляхом включення до їх складу представників середнього та дрібного капіталу [10, с. 14]. Представники Московської хлібної біржі так висловлювали свою думку: «Благо торгівлі та промисловості лежить у зміцненні біржових організацій, а не в їх зруйнуванні, у наслідок чого положення про торгово-промислові палати, побудоване на принципі знищення бірж, у тому вигляді, як воно існує, не задовольняє інтереси правильного представництва торгівлі та промисловості» [7, с. 387]. Підприємці Донецько-Придніпровського району підтримували думку, «що заснування палат має не тільки не зменшувати значення з'їздів та біржових комітетів, але має посилити діяльність подібних організацій» [24, арк. 49].

У листопаді 1913 р. на міжвідомчій нараді під головуванням міністра торгівлі та промисловості С. І. Тимашева було визначено розмежування повноважень між проєктованими палатами та існуючими представницькими організаціями, які залишилися тільки з вузькопрофесійними обов'язками та були позбавлені права представляти загальні інтереси підприємців [29, с. 307]. Проєкт

«Положення про торгово-промислові палати» був внесений на розгляд Державної думи на початку 1914 р., проте його вирішенню перешкодила Перша світова війна. Події світового військового конфлікту призвели до посилення позицій буржуазії, яка намагалася контролювати постачання армії через утворені 1915 р. військово-промислові комітети. З наміром охолодити запал підприємців уряд знову піднімає питання торгово-промислових палат. Такий стиль ставлення влади до буржуазії був домінуючим протягом всього пореформеного часу: з одного боку, враховувати економічні інтереси підприємців з метою загального розвитку держави, а з іншого – стримувати зростання їх суспільного впливу та самостійності.

Численні міжвідомчі наради та комісії воєнного часу так і не призвели до досягнення консенсусу між урядовцями та підприємцями. На сторінках періодичних видань розгорнулася заочна дискусія щодо «ідеальної схеми» представництва торгово-промислових інтересів [14, с. 16083]. Редакція «Горно-заводского дела», яка висвітлювала погляди підприємців Донецько-Придніпровського району, цю ідеальну схему бачила так: професійні союзи промисловців та їх відділення в районах об'єднуються в регіональну організацію, наприклад, З'їзди гірничопромисловців Півдня Росії; Рада З'їздів гірничопромисловців та інші галузеві підприємницькі організації об'єднуються в межах певного округу; останні, у свою чергу, входять до складу центральних загальноімперських союзів. За таким сценарієм З'їздам гірничопромисловців відводилася роль своєї торгово-промислової палати для гірничої та гірничозаводської промисловості Півдня Росії [15, с. 16234].

До початку бурхливих подій 1917 р. задум створення торгово-промислових палат так і не був реалізований. Відповідний проєкт надійшов на затвердження Тимчасового уряду і був схвалений 6 (19) жовтня 1917 р. [23, с. 22]. Втіленню в життя цієї багатостраждальної концепції представництва завадив більшовицький переворот та громадянська війна.

Уніфікація всіх підприємницьких структур за європейським взірцем торгових палат із законодавчо визначеними функціями, територією діяльності та чіткою підпорядкованістю в імперські часи так і не відбулася. Причини цього криються в негативному ставленні більшості підприємців до цього проєкту, яке базувалося на небажанні відмовитися від звичних форм представництва, ризику втратити реальні важелі впливу на процес прийняття

урядових рішень, загрозі підконтрольності підприємців через палати та цілковитої залежності від уряду.

Торгово-промислові палати виявилися унікальними суспільними інститутами, які існували навіть у радянські часи: вже 1921 р. в умовах НЕПу було створено Північно-західну обласну торгівельну палату, а з 1932 р. – Всесоюзну торгівельну палату з відділеннями в республіках, що були повністю підконтрольні державному апарату [16, с. 2]. Палата отримала статус громадської організації, яка мала сприяти розвитку ділових зв'язків з іноземними країнами, забезпечувати участь радянських делегацій у міжнародних виставках. Згідно з постановою Ради Міністрів СРСР від 15 грудня 1972 р. відділення Всесоюзної торгово-промислової палати в Українській РСР було перетворено на Торгово-промислову палату УРСР – саме цей день вважається офіційною датою утворення Торгово-промислової палати України [18, с. 2].

В умовах незалежної України стало можливим реалізувати проект «правильного представництва» інтересів капіталу за територіальним принципом, накреслений ще на початку ХХ ст. Нині Торгово-промислова палата України нараховує 27 регіональних відділень, членами яких є близько 4,5 тис. підприємств, організацій, приватних підприємців [16, с. 2]. Відповідно до Закону України від 2 грудня 1997 р. «Про торгово-промислові палати в Україні» торгово-промислова палата – це недержавна неприбуткова самоврядна організація, яка на добровільних засадах об'єднує юридичних осіб і громадян України, зареєстрованих як підприємці, а також їх об'єднання [6, с. 210]. У останні роки діяльність палат тільки розширюється – до виконуваних ними функцій додалися експертиза, декларування, ліцензування та інші реалії сучасного економічного життя, але як на початкових етапах капіталістичного розвитку українських земель, так і тепер, головні завдання їх роботи залишаються незмінними – представництво та захист інтересів підприємців. Торгово-промислові палати довели свою історичну значущість, організаційну довершеність і стали універсальними органами взаємодії влади та капіталу.

Примітки

1. *Возникновение и деятельность нашей организации (Обзор деятельности Съездов представителей промышленности и торговли с октября 1906 г. по декабрь 1907 г.)* // *Промышленность и торговля.* – 1908. – Т. 1 (январь–июнь). – С. 23–31.

2. *Германские предпринимательские союзы для защиты общих экономических интересов* // *Промышленность и торговля.* – 1908. – Т. 1 (январь–июнь). – С. 211–214.
3. *Державний архів Ростовської області.* – Ф. 170. – Оп. 1. – Спр. 42. – 35 арк.
4. *Доклад Совета XXXVI Съезду горнопромышленников юга России по IV вопросу программы: «О торгово-промышленных палатах».* – Харьков, 1911. – 16 с.
5. *Ерманский А. К характеристике российской крупной буржуазии / А. Ерманский* // *Наша заря.* – 1912. – № 1–2. – С. 47–59.
6. *Закон України «Про торгово-промислові палати в Україні»* від 02.12.1997 р. // *Відомості Верховної Ради України.* – 1998. – № 13. – Ст. 52.
7. *Из деятельности общественных учреждений по промышленности и торговле* // *Промышленность и торговля.* – 1911. – № 21. – С. 386–388.
8. *Из торгово-промышленной практики* // *Промышленность и торговля.* – 1911. – № 20. – С. 338–339.
9. *История торговли и промышленности в России* / [Под ред. П. Х. Спасского]: в 3 т. – Т. 1. – СПб., 1910. – [разд. паг.].
10. *Котлецов А. А. Русская буржуазия / А. А. Котлецов.* – М., 1912. – 31 с.
11. *Лившин Я. И. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала)* / Я. И. Лившин. – М., 1961. – 448 с.
12. *Лурье Е. С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России / Е. С. Лурье.* – СПб., 1913. – 191 с.
13. *О введении торгово-промышленных палат в России.* – М., 1911. – 117 с.
14. *Организационная задача торгово-промышленного класса России в настоящий момент* // *Горно-заводское дело.* – 1917. – № 28–29. – С. 16081–16083.
15. *Организационная задача торгово-промышленного класса России в настоящий момент* // *Горно-заводское дело.* – 1917. – № 32–33. – С. 16233–16235.

16. Скрипченко С. Славне тридцятиріччя палати / С. Скрипченко // Діловий вісник. – 2002. – № 12 (103). – С. 2.
17. Торгово-промислова палата України. Минуле. Сьогодення. Погляд у майбутнє // Діловий вісник. – 2002. – № 12 (103). – С. 5.
18. Торгово-промислові палати – рушії економічного зростання // Діловий вісник. – 2003. – № 10 (113). – С. 2.
19. Торгово-промислові організації в Росії і в Западній Європі // Нефтяное дело. – 1908. – № 13. – С. 1–6.
20. Труды XXX съезда горнопромышленников юга России. – Т. 2. – Харьков, 1906. – [разд. паг.].
21. Труды XXXV съезда горнопромышленников юга России. – Т. 2. – Харьков, 1910. – [разд. паг.].
22. Труды XXXVI съезда горнопромышленников юга России. – Т. 2. – Харьков, 1911. – [разд. паг.].
23. Федотов В. И. Развитие института российских торгово-промышленных палат: XX – начало XXI вв.: автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история» / В. И. Федотов. – Саратов, 2009. – 42 с.
24. Центральний державний історичний архів України, м. Київ. – Ф. 2161. – Оп. 1. – Спр. 8. – 131 арк.
25. Шандра І. О. З'їзди гірничопромисловців Півдня Росії: створення та діяльність (1874–1918 рр.): монографія / І. О. Шандра. – Луганськ, 2011. – 300 с.
26. Шапкин И. Н. Из истории лоббизма в России. Представительские организации российского капитала во второй половине XIX – начале XX веков / И. Н. Шапкин. – М., 1999. – 200 с.
27. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики / Л. Е. Шепелев. – Л., 1987. – 272 с.
28. Шнейдер В. О совещательных учреждениях по делам торговли и промышленности / В. Шнейдер. – СПб., 1884. – 70 с.
29. Шумилов М. М. Проекты реформы представительных торгово-промышленных организаций России в конце XIX – начале XX в. / М. М. Шумилов // Исторические записки. – Т. 118. – М., 1990. – С. 292–312.

Шандра, Ірина Отечественная буржуазия на пути к европейской форме представительства (конец XIX – начало XX вв.). В статье рассматривается проект реформирования представительских организаций буржуазии пореформенной эпохи по образцу торгово-промышленных палат, видение отечественными предпринимателями необходимых изменений и основные преграды на этом пути.

Ключевые слова: буржуазия, представительская организация, торгово-промышленная палата, экспортная палата.

Shandra, Irina National bourgeoisie on the way to the European forms of representation (late XIX – early XX century). The paper highlights the project of reformation of the bourgeoisie representative organizations of the post-reform period by sample of chambers of commerce and industry, the vision of necessary changes by local entrepreneurs and major barriers along the way.

Keywords: bourgeoisie, representative organization, chamber of commerce and industry, export chamber.

**Становлення торговельно-господарської діяльності
грецької спільноти Надазов'я наприкінці XVIII ст. в
умовах етнічного самоврядування за документами
Маріупольського грецького суду
(з фондів ЦДІА України у Києві)**

Наталія Бацак

Маріупольський грецький суд у період з кінця XVIII ст. до останньої третини XIX ст. являв собою один із унікальніших у південноукраїнському регіоні Російської імперії органів етнічного самоврядування. Він регулював правові відносини грецької громади Північного Приазов'я, що оселилася на теренах Азовської губернії з 1780-х рр. унаслідок виведення російським урядом з Кримського ханства кількох десятків тисяч християн. Грецький суд виконував адміністративні, судові та поліцейські функції. Такі повноваження не були властиві самоврядуванню греків у кримський період їхнього існування. Перебуваючи у складі населення ханства, громада цілковито підкорялася владі свого духовного голови – митрополита Готфії і Кафи, повноваження якого визначалися султанським фірманом. У руках вищого очільника християнської пастви фактично зосереджувалася вся повнота адміністративної, духовної та судової влади над нею. Він мав право розглядати господарські й цивільні спори громади, а також вирішувати певні кримінальні справи. Внаслідок переселення греків до Російської імперії відбулися зміни у принципах урядування етнічної громади. Останній митрополит Готфії і Кафи Ігнатій (Іаков Газадіно, 1715–1786) втратив більшу частину своїх повноважень, його суспільні функції звузилися до звичайних, загальноприйнятих у державі, обов'язків архієрея. Натомість за російськими законами практично вся місцева влада була надана громадському самоврядуванню, що її уособлював Маріупольський грецький суд [10, с. 100–101].

Оскільки всі посади в суді були виборними, наріжним принципом його діяльності був демократизм. За відсутності диктату з боку державних органів Грецький суд користувався відомою часткою свободи у прийнятті рішень у межах своєї компетенції. Панівним

**МАТЕРІАЛИ,
ДЖЕРЕЛА,
ПОВІДОМЛЕННЯ**

соціальним регулятором у громаді залишалося звичаєве право [10, с. 108–110]. Отже, іншими засадами діяльності Грецького суду були традиційність, а також дотримання й охорона законом інтересів грецької спільноти.

У процесі функціонування цього органу етнічного самоврядування грецької громади виник значний масив діловодної документації, відомий як архів Маріупольського грецького суду. З кінця XIX ст. він служить джерельною базою різноманітних за тематикою історичних і краєзнавчих досліджень, присвячених як власне діяльності самого суду, так і різних сфер життя приазовських греків. Однак відомі історичні події XX ст., особливості процесу формування та руху архівних фондів у радянський час зумовили безповоротну втрату значної частини документальної спадщини Маріупольського грецького суду, а також дисперсію зберігання уцілілих його частин по різних архівних установах України та Росії. На сьогоднішній день зібрання документів, пов'язаних із діяльністю цього органу самоврядування греків, виявлені дослідниками у фондах Маріупольського краєзнавчого музею, Центрального державного історичного архіву, Державних архівів Запорізької, Донецької та Дніпропетровської областей, а також Російського державного архіву давніх актів. Незважаючи на значні втрати, ці документи залишаються важливими джерелами для дослідників історії грецького самоврядування, розвитку господарства, організації внутрішнього життя грецької громади Північного Приазов'я наприкінці XVIII–XIX ст.

Аналіз різних законодавчих, актових, діловодних та описово-статистичних письмових джерел, акумульованих в архівному фонді Маріупольського грецького суду Центрального державного історичного архіву України в Києві (ЦДІАУК), свідчить, що їхні інформативні можливості дозволяють вирішити ряд дослідницьких завдань. Зокрема, висвітлення низки проблем, пов'язаних із відтворенням окремих аспектів господарсько-торговельної діяльності грецької громади Північного Приазов'я у початковий, найменш вивчений період її історії.

Найбільш ранні діловодні й статистичні документи суду відображають господарську діяльність грецької громади з кінця 1780 р. Інформація, що характеризує структуру та обсяги торгово-економічної діяльності грецького купецтва і міщанства, а також співвідношення окремих сфер державного управління та юрисдикції місцевого самоврядування греків міститься у малодосліджених

діловодних документах Маріупольського суду. Наша увага буде зосереджена на їх частині, що об'єднується в архівну справу, присвячену розслідуванню обставин торгівлі грецького купецтва Північного Приазов'я сіллю у перші роки після переселення з Криму.

Архівні документи свідчать, що спершу після виходу з кримських теренів географія торговельних зв'язків грецької громади обмежувалася найближчими повітами [11]. Економічні зв'язки з Кримським півостровом у цей період були надзвичайно слабкими, оскільки зовнішньоторговельна політика Росії стримувала господарську ініціативу переселенців і не сприяла налагодженню стабільних торговельно-економічних відносин з Кримом. Тим не менше цікавим є приклад, що стосувався спроби греків долучитися до нових господарських та соціально-економічних взаємин, налагодити важливий для розбудови життя громади торговельний обмін у регіоні.

Навесні 1782 р. Азовською губернською канцелярією було розпочато слідство у Маріупольському, Павлоградському і Торському повітах з приводу виявлення незаконного перевезення через митницю та продажу кримської солі. Самому факту торгівлі контрабандною сіллю уряд надавав неабиякого значення, про що свідчила низка заходів, негайно ужитих ним одразу після виявлення порушення. Так, за наказом від 29 травня 1782 р. був тимчасово заборонений будь-який проїзд з Російської імперії до Криму до кінця розслідування справи. Термінове дізнання було доручене кільком призначенцям Азовської канцелярії. Як повідомлялося у супровідних документах щодо їхньої місії, сіль у невизначеній великій кількості була викрадена з приватних соляних промислів на бердянських озерах, які належали місцевому підприємцеві прем'єр-майору М. Л. Фалееву.

Продукт соляних промислів як життєво важливий і незамінний, що його споживачем є без винятку все населення, завжди приносив великі бариші від торгівлі ним. За тодішніми законами Російської імперії, так званий «соляний прибуток» належав до числа монополій держави і становив її фіскальну регалію, тобто був одним із різновидів головних прибутків державної скарбниці. Російське законодавство щодо нього складалося поступово упродовж майже всього XVIII ст. Його основою був указ від 8 лютого 1705 р., який закріплював державну монополію на соляну справу: «...заведено було й у Москві, й містах у всяких чинів людей сіль, відписавши,

продавати зі скарбниці, а при продажу бути виборним головам та цілувальникам добрим за виборами, а над ними наглядати бурмістрам; а надалі сіль постачати у скарбницю хто схоче. А по цьому за підрядом за правдивою ціною на місці почне, продавати удвічі» [1, с. 4–5]. Держава залишала за собою виняткове право й на сам продаж солі, й на встановлення цін на неї. Таємний продаж цього продукту тягнув за собою таке саме покарання, як і за незаконне корчмарство. Посадовці, причетні до спекулятивного перепродажу солі, пов'язаного з ним хабарництва й так званого «кумівства» у місцях початкового продажу солі, каралися смертною карою.

Незважаючи на законодавче встановлення соляної регалії ще на початку XVIII ст., її фактичне запровадження розтягнулося на десятиліття. Соляні промисли на місцях підпорядковувалися юрисдикції місцевого самоврядування, а головні джерела видобутку солі – соляні озера та копальні – упродовж усього XVIII ст. все ще знаходилися у власності приватних осіб. У подальшому, запроваджуючи низку заходів щодо підвищення прибутків від монопольної торгівлі, уряд спромігся здійснити повну регалізацію торгівлі сіллю. Згодом держава перебрала на себе й організацію постачання населення цим продуктом. Таким чином і соляний промисел, і торгівля перетворилися на галузь державного господарства. Її правові основи як системи казенного підприємництва і державної монополії були закріплені понад двома сотнями нормативних актів, прийнятих Російським урядом упродовж XVIII ст. Вони охоплювали регламентацію діяльності промислів, доставки солі до споживача і її продажу [1, с. 5–13].

Соляна промисловість Азовської губернії безмалю до середини XVIII ст. практично самостійно забезпечувала господарський розвиток регіону [8, с.62]. Торські й бахмутські соляні промисли постійно перебували у центрі уваги уряду, що прагнув якомога повніше контролювати підприємства солеваріння. Однак в останній третині XVIII ст. стала відчутною регресія виробництва у зв'язку з вичерпанням лісових ресурсів – традиційного джерела палива для виварки солі. Внаслідок цього 1782 р. Азовська губерньська канцелярія заборонила місцевий соляний промисел. Колишні заводські приміщення були пристосовані під провіантські магазини (комори), робітники відпущені по домівках, худоба й залишки солі розпродані. Виручені таким чином кошти за наказом канцелярії були направлені на влаштування переселених із Криму греків [2, с. 761].

Водночас соляні промисли на теренах Кримського ханства [6, с. 37; 9], розташовані у межах російського впливу, ще продовжували виробляти важливий для економіки регіону продукт. На початок 1780-х рр. його видобування на солоних озерах поблизу р. Берда, як зазначено в документах Азовської губерньської канцелярії, знаходилося у руках крупного російського поміщика і підприємця прем'єр-майора Фалеева [12, арк.1а]. М. Л. Фалеев (1730–1792) – відома фігура з оточення Г. О. Потьомкіна, одна з його довірених осіб, що займалася реалізацією кількох його державницьких проектів у Новоросії [3]. Крім соляного промислу, йому належали близько 30 тис. десятин землі у Бахмутському повіті, на яких він розводив фруктові сади, розбудовував хутори, млини [7, арк. 120–121], а також «дві новозаведені фабрики... від Катеринослава у 25-ти верстах: 1) шкіряна, у якій виробляються різні англійські шкіри та пумпові підшви; 2) свічна, у котрій виготовляються свічки добротою й до вол[о]годських підходящі» [5, с.290]. Управління справами на кримських соляних промислах, у тому числі збутом продукту, М. Л. Фалеев здійснював через свого представника Ф. Морозова. Саме цей повірений і фігурує найчастіше під час розслідування викрадення і незаконного продажу фалеевської солі [12].

У ході слідства за наказом Азовської губерньської канцелярії були піддані обшуку та опитані всі службовці Петровської фортеці – місця розташування митної застави (з 1777 р.), через яку переміщувалися фури з краденим товаром. Серед підозрюваних у сприянні контрабандному ввезенню солі опинилися комендант фортеці бригадир Таубе, усі штаб- й обер-офіцери гарнізону, навіть батальйонний лікар. Однак найсуворіше покарання у разі звинувачення загрожувало цолнеру фортеці (від нім. zollner – наглядач за збиранням мита) – унтер-офіцеру Пухнову. Найперше на нього чекало усунення від посади та доправлення до канцелярії губернатора у Катеринославі. На грецьке купецтво Маріупольщини падала підозра у гуртовій купівлі й подальшому перепродажу краденої солі.

Представники губерньської адміністрації були уповноважені накласти арешт на всю “підозрілу” сіль, знайдену в мешканців фортеці й трьох повітів Азовської губернії. Обшуком і з'ясуванням обставин злочину в повітах безпосередньо займалася місцева адміністрація — Павлоградська й Торська воєводські канцелярії, а в Маріупольському повіті – навіть кілька управлінських установ.

До структури адміністрації Маріупольського повіту, крім Грецького суду, до кінця 1790-х рр. входили нижній земський суд, управа благочинства та поліцейське управління на чолі з городничим [5, с. 293], а в розглядуваний період, як засвідчують документи Грецького суду, – ще й земський комісар. Їхня діяльність та повноваження певною мірою перетиналися між собою і дублювали функції Грецького суду, через що між ними від самого початку цього казусного співіснування тривало суперництво. У розслідуванні справи розшуку фалеевської солі за особистим наказом «товариша» (помічника) Азовського губернатора Л. С. Алексеєва (?–†1798) взяли участь Грецький суд та маріупольський земський комісар капітан О. Константинов. Він представляв у повіті камер-колегію і мав обов'язок, зокрема, нагляду за місцевими відкупками державних доходних статей, а також виконання деяких поліцейських і судових функцій [4, с.462–469]. Тому комісарові було доручено провести обстеження купецьких магазинів Маріупольського повіту. Серед уповноважених Л. С. Алексеєвим значився також поручик Селецький, з особливими розпорядженнями направлений до Петровської фортеці [12, арк. 1а зв.].

Маріупольський грецький суд, не будучи, на відміну від інших місцевих адміністраторів, залежним від губернських властей, без поспіху реагував на накази Азовської канцелярії. Лише отримавши від неї кілька відповідних розпоряджень, суд у середині жовтня 1782 р. провів збори, на яких уповноважив двох засідателів обшукати купецькі магазини і рибні заводи у місті та слободах повіту. При цьому суд на свій розсуд і відповідальність скорегував наказ губернського начальства щодо арешту солі. Засідателям Аджи Паніотову та Кирилу Параскева було доручено лише провести обшук та скласти «опис» (акт) із зазначенням власників і кількості знайденої у них та «заарештованої» солі, залишивши її на місці під нагляд тих самих хазяїв [12, арк. 3].

Складання відповідного акту та листування з Азовською губернською канцелярією тривало до першої декади листопада. Врешті не на жарт роздратована затягуванням справи губернська адміністрація наказала негайно вилучити всю знайдену сіль, на яку не було документів легальної купівлі, й віддати прем'єр-майору М. Л. Фалееву (особисто або його повіреному у справах Ф. Морозову) [12, арк.10, 14].

У відповідь з Маріупольського грецького суду надійшло аргументоване пояснення, що переважна більшість грецьких купців,

які торгували сіллю, пред'явила «ярлики» – документи-свідчення законного придбання солі у виробника. Аби не завдавати збитків чесним хазяям, Грецький суд звертався із запитом до Губернської канцелярії щодо дозволу не вилучати таку сіль. На підтвердження до канцелярії був надісланий реєстр купців-власників «несумнівної» солі, складений А. Паніотовим та К. Параскева. Зваживши на такі факти, а також прохання суду, помічник губернатора Л. С. Алексеєв дозволив не вилучати законно придбану сіль, надавши грецьким купцям на її вільний продаж «білети» від Грецького суду [12, арк.17–18]. Однак через бюрократичну тяганину, доки тривало листування, частина грецьких підприємців, що мали посвідчення законної купівлі солі, все-таки були змушені віддати свій товар. Ймовірно, це могло статися внаслідок поспішного втручання Маріупольського земського комісара капітана О. Константинова. Необхідність повернення краму його законним власникам спричинилася до нових клопотань Грецького суду та відповідей на них. Лише за місяць грецька адміністрація отримала офіційні підстави для виправлення помилки, одержавши через того ж таки земського комісара О. Константинова відповідний ордер від Азовської канцелярії [12, арк.19–19 зв.].

Подальший перебіг розслідування справи викрадення кримської солі із заводів М. Л. Фалеева та його результати залишилися поза межами справочинства Маріупольського грецького суду, й нам невідомі. Проте ключові документи справи, що наводяться нижче, засвідчують кілька важливих обставин. Передусім, вони ілюструють реальні адміністративно-правові умови становлення господарської і торговельної діяльності грецької громади Північного Приазов'я у найбільш ранній період її існування. Одним із провідних чинників цього процесу була робота територіально-етнічного органу самоврядування, спрямована на захист економічних інтересів і дієву допомогу у вирішенні та залагодженні постанів перед грецькою громадою труднощів і проблем. Крім того, діловодна документація Маріупольського грецького суду підтверджує досить ефективну від самого початку його взаємодію зі складною і заплутаною бюрократичною системою російських владних органів на місцях.

Документи справи про накладення арешту на сіль прем'єр-майора Фалєєва, добуту з Бердянських озер Криму й тасмно вивезену до Азовської губернії

№1

Получен октября 13 дня 1782 года

Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской из Азовской губернской канцелярии в Мариупольский греческий суд

По указу ее императорского величества Азовская губернская канцелярия известна, что из лежащих на крымской стороне Бердянских озер соль, принадлежащая майору Фалееву, с сего места тайным образом вся вытаскана и увезена в пределы сей губернии, в том числе из тех озер помянутой соли увезли до знатного количества фур петровской крепости комендант бригадир [...] Таубе, тамошний гарнизонный штаб- и обер-офицеры, батальонный лекарь и таможенный унтер цолнер Пухнов, а пропуск из России в Крым вследствие учиненного в сей губернской канцелярии в 29 день прошедшего мая определения впредь до повеления вовсе запрещен, то и приказала отправить в крепость Петровскую при известном указе поручика Селецкого, коему по прибытии туда велеть у всех жительствоющих в той крепости и на форштадте об одной бердянской соли учинить обыск, у кого таковая соль найдена будет, всю оную заарестовать. Сколько же той соли, чьей именно найдено и заарестовано будет, немедленно в сию губернскую канцелярию рапортовать, сделав при том достоверное изыскание, сколько в Крым за солью чрез Петровскую таможенную заставу фур пропущено, и по тому обстоятельно донести. И между тем, если точно сие окажется, то той заставы унтер цолнера Пухнова, было вследствие предварительно установленного порядка тотчас отставив от должности, прислать в сию губернскую канцелярию, на место ж его в правление в Петровской таможенной заставе вступить впредь до повеления ему, Селецкому. И все состоящее в ведении его, Пухнова, казенное принять уже в свое ведомство. И как таковая соль может провезена быть в Мариупольский, Павлоградский и Торский уезды, то дабы и тех уездов во всех селениях таковой же обыск в самом скорейшем времени учинен был, послать в Торскую

и Павлоградскую воеводскую канцелярию, в Греческий суд и к земскому комиссару капитану Константинову указы, предписав при том им, чтоб они, сколько таковой соли у кого найдено будет, заарестовали, но беспоясненно. По тому ж в сию губернскую канцелярию прислали рапорты. Если усмотрится, что та соль и из пределов Азовской губернии везена буде, то не пропуская оную, так же заарестовав, донести тотчас в губернскую канцелярию, о чем во всех селениях Мариупольского уезда немедленно подтвердить.

Сентября 28 дня 1782 году.

Ларион Алексеев

ЦДІАУК. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк. 1а–1а зв.

№2

В Азовскую губернскую канцелярию из Мариупольского греческого суда Рапорт о получении указа

Ее императорского величества указ Азовской губернской канцелярии от 28 минувшего сентября, и которым велено бердянскую соль заарестовать и во оную Азовскую губернскую канцелярию рапортовать. И по тому ее императорского величества указу б[ыли] сего суда созваны заседатели Аджи Паниот, Кирила Параскева, которым велено первому в городе Мариуполе и в рыбных заводах, второму по уезду в греческих селениях бердянскую соль, у кого найдется, заарестовать и об одной в сей суд ведомость [дать].

По получении историй во оную Азовскую губернскую канцелярию таковые присланы быть имеют.

Октября дня 1782 года.

ЦДІАУК. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.2.

№3

Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской из Азовской губернской канцелярии в Мариупольский греческий суд

По указу ее императорского величества Азовская губернская канцелярия приказала во все присутственные подчиненные места и комиссарам предписать указами, чтоб во всех селениях сложенную или привозимую соль бердянскую, где б она ни была, вся заарестована и описана была. И в том донести губернской канцелярии с показанием, где, на скольких фурах, сколько ее пудов,

откуда привезена и от кого и кем куплена. И сие учинив в крайней скорости, без всякого послабления, особливо же в Торском, Павлоградском, Мариупольском уездах в силу посланных пред сим указов. А буде от кого-либо последует упущение, то сами начальники ответствовать и платить имеют, даже не у места, ежели доньше чрез селения Азовской губернии в другие места провезена.

Октября 10 дня 1782 года.

Ларион Алексеев

ЦДИАУ. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.7.

№4

По указу ее императорского величества Мариупольский греческий суд

Вследствие порученного Азовской губернской канцелярией указа из описанного под №336 приказал сего года заседателям Аджи Паниотову, Кириллу Параскеве дать указ и велеть первому в городе Мариуполе, также рыбных заводах, второму по уезду в греческих селениях имеющуюся соль бердянскую не окажется и сколько у кого сыщется заарестовать, и записав число пудов, отдать под присмотр тем же хозяевам. И сочиня об одной ведомости, представить в сей суд в скорейшем времени для отправления в Азовскую губернскую канцелярию.

13 октября 1782 года.

ЦДИАУК. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.3.

№5

Получен Мариупольским греческим судом октября 28 дня 1782 года

Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской из Азовской губернской канцелярии в Мариупольский греческий суд

По указу ее императорского величества Азовская губернская канцелярия приказала во оный греческий суд послать сей указ и велеть всю заарестованную провезенную из Крыма соль немедленно премьер-майору Фалееву или его поверенному отдать с распискою, и сколько и из какого места оной отдано будет, в сию губернскую канцелярию рапортовать.

Октября 19 дня 1782 г.

Ларион Алексеев

ЦДИАУ. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.10.

№6

Получено ноября 5-го дня 1782 года Из Мариупольского комиссарского правления в Мариупольский греческий суд

Сообщение

По препровождаемой у сего описанной бердянской найденной в городе Мариуполе и по рыбным ловлям соли ведомостям, Греческий суд благоволит показанных по той ведомости покупателей сумнительной соли выслать в Петровскую крепость для доказанья, у кого оную купили и явились бы господина премьер-майора Фалеева у поверенного его Федора Морозова. А буде доказать не могут, то за оную по двадцати копеек за пуд деньгами оному Морозову отдали бы или Греческий суд взысканием вследствие Азовской губернской канцелярии от 19 сего октября под №7158 Указу исполнение учинить не оставить.

Октября 31 дня 1782 года.

Капитан и земский комиссар Алексей Константинов.

Ведомость, сколько в городе Мариуполе соли бердянской
найдено

и у кого именно, явствует по сему

Октября 18 дня 1782 года

№	У кого найдена соль	Пуды	Премьер-майора Фалеева поверенным Морозовым явлено
1	Грек купец Иван Константинов купил в заводчика Димитрия бердянской соли	50	несумнительна
2	Прапорщик Степан Иванов купил у Степана Ращупина бердянской соли	260	несумнительна
3	Греки купцы Аким и Димитрий купили у Морозова бердянской соли	65	несумнительна
4	Грек купец Димитрий Капран купил у Семена Тесли бердянской соли	83	сумнительна
5	Грек купец Петр Федоров купил у грека Илии Козака бердянской соли	120	несумнительна
	Ним же куплено у солдата Мартина Петровского батальона	90	сумнительна
6	Отставной гусарин Стефан Стоянов купил у однодворца Степана Ращупина бердянской соли	40	несумнительна

7	Николай Александров купил у грека Или Козака бердянской соли	100	несумнительна
	Ним же куплено у солдата петропавловского батальона у Мартына	35	сумнительна
8	Назар Кириллов купил у козака Григория бердянской [соли]	28	сумнительна
9	Константин Федоров купил у Григория козака бердянской соли	135	несумнительна
	Ним же куплена у солдата Мартина бердянской соли	35	сумнительна
10	Федор Мануил купил в ярмонке неведомо у кого бердянской соли	28	сумнительна
11	Отставной гусарин Антон купил в крепости Петровской у Морозова бердянской соли	75	несумнительна
	<i>На Белосарайской косе</i>		
1	Курского наместничества у мещанина Федора Кательникова в 6-ти возах купленная в Петровской крепости у поверенного Морозова [соль], билета или ярлыка не имеет	400	несумнительна
2	Греческого суда у заседателя Николая Гайваржи 3 воза, в них куплена у поверенного Морозова [соль], ярлыка не имеет. Из оной соли продал в город Мариуполь Тородову Константину и Александре Николаеву по сту пудов, а в заводе ничего не осталось	200	несумнительна
3	У бахмутского мещанина Павла Митина 1 воз, в нем куплена у поверенного Морозова [соль] ярлыка не имеет	80	несумнительна
4	У грека Или Козака куплена у того ж Морозова [соль] ярлыка не имеет	2500	несумнительна
5	У купца Михаила Гаджи 10 возов [соли] в них весу куплена у того ж Морозова ярлык имеет	800	несумнительна
6	У таганрогского купца Василия Иванова Илецкого соль состоит, а сколько весом неизвестно, потому что он соль этого года не покупал		Господина Фалеева поверенным Морозовым решена, что у него куплена
7	В слободе Ялте у грека Ильи Левтерова куплена у того ж Морозова [соль] ярлыка не имеет	100	несумнительна

8	В слободе Мангуше малороссиянин Хоменко привез один воз бердянской соли. Куплена у бердянского человека. И продал всю соль в той слободе грекам враздобицу, а теперь ничего нет.	30	–
	Всего бердянской соли	5314	

Капитан и земский комиссар Алексей Константинов.

ЦДІАУ. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.12–13 зв., 16.

№7

В Азовскую губернскую канцелярию из Мариупольского греческого суда.

Рапорт

Во исполнение оной Азовской губернской Канцелярии ее им[ператорского] в[еличества]ва указа №6396 учиненная бердянской соли опись [закреслено кілька слів] о сысканной в Мариупольском уезде бердянской соли опись при сем прилагается.

Ноября 2 день 1782 года Мариуполь.

Опись, учиненная в Мариупольском греческом суде, отысканной в городе Мариуполе и сего уезда слободах бердянской соли с показанием, сколько и у кого именно оной состоит, значит под сим

Ноября 2-го 1782 года

А именно	Сколько пудов	Имеются от кого следует ярлыки
В городе Мариуполе		
В грека купца Ивана Константинова	50	На сию соль г-на премьер майора Фалеева от поверенна Федора Морозова ярлык имеют
В прапорщика Степана Иванова	260	
В греков купцов Акима Антонова и Димитрия Федорова	65	
В грека купца Петра Федорова	120	
В грека Николая Александрова	100	
В грека Константина Федорова	135	
В отставного гусарина Антона Бонки	75	
В грека купца Дмитрия Капралова	83	На сию соль ярлыка не имеют
В грека купца Петра Федорова	90	
В грека Николая Александрова	35	

В слободах Ялте в грека Илии Левтерова	100	Ярлык имеет от поверенного Морозова
Мангуше у малороссиянина Аврама Хоменка, купленной в бригадирского человека	30	На сию соль ярлыка не имеют
В Старом Крыму в грека майора Константинова, купленной у бригадирского человека	70	
На Белосарайской косе Курского наместничества у мещанина Андрея Кательника	400	На сию соль г-на премьер майора Фалеева от поверенного Морозова ярлык имеют
В греческого суда в заседателя Николая Айваржи	240	
В бахмутского купца Павла Митина	80	
В грека купца Хаджи Михайла	800	
В грека Илии Козака	2500	
У таганрогского купца Василия Тихонова, купленной у поверенного Морозова, неизвестно сколько пудов прошлогдней		

ЦДІАУ. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.4–6.

№8

Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской из Азовской губернской канцелярии в Мариупольский греческий суд

По указу ее императорского величества Азовская губернская канцелярия по рапорту одного Греческого суда, коим на указ сей губернской канцелярии, повелевающий о заарестовании бердянкой соли от того суда отряжены заседатели первый, Хаджи Панайот, в городе Мариуполе и по рыбным заводам, второй Кирила Параскева, во все греческие селения, которые, как скоро возвратятся и о таковой соли описи представят, то и в сию губернскую канцелярию рапортовано быть имеет, объявляя при том, что есть и таковая бердянская соль, на которую имеют премьер-майора Фалеева от его поверенного Морозова ярлыки, каковую заарестовывать ли, снабдить указом, до получения которого хотя и заарестована, но мариупольские жители, имеющие рыбные заводы, и купцы

в своем профикте могут лишиться своего прибитка, о чем также испрашивает в резолюции. Приказали в оный греческий суд послать сей указ и велеть, сколько при заарестованной бердянкой соли, у кого найдется данных премьер-майора Фалеева от поверенного на ту соль ярлыков, то все непродолжительно представить при рапорте на рассмотрение в сию губернскую канцелярию. А между тем, буде подлинно те ярлыки даны премьер-майора Фалеева от поверенного Морозова, а не от иного кого, то оную соль отдать тем промышленникам, и о свободной оной соли продаже дать им из суда билеты.

Ноября 10 дня 1782 года.

Ларион Алексеев

ЦДІАУ. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.17–17 зв.

№9

Земского комиссара Константинова в Мариупольский греческий суд Сообщение

Вследствие данного мне от его высокоблагородия господина коллежского советника и губернаторского товарища Лариона Спиридоновича Алексеева от 13 сего декабря под №58 ордера, заарестованную греческим судом бердянскую соль ведомства одного суда греков в городе Мариуполе идущие: Дмитрия Капралова восемьдесят три пуда, Петра Федорова девяносто, Николая Александрова тридцать пять, Назара Кириллова двадцать восемь, Константина Федорова тридцать пять, Федора Маноилова двадцать восемь пуд.

В Старом Крыму – у Лазаря Константинова семьдесят пять, да в Мангуше у малороссиянина Аврама Хоменка тридцать пять, благоволи, оный суд, всю оную отдать тем хозяевам, а для свободной оной продажи им от меня билеты при сем приложены.

Декабря 14 дня 1782 года.

Капитан и земский комиссар Алексей Константинов.

ЦДІАУ. – Ф.1576. – Спр.8. – Арк.19–19 зв.

Примітки

1. *Введенский Р.М.* Соляное дело России в XVIII – первой половине XIX в. / Р.М. Введенский. – М.: МПГУ, 1986.
2. *Записка о содержании старых письменных актов Новороссийского края // Записки Одесского общества истории и древностей.* – Одесса, 1848. – Т.2. – С. 739–790.
3. *Кухар-Онышко Н.* Муж чести и добра / Н. Кухар-Онышко // *Летопись Причерноморья.* – Херсон, 1999. – №1. – С. 49.
4. *Милуков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П.Н. Милуков – М.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1905. – 696 с.
5. *Мурзакевич Н.* Описание городов и уездов Азовской губернии / Н. Мурзакевич // *Записки Одесского общества истории и древностей.* – Одесса, 1853. – Т.3. – С.289–305.
6. *Паллас П.* Краткое физическое и топографическое описание Таврической области / П. Паллас – СПб.: Императорская типография, 1795. – 73 с.
7. *Російський державний архів давніх актів.* – Ф.16. – Оп.1. – Спр.588. – Ч.5. – Арк.120–121.
8. *Скальковский А.А.* Соляная промышленность в Новороссийском крае (1715–1847) / А.А. Скальковский // *Журнал министерства внутренних дел.* – 1849. – Ч.25. – Кн.2. – С.62–104.
9. *Курнаков Н.С., Кузнецов В.Г., Дзенс-Литовский А.И., Равич М.И.* Соляные озера Крыма / Н.С.Курнаков, В.Г.Кузнецов, А.И.Дзенс-Литовский, М.И. Равич – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 278 с.
10. *Тимошевский Г. И.* Духовное и гражданское самоуправление / Г. И. Тимошевский – Мариуполь и его окрестности: отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии. – Мариуполь: Изд. Д.А.Хараджаева, 1892. – С. 94–138.
11. *ЦДІАУК.* – Ф.1576. – Спр.7. – 36 арк.
12. *ЦДІАУК.* – Ф.1576. – Спр.8. – 23 арк.

До історії благодійництва приватних підприємців України в умовах непу

Юрій Волосник

В останні десятиріччя суттєво зріс науковий інтерес до проблем вітчизняного благодійництва та меценатства, але, на жаль, благодійництво нової буржуазії в роки непу все ще перебуває поза увагою вітчизняних дослідників [1, 2, 3]. Між тим, без вивчення цієї проблеми наші уявлення про добу непу та діяльність приватних підприємців будуть не повними.

Мета повідомлення-висвітлення благодійницької діяльності представників підприємницької верстви України в роки непу.

Хронологічні рамки – 1921-1928 рр., тобто період здійснення непу.

Джерельну базу становлять наступні групи документів: періодична преса, опубліковані збірники документів та неопубліковані (архівні) джерела.

Слід зазначити, що в роки непу розвиток підприємництва відбувався, м'яко кажучи, у не надто сприятливому середовищі. Знищення в роки воєнного комунізму інституту приватної власності та наполегливі намагання радянської держави ліквідувати приватне підприємництво призвели до багатьох негативних наслідків, що проявилися вже в добу непу. До їх числа слід віднести депрофесіоналізацію підприємницького корпусу, майже повне зникнення приватнопідприємницьких етичних традицій, різке посилення стяжательських та гедоністичних мотивів приватнопідприємницької діяльності, намагання отримати максимальний прибуток у будь-який спосіб. Гроші, що їх наживали підприємці, часто-густо використовувались на задоволення власних гедоністичних потреб, а не в якості інвестицій у виробництво.

Ситуація суттєво погіршувалась тією обставиною, що радянська держава, керуючись виключно класовими засадами, фактично перетворила непманів на громадян другого гатунку, піддаючи їх соціальній та політичній дискримінації. Виступаючи на XIII з'їзді РКП(б) (травень 1924 р.) один із керівних діячів більшовицької партії Г. Зінов'єв характеризував нову буржуазію як "... новий вид туркестанської лихоманки. Ми її скинули з п'ятого поверху, але вона знову піднялася на ноги. Це в нас своєрідний клас" [4, с. 106]. Свій

внесок у формування негативного іміджу нової буржуазії зробила періодична преса, що всіляко нагнітала та культивувала анти-непманські та антиринкові настрої у суспільстві.

За таких обставин функціонування було важко сподіватися на те, що представники підприємницьких кіл будуть дотримуватися норм чинного радянського законодавства, не намагаючись обійти їх, у будь-який спосіб ухиляючись від їх виконання.

Ось як зарубіжні економісти характеризували умови діяльності непманів. "Свавілля і безправ'я паралізують підприємливість приватного підприємця, – писав (у 1929 р.) А. Югов. – Сьогодні приватному промисловцю здають в оренду підприємство або дозволяють торгівлю, а завтра зважаючи нового зигзагу політики його розоряють і засилають до Полярного кола. Сьогодні дозволяють товариства взаємного кредиту, а завтра причепившись до незначного порушення формальних норм, їх закривають. Особливим декретом демуніципалізують нерентабельні будинки, а через кілька років, після того, як приватні власники призвели будинку в порядок. їх знову забирають, так як вони знову стали рентабельними.

Шахтинський процес наочно показав, що іноземний концесіонер не може працювати в країні, де немає елементарних гарантій права, немає незалежного суду і політичних свобод" [3, с. 301]. Відомий економіст-емігрант І. Кон (1926 р.) так характеризував умови, в яких у СРСР працював приватний підприємець: "... умовах, коли спеціально проти частого капіталу як конкурента держави на економічному терені спрямовується цілий арсенал засобів - від тяжких податків і зборів до відмови в кредиті, у відпускті товарів, перевезення вантажів, тоді на роботу в якості приватних торговців і промисловців можуть йти здавалося б, тільки особливо авантюристичні елементи, причому нажившись, тут же нажите багатство і промотувати, бо збирати його на предмет конфіскації тим або іншим порядком - безглуздо. І судити по тому, як працює цей радянський непман, про те як би працювала приватна ініціатива в умовах правової держави і громадянської свободи, немає ніякої можливості.

Я повинен, втім сказати, - продовжував автор, - що то, як цей радянський непман зараз працює при цих неймовірно важких умовах, – це робить йому, швидше, честь, ніж його порочить" [5, с. 99-100].

Слід зазначити, що в процесі революційних потрясінь 1917–1921 р.р. радянська влада перебрала на себе вирішення всіх соціальних проблем, фактично унеможлививши будь-яку

приватну ініціативу в сфері благодійництва [1, с. 147]. Проте в умовах жорстокої соціально-економічної кризи і голоду на початку непу в країні радянські органи часто-густо й самі були змушені звертатися до новоявлених підприємців-непманів за допомогою для голодуючих. Завдяки цьому непмани мали змогу здійснювати (частково змушено) і за таких несприятливих умов вже традиційну для вітчизняних підприємців благодійницьку діяльність. Підприємці збирали гроші на користь жертв голоду серед представників ділових кіл, діставали продукти харчування, приймали тимчасово у власні родини на утримання дітей (звісно, після ухвалення відповідних рішень місцевими органами влади та управління), патрунували лікарні та заклади соціального забезпечення, переказували пожертвовані кошти на рахунки державних дитячих установ тощо. Про факти благодійницької діяльності непманів публікувалось у підконтрольній владі періодичній пресі. Так, у Юзівці (Сталіно) приватні підприємці погодилися відкрити та утримувати на власні кошти дитячий будинок на 400 осіб [6]. В Одесі у 1921 р. представниками ділових кіл за короткий термін було зібрано понад 1,5 млрд. крб. на користь голодуючих (грошовими знаками зразка 1921 р.) [7]. Крім того, окремі заможні підприємці із власної ініціативи жертвували голодуючим борошно [8]. За рішенням (1922 р.) Одеського соцвиху (відділу виконкому), в Одесі голодуючих дітей тимчасово влаштували в сім'ї заможних громадян [8].

Благодійницька діяльність підприємців не припинялась і після того, як були подолані наслідки голоду 1921-1922 р.р. Підприємці охоче відгукалися на заклики влади і допомагали нормальному функціонуванню лікарень і благодійницьких установ. В м. Штепівці Сумського округу восени 1923 р. місцеві підприємці були залучені до справи патрунування місцевої лікарні. За повідомленням джерела, на зборах, куди були запрошені підприємці, панувала доброзичлива атмосфера, серед непманів домінували настрої співчутливого відношення щодо продовольчої допомоги місцевому лікувальному закладу. В найкоротший термін непманами містечка було зібрано 140 пудів (понад 2,24 тони) жита. А ще одним приватним власником млина на цю справу було пожертвовано понад 50 пудів (тобто 800 кг) пшениці [9].

Гадяцьке приватне ТВК (товариство взаємного кредиту) в роки непу систематично надавало грошові суми для пожертвувань благодійним закладам міста [10]. Приватні підприємці Херсона

(1928 р.), за згодою з місцевим відділом народної освіти, брали на утримання та для трудового виховання дітей, що перебували на обліку цього органу. Серед громадян зустрічаються імена П. Махліна, О. Підкладневої, І. Шмідта, П. Єрмілова, М. Нікітіна та ін. [11]. Раніше (у 1923 р.) приватні крамарі Херсона також ухвалили рішення добровільно зібрати між собою 500 млрд. крб. (зразка 1923 р.) для пожертвувань на ремонт місцевих «Червоних Казарм» [12].

Наведені факти (хоча й нечисленні) свідчать, що й у роки непу приватні підприємці намагалися не залишатися осторонь від традиційної для вітчизняного підприємництва благодійницької діяльності, хоча їхніх фінансових можливостей для такої підтримки було недостатньо. Загальні умови (політичні, ідеологічні, економічні) не сприяли більш масштабній благодійницькій діяльності неупманів, але це був їх певний внесок для покращення життєвої ситуації знедолених, особливо дітей.

Примітки

1. *Пиріг О.* Підприємництво в Україні: від витоків до сьогодення / О. Пиріг, Д. Черняк. – К., 2011.
2. *Сушко О.О.* Особливості становлення та функціонування приватного підприємництва в Україні в період непу (1921-1928 р.р.). Історико-теоретичний аспект / О.О. Сушко – К., 2003.
3. *Югов А.* Народное хозяйство Советской России и его проблемы / А. Югов // НЭП. Взгляд со стороны – М., 1991.
4. *Тринадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет.* 23-31 мая 1924 г. – М., 1924.
5. *Кон И.* Опыт советской национализации / И. Кон // НЭП: взгляд со стороны – М., 1991.
6. *Центральний державний архів громадських об'єднань України* (ЦДАГО України). – Ф. 32. – Оп. 1. – Спр. 1069. – Арк. 28, 33-35.
7. *За серп* и молот: Вечерняя стенгазета Екатеринославского отделения РАТАУ. – 1921. – 31 авг.
8. *Известия* Одесского губисполкома и губкома КП(б)У. – 1922. – 3 января.
9. *Державний архів Харківської області* (ДАХО) – Ф.-П. 1. – Оп. 1. – Спр. зб. 963, – Арк 26.

- 10 *Центральний державний архів вищих органів влади та управління України* (ЦДАВО України). – Ф. 30. – Оп. 1. – Спр. 4241. – Арк. 413зв.
11. *Держархів Херсонської обл.* Ф.Р. – 440. – Оп. 2. – Арк. 18,23,25.
12. *Херсонский коммунар.* – 1923. – 31 авг. – №198(467).

Бердянские купцы XIX столетия: материалы к просопографическому портрету

Виктория Константинова, Игорь Лыман

Важной составляющей исследовательского направления, формирующегося как «бизнес-история», является изучение истории предпринимательских семей (династий). Если говорить о городах Южной Украины XIX в., то именно на представленных здесь купеческих династиях было тесно «завязано» не только непосредственно экономическое, но и в целом развитие этих населенных пунктов и прилегающих территорий, поскольку именно купечество, как правило, играло ведущую роль в органах городского самоуправления. Особенно рельефно ощущалась роль купеческих династий в быстро развивающихся приморских городах региона, в том числе – и в основанном в 1827 г. Бердянске. Систематизация биографических данных о ряде наиболее значимых из представленных в этом городе купцов и купеческих семей и является целью данной статьи.

Историография соответствующего вопроса не является обширной, и, кроме работ самих авторов этой статьи, включает главным образом публикации местных краеведов-любителей. При этом в последнее время важные подвижки в исследовании истории и непосредственно предпринимателей, и в целом экономического развития как самого Бердянска, так и других приморских городов региона делаются благодаря крупному международному проекту «Черное море и его портовые города, 1774-1914. Развитие, конвергенция и связи с мировой экономикой» (руководитель – Тзелина Харлафис), со-финансированного (как и подготовка непосредственно материалов этой статьи) Европейским Союзом (European Social Fund – ESF) и Греческими национальными фондами (Operational Program “Education and Lifelong Learning” of the National Strategic Reference Framework (NSRF) – Research Funding Program: THALES. Investing in knowledge society through the European Social Fund).

Среди купцов, действовавших в Бердянске в XIX в., мы обратим внимание на биографии представителей семей Поповичей,

Джурасовичей, Кобозевых, Пайкос, Парембли, Константиновых и Курри.

ПОПОВИЧИ

Попович Николай Христофорович (?–декабрь 1841 г.) – купец 1-й гильдии. Получил образование в Одессе, в лицее (позже названном Ришельевским). Выполняя наказ родителей, занялся коммерцией. Торговал через Средиземноморские порты, знакомясь с их деятельностью. Позже использовал этот опыт при налаживании заграничной торговли через Бердянский порт. Несколько лет имел торговые конторы в Мариуполе и Одессе. Первым начал настоятельно ходатайствовать перед Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором об открытии Бердянского порта. В 1835 г. первый, получив соответствующее разрешение, отправил из Бердянска груз за границу. В 1836 г. стал одним из первых купцов, переселившихся в Бердянск. Поддерживал тесные контакты с Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором М. С. Воронцовым. В. К. Крыжановский писал в дневнике: «Воронцов, зная лично Поповича как любимца Дюка Де-Ришелье и как своего искреннего гражданина Бердянского, так любил его, что постоянно уважал и все его ходатайства для процветания города, о котором Попович думал более, чем о коммерции своей» [1, с. 8]. Н. Х. Попович хлопотал перед М.С. Воронцовым об открытии в Бердянске почтовой конторы, училища, таможенной заставы, казенного соляного склада, коммерческого собрания. Построил в Бердянске дом, который был копией дома Дюка де Ришелье. Активно занимался благотворительностью. Пользовался большим авторитетом среди бердянцев. Умер в Бердянске в декабре 1841 г., оставив после себя долги [18, с. 22; 15, с. 81, 158–159].

Попович Драго Христофорович – купец, родной брат Николая Христофоровича Поповича. Возглавлял коммерческий дом Поповича в Бердянске после смерти брата. В некрологе Н. Х. Поповича была помещена следующая информация: «Покойный оставил в Бердянске родного брата, под фирмой которого продолжается здесь коммерческий дом Поповича; нельзя не пожелать ему от всего сердца успеха в торговле и продолжения любви здешних граждан. Как велика была привязанность и благодарность умершего к новому своему отечеству, доказывается тем, что он уже на смертном одре просил своего брата, в последний знак его любви, идти по следам его и быть преемником всех его дел. От души желаем и надеемся, что он уважит искреннюю просьбу

покойного брата своего, которая вместе есть и общее наше желание» [18, с. 22]. В «Одесском вестнике» за 1845 г. о деятельности Д. Х. Поповича писалось: «Доставка соли из Геническа нынешнею весну началась исключительно на каботаже Бердянском – и дело идет как нельзя лучше. Путь этот, казавшийся прежде так недоступным, сделался теперь любимым делом наших шкиперов, которые в один рейс употребляют не более семи дней при хорошей погоде. В этом отношении нельзя забыть услугу, которую нам оказал Драго Попович, нарочно посылавший в Геническ открыть все удобства тамошней погрузки» [17, с. 284]. 25 декабря 1842 г. в Бердянске у него родился сын Евгений, крестным отцом которого был В. К. Крыжановский. Вскоре Д. Х. Попович переехал в Триест на постоянное место жительства [1, с. 158–159, 162; 28, с. 315].

ДЖУРАСОВИЧИ

Джурасович Николай Васильевич (?–23 апреля 1854 г.) – один из первых купцов, поселившийся в Бердянске еще до получения этим населенным пунктом статуса города. Вел заграничную торговлю через Бердянский порт. Уже в 1837 г. керченский 1-й гильдии иностранный гость Николай Джурасович произвел через этот порт отпускную торговлю на сумму 1.079.321 руб. [30, с. 413]. Привлек в город целый ряд иностранных торговых контор. Был членом комиссии по сооружению в Бердянске соборной церкви. Построил в городе ряд домов за свой счет. Активно занимался благотворительностью. Пользовался большим авторитетом среди жителей Бердянска. Долгое время поддерживал тесные контакты с Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором М. С. Воронцовым. Именно в доме Н. В. Джурасовича бердянское купечество дало торжественный обед 14 сентября 1852 г., в последний приезд М. С. Воронцова в Бердянск. Умер Н. В. Джурасович в Бердянске 23 апреля 1854 г. Будучи разорен, оставил после себя большие долги [26, с. 1; 27].

В 1850-х гг. в Бердянске продолжал действовать купец Дмитрий Джурасович. В документах Главного комитета, учрежденного в г. Одессе для оказания пособий жителям Новороссийского края, понесшим потери в войну 1853-1856 годов, бердянский купец Дмитрий Джурасович значится как поверенный бердянского купца Иванова, чьи суда были сожжены неприятелем [10, л. 1].

КОБОЗЕВЫ

Кобозев Степан Васильевич – купец, рыбопромышленник, один из первых жителей Бердянска. Подпись С. В. Кобозева как «ногайского купца» была поставлена первой 15 апреля 1830 г. под

приговором жителей «города Ногайска, что при Бердянской косе, где учреждается при Азовском море пристань» о необходимости построить здесь православную церковь [7, л. 2 – 2 об.].

Кобозев Николай Степанович (1793 – 2.03.1866) – первый бердянский городской голова (1841-1857, 1860-1862 [28, с. 395], купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин города. Родился в семье рыбопромышленника С. В. Кобозева. Н. С. Кобозев уделял большое внимание благоустройству Бердянска. Был главным подрядчиком возведения бердянской пристани. Участвовал в обустройстве общественного городского сада, возведении Вознесенского собора. Построил на собственные средства городской театр. Выступал инициатором и участником строительства гостиного двора в Бердянске. Активно занимался благотворительностью. Был владельцем многочисленных рыбных заводов [12], занимался выловом рыбы «по изобретенному им способу» в Черном и Азовском морях [8]. Находился в тесных контактах с Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором М. С. Воронцовым. Во время Крымской (Восточной) войны активно участвовал в организации обороны города и в восстановлении Бердянска после его бомбежки. При этом в 1855 г. в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора велось секретное дело о сношениях ряда бердянцев, в том числе и Н. С. Кобозева, с неприятелем во время его пребывания в городе [9]. Вместе с тем, Главный комитет, учрежденный в Одессе для оказания пособий жителям Новороссийского края, понесшим потери в войну 1853-1856 гг., рассматривал дело «О пособии почетному гражданину Кобозеву за потерю в минувшую войну 14 рыболовных заводов, 6 судов и одного брига» [11]. Н. С. Кобозев выступил строителем Николаевской церкви, которая была освящена в 1861 г. После завершения пребывания на должности городского головы был подрядчиком строительства бердянского мола (волнореза). Неоднократно критиковался за допущенные злоупотребления. Был членом комиссии по ходатайству о проведении в Бердянск железной дороги. Умер, оставив после себя большие долги. Награжден тремя золотыми медалями, орденом Святой Анны 3 степени. В 2007 г. в Бердянске в честь Н. С. Кобозева был установлен памятный знак [12].

Кобозев Николай Степанович – родной брат первого городского головы Бердянска [28, с. 313]. Обосновался в Керчи, став почетным гражданином этого города [28, с. 313].

ПАЙКОСЫ

Пайкос Михаил Егорович (Григорьевич, Георгьевич) – купец, потомственный почетный гражданин, консул Греции (в этом статусе упоминался в документах 1857, 1865, 1872 гг.) и Нидерландов (первое упоминание – в 1872 г.) в Бердянске. Первое упоминание имени М. Е. Пайкоса в бердянских корреспонденциях «Одесского вестника» относится к 1850 г., когда газета сообщила, что в результате шторма два судна, принадлежавшие М. Е. Пайкосу, были выброшены на берег у пристани с небольшими повреждениями; оба судна были застрахованы [5, с. 1–2]. В 1857 г. уже в статусе консула Греции М. Е. Пайкос был направлен бердянскими греками в Одессу к архиепископу Херсонскому и Таврическому для испрошения архипастырского благословения на сооружение в Бердянске первой греческой церкви, во имя Христа Спасителя [20, с. 160]. В 1861 г. пресса сообщила о том, что во время бури принадлежащее М. Е. Пайкосу судно «Олимпос» (шкипер Г. Стафелари) было выброшено на берег по левую сторону пристани с большим повреждением в корпусе и такелаже [32, с. 215–216]. В 1866 и 1867 гг. значился в числе гласных уездного земского собрания [16, с. 357, 362]. В 1868 г. в статусе члена комиссии по устройству Бердянского порта М. Е. Пайкос участвовал в торжествах по случаю освящения волнореза, сооруженного на Бердянском рейде из гранитного камня [23, с. 837]. О состоянии М. Е. Пайкоса В. К. Крыжановский писал: «Михайло Григорьевич Пайкос имел в 1869-м году капитала до сорока тысяч в торговле; но что-то много из него потерял в торговле осенью 1869 года» [1, с. 176]. В 1872 г. М. Е. Пайкос выдвигался депутатом от бердянских купцов для лоббирования в Петербурге вопроса о проведении железной дороги к Бердянску [34, с. 282]. В. К. Крыжановский в своих дневниках несколько раз упоминает, что консул М. Е. Пайкос в суровые морозы бесплатно раздавал бердянским беднякам уголь, а его жена «сама развозила бедным рис и другое пособие» [1, с. 72, 76]. Умер М. Е. Пайкос в Бердянске.

Супруга консула, **Марья Григорьевна Пайкос**, часто упоминалась в прессе как организатор и исполнитель благотворительных концертов. В частности, в 1877 г. бердянский корреспондент писал: «Единственное развлечение представляли несколько концертов, которые устраивались благодаря местной нашей артистке, жене греческого консула М. Г. Пайкос и проживающему у нас весьма талантливому артисту мянису г. Кортману» [22, с. 3].

Пайкос Андроник Михайлович – купец, был вице-консулом Швеции и Норвегии. Назначен в 1890 г. [2, с. 3]. Упоминается в таком статусе и в документах 1911 г. Сын греческого и нидерландского консула Михаила Пайкоса. Семья Пайкос в XIX – начале XX в. владела домом, расположенным на Театральном проспекте. Сами Пайкосы жили на первом этаже, а второй этаж арендовала гостиница «Метрополь». Дом сохранился до наших дней. Андроник Пайкос выехал из города еще до событий 1917 г. [28, с. 37].

ПРЕАМБЛИ

Парембли (Паремблис) Матвей (Матео) Иванович – купец, грек. В 1840 г. Парембли присутствует в списке 14 иностранных контор, действовавших в Бердянске [31, с. 428–430]. В опубликованном в 1842 г. «Списке купцам, производящим торговлю в Бердянске» значится, что керченский 1-й гильдии иностранный гость Матео Парембли вел здесь торговлю с 1840 г. и его оборот составил 134488 рублей серебром [30, с. 413]. В 1857 г. М. И. Парембли значился попечителем о греческой церкви, которая планировалась к сооружению в Бердянске и место под которую 8 октября 1857 г. освятил преосвященный Димитрий, архиепископ Херсонский и Таврический [19, с. 555]. В ноябре 1865 г. избран одним из директоров коммерческого клуба в Бердянске [1, с. 106]. В ноябре 1866 г. В. К. Крыжановский записал в своем дневнике: «На сих днях цены на хлеб так поднялись, что многие амбарщики хорошо заработали, и г-н Парембли лучше всех» [1, с. 147]. В 1872 г. Парембли назывался в числе крупнейших коммерческих домов Бердянск [25, с. 98–99]. В 1878 г. Парембли отпустил через Бердянский порт 28265 четвертей зерна [21, с. 2]. Фамилия Парембли встречается среди подписавших 27 марта 1881 г. заявление купцов города в поддержку ходатайства местных властей о проведении к Бердянску железной дороги. Входил в состав временной комиссии по устройству Бердянского порта, учрежденной согласно Высочайшему повелению, объявленному в указе Сената от 3 июля 1853 г. В 1886 г. об этом «Одесский вестник» писал: «Двух выбывших членов заменили Н. Луи и М. Парембли; но эти члены, как люди самостоятельные, числиться только номинально членами комиссии не пожелали и в 1884 г. отказались» [33, с. 3].

Дочь М. И. Парембли, Анна Матвеевна, была женой последнего греческого консула Бердянска Григория Ивановича Пападаки. М. И. Парембли был дружен с бердянским начальником города и порта П. П. Шмидтом. Его жена Хаиклея Пантелеймоновна в октябре

1882 г. присутствовала при миропомазании жены П. П. Шмидта, а в апреле 1884 г. крестила его сына Льва [29].

КОНСТАНТИНОВЫ

Константинов Пантелеймон Афанасьевич – потомственный почетный гражданин города Бердянска, купец 2-й гильдии. Жил в Бердянске с первых лет его основания. В 1850-х гг. построил для своей семьи дом недалеко от порта [28, с. 319]. Позже напротив этого дома была построена Бердянская мужская гимназия.

Константинов Константин Пантелеймонович – бердянский городской голова, потомственный почетный гражданин города Бердянска, купец 2-й гильдии. Впервые был избран городским головой 30 ноября 1862 г., но результаты этих выборов были опротестованы. Повторные выборы проиграл. Был избран словесным судьей в конце 1863 г. Будучи в 1871 г. избранный Бердянским городским головой, много сделал для развития города. В 1873 г. за оскорбление мирового судьи был приговорен к трехмесячному тюремному заключению. В конце 1874 г. в связи с болезнью подал прошение об отставке с должности городского головы. В 1869–1874 гг. был гласным уездного земского собрания [4, с. 18, 42, 128, 130, 131, 135, 137, 138, 140-142, 164, 193 - 195, 232, 272, 323, 325, 372 - 375, 376, 380, 382, 388, 418, 419, 436, 459, 469, 472, 473, 475, 476, 482; 13].

Константинов Николай Пантелеймонович – младший брат бердянского городского головы К. П. Константинова, потомственный почетный гражданин города Бердянска, купец 2-й гильдии. В 1865 г. был избран старостой бердянской соборной церкви. 23 ноября 1872 г. избран Бердянской городской думой, а 23 сентября 1873 г. – уездным земским собранием на должность почетного попечителя мужской гимназии. Утвержден в этой должности 2 февраля 1874 г. и находился на ней до 1877 г. Председательствовал в комиссии по устройству здания мужской гимназии. Был директором русского клуба в Бердянске. Занимал пост директора городского банка, однако в связи с разгоревшимся скандалом в 1876 г. уволен с этой должности и предан суду. Избирался гласным Бердянской городской думы. Как гласный от г. Бердянска в 1872-1874, 1900–1904 гг. принимал участие в сессиях Бердянского уездного земского собрания. Исполнял обязанности члена попечительного совета Бердянской женской гимназии с 1 октября 1900 г. 12 февраля 1901 г. утвержден в этой должности. Занимался благотворительностью в пользу соборной церкви,

гимназической Александро-Невской церкви, учеников Бердянских мужской и женской гимназий. В 1905 г. был награжден медалью «За усердие» на Владимирской ленте. В 1908 г. награжден золотой шейной медалью на Александровской ленте [4, с. 8, 11, 73, 131, 133-135, 137, 168, 232, 275, 327, 332, 345, 382, 386, 419, 443, 480; 14].

Константинов Пантелеймон Константинович – почетный городской судья, в 1917–1918 гг. – городской голова Бердянска [28, с. 321].

Константинов Иван Константинович – исполнительный директор городского общественного банка [28, с. 321].

КУРРИ

Григорий, Иван, Ставро, Харламий, Павел, Афанасий Курри – представители известной в Бердянске греческой купеческой семьи. Григорий, Иван, Ставро Курри были в числе подписавших заявление негодичантов Бердянска от 27 марта 1881 г. в поддержку ходатайства местных властей о проведении к Бердянску железной дороги [28, с. 200]. Афанасий Курри входил в состав временной комиссии по устройству Бердянского порта, учрежденной согласно Высочайшему повелению, объявленному в указе Сената от 3 июля 1853 г. [33, с. 3]. В дневниках «бердянского летописца» В. К. Крыжановского Курри значится как один из купцов, вывезших через Бердянский порт наибольшее количество зерна в 1875 г. [1, с. 207]. В 1878 г. В. К. Крыжановский писал в своей газетной статье: «Навигация при бердянском порте закипела. Сегодня три наших деятельных негодичанта начали грузить пшеницу для отправки за границу, а именно: г. Тубино на итальянское судно «Nappa» (шкипер Доменико Пенко) и Г.К. Куппа, Порро и Курри – тоже пшеницу» [24, с. 3]. В статье 1879 г. он же писал: «В громадной отпускной операции нашего порта минувшего года принимали участие коммерческие конторы порта нашего, именно: Амбанопуло – 210.800 четв., Тубино – 210.000 ч., Порро – 200.010 ч., Курри – 181.160 чет., Луппи – 146.750 четв., Банкери – 111.380 ч., Шарно – 51.180 ч., Ликиардопуло – 39.102 ч., Фресине – 36.804 четв., Ортензато – 34.820 ч., Парембли – 28.265 ч., Станио – 20.000 ч., Капитанаки – 8.000 ч., Хардало – 5.000 ч., и, наконец, незаменимый наш негодичант Герасим Константинович Куппа – 450.000 ч.» [21, с. 2]. В статье «Одесского вестника» за 1887 г. сообщалось: «Навигация открылась. Каботажные суда с мест стоянки подошли к пристани, к той ветхой, полуразвалившейся пристани, о которой так много писалось. Сегодня началась усиленная грузка хлеба.

Грузят г. Кури, Сангвинети и др.». [3, с. 3]. На Бердянском кладбище сохранился памятник с эпитафией: «Здесь, в краю гипербореев, вдали от Греции, жену Афанасия Курри, его любимую Хариклею, урожденную Амбанопуло, мертвую хранит в себе земля. Из любимых детей трое было цветущих подростков на радость родителям, но их постигла злая судьба и хворь. Когда они сникли, боль перешла в царство Аида. Хариклея Курри – жена Афанасия Курри, родилась 4 декабря 1830 г., ум. 12 октября 1879 г. Евгения Курри, родилась в Бердянске 15 марта 1875 г., умерла 22 января 1877 г. Илья Курри, родился в Бердянске 20 октября 1873 г., умер 6 апреля 1878 г. Мария Курри, родилась 26 марта 1874 г. в Бердянске, умерла ... апреля 1878 г.» [28, с. 200–201]. В метрических записях Бердянского Вознесенского собора краеведом П. П. Архипенко были найдены следующие записи о семье Курри: «Греческого подданного Афанасия Ильича сына Курри жена Хариклея, 38 лет. Умерла от родов в 1879 г. Обряд совершил священник Парфений Измайлов»; «Бердянского иностранного гостя Афанасия Курри дочь Евгения умерла от младенческой 19 января, похоронена 21 января 1877 г. Обряд совершил священник Парфений Измайлов»; «Сын Илья, 7 лет, умер от дифтерита, похоронен 10 апреля 1878 г. Обряд совершил священник Аполлон Щербаков». После смерти Хариклеи Курри и детей Афанасий Курри женился на Евгении Стоматиевне. У них родились сын Ставро (24 апреля 1884 г.), дочь Мария (7 марта 1886 г.), сын Григорий (24 ноября 1887 г.). Представители семьи Курри жили в Бердянске по ул. Зеленой, дом 13 [28, с. 201–202]. В издании «Весь Бердянск и его уезд. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга» за 1911 г. упоминаются Я.Я. Кури, Н. Л. Кури, Г. Кури, А. П. Кури, С. И. Кури. [6, с. 77–78].

Таким образом, изучение биографий наиболее значимых в истории Бердянска XIX в. купеческих семей дает возможность не только «увидеть лица» и персонифицировать экономическую историю, но и проследить целый ряд тенденций, связанных с продвижением довольно извилистым путем модернизации и южноукраинского региона в целом, и его приморских городов, находившихся «на острие» этих модернизационных процессов. Обратим внимание на многонациональный состав купечества; на его преобладающую, в отличие от регионов с более «долгой» непрерывной историей городов, «неавтентичность», не местное происхождение; на тесную связь купечества в первую очередь с транзитной торговлей через Бердянский порт; на весомость вклада купеческих семей в развитие

города; на высокую степень включенности наиболее авторитетных купцов в местное самоуправление; на высокую степень риска, связанного с занятием предпринимательством, а соответственно и на большой процент банкротств даже среди самых успешных купцов; на характер родственных связей представителей разных династий купцов Бердянска как внутри самого города, так и за границами Российской империи.

Примечания

1. Баханов К., Лыман И. Бердянск в дневниках титулярного советника В.К. Крыжановского // Крыжановский В. К. Дневники. – Запорожье: Просвіта, 2002. – 218 с., ил.
2. Бердянск // Одесский Вестник. – № 65. – 10.III.1890. – С. 3.
3. Бердянск // Одесский Вестник. – № 79. – 22.III.1887. – С. 3.
4. Бердяньска чоловіча гімназія (остання третина XIX століття) / Упорядники: В. Константинова, І. Лыман // Матеріали з історії Бердяньського державного педагогічного університету. Том I. — К.: «Освіта України», 2006. – 528 с.
5. В.С. Вести из Бердянска // Одесский Вестник. – № 96. – 2.XII.1850. – [С. 1-2].
6. Весь Бердянск и его уезд. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга. – Симферополь: типо-лит. Звенигородского П. Ф. Вересотской и Брахтман, 1911.
7. Государственный архив Одесской области. – Ф. 1 (Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора). – Оп. 191. – Д. 44 (1839 г.) (О постройке церкви вблизи города Ногайска на Бердянской косе). – Л. 2-2 об.
8. Государственный архив Одесской области. – Ф. 1 (Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора). – Оп. 195. – Л. 46 об.: Д. 548 (1857 г.) (По препровожденной Г. Министром В. Дел просьбе почетного гражданина Кобозева о дозволении ему заниматься ловлею сельдей в Черном и Азовском морях и Керченском проливе по изобретенному им способу). – 115 л. [Дело не сохранилось].
9. Государственный архив Одесской области. – Ф. 1 (Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора). – Оп. 203.

- Л. 5: Д. 41 (1855 г.) (О лицах, имевших сношение с неприятелем во время пребывания его в Бердянске, как то: о градском главе Кобызеве, маклере Косте, иностранце Дедоменико, негодянте Бонне, купцах Кожевникове и Анановеи лекаре Кромиде). – [Дело не сохранилось].
10. *Государственный* архив Одесской области. – Ф. 1 (Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора). – Оп. 230. – Д. 44 (О вознаграждении поверенного Бердянского купца Ивановича, Бердянского же купца Дмитрия Джурасовича за сожженные во время войны суда, принадлежащие его верителю. Кончено 5 июня 1861 г.). – 1 л.
 11. *Государственный* архив Одесской области. – Ф. 1 (Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора). – Оп. 230. – Л. 24 об.: Д. 212 (О пособии почетному гражданину Кобозеву за потерю в минувшую войну 14 рыболовных заводов, 6 судов и одного брига. Кончено 13 января 1859 г.). – 11 л. [Дело не сохранилось].
 12. *Константинова В. Кобозев Микола Степанович* // Славетні запоріжці [Электронный ресурс] // URL: http://sites.znu.edu.ua/news_details.php?news_id=6136&lang=ukr (Дата обращения: 22.01.2014).
 13. *Константинова В. Константинов Костянтин Пантелеймонович* // Славетні запоріжці [Электронный ресурс] // URL: http://sites.znu.edu.ua/news_details.php?news_id=6191&lang=ukr (Дата обращения: 22.01.2014).
 14. *Константинова В. Константинов Микола Пантелеймонович* // Славетні запоріжці [Электронный ресурс] // URL: http://sites.znu.edu.ua/news_details.php?news_id=6193&lang=ukr (Дата обращения: 22.01.2014).
 15. *Константинова В. Попович Микола Христофорович* // Славетні запоріжці [Электронный ресурс] // URL: http://sites.znu.edu.ua/news_details.php?news_id=6914&lang=ukr (Дата обращения: 22.01.2014).
 16. «*Краций* порт Азовського моря». Літопис історії Бердянська очима кореспондентів «Одеського Вісника» (1861 – 1875 рр.) // Упорядники: І.І. Лиман, В.М. Константинова. – Бердянськ – Таганрог: РА «Тандем – У», 2007. – 402 с.
 17. *Крыжановский В.* [В. Кр.] 5-го июля // Одесский Вестник. – № 58. – 21.VII.1845. – С. 284.
 18. *Крыжановский В.* [К.] Н.Х. Попович // Одесский Вестник. – № 5. – 17.I.1842. – С. 22

19. *Крыжановский В.* 10-го октября // Одесский Вестник. – № 116. – 17.X.1857. – С. 555.
20. *Крыжановский В.* 11-го марта // Одесский Вестник. – № 33. – 21.III.1857. – С. 160.
21. *Крыжановский В.* 19 марта // Одесский Вестник. – № 66. – 25.III.1879. – С. 2.
22. *Крыжановский В.* 2-го апреля 1877 г. // Одесский Вестник. – № 74. – 9.IV.1877. – С. 3.
23. *Крыжановский В.* 2-го ноября // Одесский Вестник. – № 247. – 9.XI.1868. – С. 837.
24. *Крыжановский В.* 9 марта // Одесский Вестник. – № 63. – 18.III.1878. – С. 3.
25. *Крыжановский В.* Бердянск // Одесский Вестник. – № 25. – 1.II.1872. – С. 98-99.
26. *Крыжановский В.* Бердянск // Одесский Вестник. – № 52. – 15.V.1854. – С. 1.
27. *Лиман И. Джурасович Микола Васильович* // Славетні запоріжці [Электронный ресурс] // URL: http://sites.znu.edu.ua/news_details.php?news_id=5780&lang=ukr (Дата обращения: 22.01.2014).
28. *Михайличенко В., Денисов Е., Тишаков Н.* Бердянск. Взгляд через столетия. – Бердянск: Південна зоря; Запорожье: Дикое Поле, 2010. – 448 с., ил.
29. *Пападаки Григорий Иванович* // Греки Украины. Вчера. Сегодня. Завтра [Электронный ресурс] // URL: <http://www.greeks.ua/ru/default/index/persons?id=62&persons=gpadaki> (Дата обращения: 22.01.2014).
30. *Список* купцам, производящим торговлю в Бердянске // Одесский Вестник. – № 88. – 4.XI.1842. – С. 413.
31. *15-го* ноября // Одесский Вестник. – № 97. – 4.XII.1840. – Кол. 428-430.
32. *1-го* апреля // Одесский Вестник. – № 49. – 4.V.1861. – С. 215-216.
33. *8* сентября // Одесский Вестник. – № 252. – 19.IX(1.X).1886. – С. 3.
34. *Н. К.* Бердянск // Одесский Вестник. – № 71. – 30.III.1872. – С. 282.

Организация и система управления французскими предприятиями сферы модельного бизнеса глазами советских модельеров (по архивным материалам 1950-1960-х годов)

Ольга Корниенко

Известно, что Франция во второй половине XX в. являлась законодательницей мировой моды и, несмотря на поиски некоторыми странами самостоятельных путей в моде, их представители ежегодно приезжали к открытию сезона в Париж: купить, позаимствовать или поучиться. Не был исключением и Советский Союз. В 1950-1960-е гг. наблюдается установление целой сети каналов, по которым происходило проникновение западной моды в СССР. Материалы фондов Российского государственного архива экономики (Ф. 523 «Общесоюзный Дом моделей одежды МЛП СССР», Ф. 9480 «Государственный комитет по науке и технике Совета Министров СССР») и Российского государственного архива новейшей истории (Ф. 5 «Аппарат ЦК») 1950-1960-х гг. дают важный материал о поездках советских специалистов в области моды во Францию.

Первая зафиксированная поездка представителей Общесоюзного дома моделей одежды (ОДМО) произошла в 1957 г. [3, с. 81]. В качестве продолжения сотрудничества советские модельеры получили приглашение в Париж на январь 1960 г., на презентацию новой коллекции весна-лето. 13 января 1960 г. ЦК разрешил выезд двух представителей Дома моделей во Францию на 10 дней [1, с. 1]. Увлечение парижской модой привело к тому, что программа визита советских модельеров стала разнообразнее во время последующей поездки, которая состоялась в марте-апреле 1965 г. В составе советской делегации было 5 человек, она пребывала во Франции в течение 19 дней [2, с. 1]. Основными задачами поездки было «ознакомление с организацией вопросов моды на фирмах и предприятиях, занимавшихся выпуском модной продукции; влияние моды и экономики на ассортимент, его сменяемость и эстетический уровень одежды населения; изучение системы работы фирм, моделирующих одежду и сопутствующие ей предметы» [2, с. 1].

Основной фирмой, которая принимала участие в составлении программы и предоставила возможность наиболее подробно

познакомиться с системой ее работы, была фирма «Кристиан Диор». Помимо фирмы «Кристиан Диор», советские специалисты посетили мастерские Диора в Блуа, а так же фирмы «Жак Грифф», «Лампрер», «Скандаль» в Лионе (предметы женского туалета), «Шарль Журдан» в г. Роман (обувь), «Лесюр» в Париже (шерстяные ткани), «Натъе» в Париже (шерстяные ткани), «Буссак» в Париже (хлопчатобумажные ткани), шелковую фабрику «Бьенкини-Ферье» в г. Турион, «Бель Жардиньер» в Париже (магазин-предприятие) и «Арман-Тири» в Бордо (производство мужских костюмов). По возвращении на родину, советские специалисты составили подробный отчет (58 страниц) об организации и системе управления французской модой, а также внесли свои выводы и предложения. Ниже приводятся выдержки из этого отчета.

Отчет о поездке во Францию группы специалистов с целью ознакомления с моделированием и производством одежды, а также выпуском новых рисунков и структур тканей для швейной промышленности

I. МОДЕЛИРОВАНИЕ

24 фирмы «От кутюр» – вершина парижского моделирования. <...> За многие годы в работе всех парижских фирм, так или иначе обслуживающих моду, сложилась своя очень четкая система, свои традиции и выработалось мастерство, секреты которого бережно охраняются. Все до одной фирмы, независимо от уровня и размаха готовят «модные коллекции» своих образцов в тайне друг от друга и выпускают их в свет – каждые полгода – новые. Никогда не бывает никаких «переходящих» моделей, задержавшихся тканей и т.д. Каждые полгода – новые ткани, новые модели, новые украшения, модели белья, обуви и т.д. Все, что было в прошлом полугодии – снимается, или распродается очень быстро с большой уценкой. Это касается всех, начиная от самых крупных «королей моды», моделирующих фирм «От кутюр» и кончая мастерскими при магазине. Эта незыблемая система расписана даже по числам: фирмы «От кутюр» выпускают свои коллекции в конце января и конце июля, фирмы массового пошива с интервалом 7-8 месяцев после первых модных фирм – в ноябре и июне. Модели в массовом пошиве выходят через 3 месяца после выпуска массовых моделей. Таким образом, общий цикл внедрения первых модных предложений длится примерно год, проходя две ступени до потребителя: «высокая мода» – «мода массовая» [2, с. 3].

Кроме ясной и четкой системы в работе всех фирм характерна так же другая черта: нет ни одного предмета в коллекции любой фирмы, который нельзя было бы купить сейчас же после показа или заказать и получить через одну-две недели. Нигде, никогда не выпускаются модели, образцы или изделия «для показов» или «для выставок». Они выпускаются только для продажи – фирмам, предприятиям, магазинам, или частным клиентам. Это обеспечивает реальность распространения и внедрения парижской моды. На все показы и выставки за рубежом фирмы возят те же самые модели, которые вышли у них в этом сезоне, не меняя ни сроков их выхода, ни расписания показов у себя, и не создавая дополнительных моделей.

Обычная схема построения парижской моделирующей фирмы это – моделирующая организация, серийное производство и магазин. При этом у каждой фирмы есть круг смежных предприятий, поставляющих по заказу специальные аксессуары и материалы так же не только для единичных моделей, а для нужной серии или для продажи в фирме [2, с. 4].

МОДЕЛИРУЮЩИЕ ФИРМЫ КРИСТИАН ДИОР

Фирма «Кристиан Диор» представляет большой интерес для изучения вопросов моделирования, организации моды и координации. Это фирма самого высокого класса, впитавшая в себя лучшие вековые традиции Франции в этой области, хотя она возникла значительно позднее некоторых домов той же плеяды. Диор, будучи умным и талантливым художником, сумел заложить в ее организацию такие принципы, которые завоевали ей широкую популярность во всем мире. Престиж дома не пошатнулся и после смерти Диора, когда творческие вопросы перешли в руки его учеников. Фирма связана с большой группой смежных предприятий и демонстрирует два раза в год новые коллекции одежды (150-180 моделей), обуви, мехов, новые украшения, белье, т.е. весь комплекс предметов, входящих в одежду.

В работе фирмы поражает и заслуживает углубленного изучения мастерство модельеров и конструкторов при разработке новых форм одежды, а также четкая, налаженная система и пунктуальность в организации выпуска, подбора материалов и цветов, связи с предприятиями. Фирма имеет свои филиалы в Лондоне и Нью-Йорке. <...> Всеми коллекциями дирижирует один художник –

Марк Боан, ученик Диора, раньше он делал модели для Лондона. О нем в фирме говорят в превосходной степени: «он придумал, он выбрал, он решил» и т.д. Никаких других слов вы не услышите. Что предложил Марк Боан – это закон. Никаких художественных советов и согласований не бывает, потому что в общем художник отвечает за все. Если то, что он предложил не будут покупать – фирма прогорит. Конечно, его ответственность огромна, но и престиж человека всегда выше, ему верят, его рекомендациям следуют [2, с. 5].

КОЛЛЕКЦИЯ МОДЕЛЕЙ «БУТИК»

Кроме направляющих модных коллекций женской одежды и аксессуаров, фирма «Кристиан Диор» разрабатывает все эти предметы на более массовом уровне, так называемые коллекции «Бутик», состоящие из 100 моделей в сезон [2, с. 8]. Эти модели, сделанные с таким же мастерством, являются более простыми, применяют менее дорогие ткани и предназначены для малых серий (иногда с дошивом) и для частных заказов. Если в изделиях модного направления («высокая мода»), описанных выше, большое место занимает нарядная одежда, то в моделях «Бутик» мы видим и домашнюю, спортивную, пляжную, повседневную и т.д.

Малые серии изделий по этим моделям, а так же частные заказы выполняются в мастерских Диора в г. Блуа под Парижем. В нижних салонах Диора на Авеню Монтень, которые тоже называются «Бутик», продаются все предметы, относящиеся к моде этого сезона, о которых говорилось выше: сумки, туфли, украшения, платки, пояса, чулки и т.д.

ЖАК ГРИФ, ФИРМА «ОТ КУТИОР»

Здесь общая культура и даже вкус стоит на значительно более низком уровне, чем «Кристиан Диор», хотя она так же рекламируется прессой. Посещение этой фирмы было для нас полезно только с точки зрения ориентировки и более осторожного подхода к увиденному, так как оказалось, что не все Парижские фирмы достойны изучения и подражания [2, с. 12].

В коллекции много слабых моделей, видимо созданных по вкусу какой-то группы заказчиков. Много мелких раздробленных деталей, нет такого размаха и в то же время лаконичности и простоты, которой отличаются часто французские модели высокого класса. Усиленно пропагандируются юбки-штаны для любого назначения,

даже для вечера. Причем покрой их очень сложен, так как со спины это нормальная юбка, а штанины видны только спереди. В повседневной одежде рукодельные отделки: зубчики, разрезики, плиссированные годе. В общем, здесь, несмотря на соблюдение общих принципов работы фирм – ансамбль, комплексность, сменяемость по срокам и т.д., само содержание коллекции и модные предложения менее интересны [2, с. 13].

ФИРМА «ЛАМПРЕР»

Модели этой фирмы менее высокого уровня, чем «Кристиан Диор», хотя в них нет плохого вкуса и они интересны тем, что предназначены для массового и серийного выпуска. Серии изделий пошиваются здесь же в мастерских фирмы по заказам магазинов. Здесь, как в мастерских Диора, работа ведется по методу использования единых основ. Применяется так же много различных прокладок. Внешний вид изделий очень хороший, хотя внутренние швы не отличаются чистотой.

Фирма «Лампрер» занимается только женской одеждой и в основном молодежного характера, не разрабатывая никаких аксессуаров и предметов женского туалета. Однако она представляет интерес еще с других позиций: несколько лет назад глава этой фирмы организовал всемирную ассоциацию моды, в которую вошли массовые фирмы многих стран. Ассоциация пытается оказать влияние на общее развитие мировой моды, координируя достижения различных домов и стран.

Хочется отметить, что все моделирующие фирмы Парижа имеют общее в организации своей работы: они выпускают свои коллекции моделей без всякого утверждения или показа каким-либо советам, все направление работы решается одним главным художником с привлечением ведущих модельеров. Характерно так же, что почти все фирмы занимаются продажей готовых изделий и аксессуаров в своих салонах «Бутик» [2, с. 13].

Характерна коммерческая сторона жизни фирмы. Даже самые дорогие жема моделей, как Диор, которые продают свои модели фирмам и частным заказчикам по баснословным ценам и имеют право продать несколько раз каждую модель, не окупают своих затрат. Их доходы держатся зачастую на продаже других фирменных изделий, например духов, а так же имеет значение серийный выпуск швейных изделий, которым занимаются все фирмы [2, с. 14].

СМЕЖНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ДУХИ «КРИСТИАН ДИОР»

Парфюмерная фабрика расположена под Парижем в двух корпусах новой архитектуры. Это самостоятельное предприятие, выпускающие парфюмерию для фирмы «Кристиан Диор». Здесь создаются духи, одеколон и туалетная вода четырех наименований: «Мисс Диор», «Диориссимо», «Диорама» и «Диорлинг». Кроме того, выпускаются те предметы косметики, которые меняются вместе с изменением моды в одежде: губная помада и лак для ногтей.

Как и на других предприятиях, работающих на «высокую моду», здесь поражают два момента: необычайная четкость и ритмичность в организационных вопросах и необычайно высокое качество, которое является делом престижа фирмы и контролируется ежеминутно на всех участках работы, начиная с сортировки фирменных знаков и флаконов и кончая точности соблюдения рецептуры и технологических режимов.

Так, в огромном складе упаковочных материалов, получаемых от других фирм ведется тщательный отбор и проверка всех предметов на качество. Причем, на наш взгляд, забракованные изделия почти невозможно было отличить от принятых, настолько незначительные были их пороки. <...> На фабрике имеется специальное художественное бюро, где работают 4 художника. Несмотря на то, что все оформление является традиционным, в стиле Людовика XVI, художники постоянно изобретают небольшие изменения и варианты упаковки, создают рекламные и выставочные стенды. Кроме того, специальные рекламные рисунки фирма заказывает известному парижскому художнику Грхоо [2, с. 18].

ФИРМА «СКАНДАЛЬ» В ЛИОНЕ

Выпускает предметы женского туалета самого высокого качества: пояса, бюстгалтеры, грации, корсеты, медицинские бандажи.

Предприятие производит весь цикл работ, начиная с варки резины и кончая выпуском готовых изделий в упаковке. <...> Модели разрабатываются здесь же на предприятии: каждый сезон 6-7 базовых форм и различные варианты отделки, материалов. Всего в сезоне создаются около 40 моделей [2, с. 19].

III. ТЕКСТИЛЬ ШЕЛКОВАЯ ФАБРИКА «БЪЕНКИНИ-ФЕРЬЕ» В Г. ТУРИОН

Фабрика вырабатывает шелковые ткани в широком ассортименте. Очень много работает на экспорт в Тунис, Алжир, Марокко и т.д., куда идут ткани, главным образом с цветочным орнаментом и очень ярких расцветках, много с отделкой на серебристом каландре .70% всего суровья на фабрике составляет натуральный шелк отечественный и частично покупается в Японии и Китае, а остальные 30% – это штапель, вискоза, хлопок и шерсть [2, с. 20]. <...> Два раза в год фабрика подготавливает новые коллекции – к весенне-летнему сезону и осенне-зимнему; к каждому сезону подготавливается 250 новых рисунков и 25-30 структур и только некоторые переходят в новую коллекцию или видоизменяются.

Фабрика имеет всего двух художников, которые выполняют отдельные задания и в большинстве это работа рекламного характера: этикетки, упаковки и т.д. Имеется главный художник, обязанностью которого является давать направление на сезон в цвете и характере рисунка, закупка рисунков в Париже (или других странах), у частных художников, которые подходят к задуманному направлению [2, с.23]. <...> Обязанностью главного художника является также колорирование всех 250 рисунков в цвете, т.е. к каждому рисунку художник подбирает по 6-7 расцветок, итого в сезон 1500-1700 видорисунков. <...> Должность главного художника считается на фабрике самой дорогой профессией и обычно это сын, дочь, брат или другой ближайший родственник предпринимателя.

ФИРМА «ЛЕСХОР» В ПАРИЖЕ

Шерстяные ткани высокого качества для женской одежды. В основном фирма является поставщиком модельных домов «От кутюр». <...> Фирма готовит одновременно три коллекции в структурах и колорите [2, с. 24]. <...> Вся подготовка ведется по четкому графику. Графики прохождения разработки тканей и выполнения заказов находятся в одной комнате на 3-х стенах. Это металлические стенды с передвигающимися вставными строчками, где указываются номера заказов и даты. <...> На графике четко видно в каком состоянии находится данный заказ и как идет подготовка будущей коллекции. Кроме того, имеется специальное бюро учета пряжи. На каждый вид пряжи здесь имеется карта, где

отражены даты получения пряжи, передачи заводу, сколько ее ушло и когда, сколько имеется в остатке. Всего фирма располагает около 2 тыс. колористик пряжи.

ФИРМА «НАТЬЕ» В ПАРИЖЕ

Эта фирма дает шерстяные ткани только для женской одежды для больших домов моделей, как Диор, Шанель, Ив Сен-Лоран и т.д. для создания в первую очередь коллекций «От кутюр». Ткани, взятые в коллекцию «От кутюр» поступают в массовую продажу только через год и изготавливаются уже из более дешевого сырья, но по внешнему виду выглядят одинаково. Фирма имеет свой филиал в Италии. <...> Все ткани этой фирмы очень красивы и разнообразны по структуре и представляют интерес для Советского Союза [2, с. 27].

IV. ШВЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

ФИРМА «БЕЛЬ ЖАРДИНЬЕР» В ПАРИЖЕ

Крупное торгово-промышленное объединение по производству и продаже мужской и женской одежды различного назначения. Объединение имеет большой фирменный универсальный магазин в центре Парижа и филиалы его в Париже и других городах Франции. В центральном магазине очень широкий ассортимент мужской одежды – костюмы, плащи, пальто, форменная одежда, трикотаж, дополнения к мужской одежде, женская одежда, пошиваемая в цехе «Бель Жардиньер» и поступающая от других фирм [2, с. 30]. <...> В магазине есть секция самообслуживания, где покупатели выбирают себе изделия сами и при выходе оплачивают покупки. <...> Кроме продажи готовой одежды в фирме «Бель Жардиньер» существует патентованная система индивидуального пошива мужских костюмов по маркам, так называемая система «Бодиграф». <...> Фирма «Бель Жардиньер» имеет небольшую модельную лабораторию и одного ведущего модельера – Тед-Лапидус, который создает новые модели мужской и женской одежды. У него имеется несколько помощников. <...> Вся продукция «Бель Жардиньер» – как конфекция, так и индивидуальные заказы – имеют хороший баланс, хорошо технологически выполнены и имеют отличный товарный вид [2, с. 32].

ФИРМА «АРМАН ТИРИ» В БОРДО

Имеет фирменный магазин по продаже готовой мужской одежды, приема индивидуальных заказов на мужские костюмы и швейное

производство в одном помещении. <...> Кроме основного салона имеется 48 пунктов приема индивидуальных заказов на мужские костюмы по промышленным меркам во многих городах Франции [2, с. 37]. <...> Фирма имеет одного главного модельера и несколько конструкторов, которые работают над формой мужских костюмов и других изделий. В сезон создается 20 моделей мужских костюмов на 4-х базовых конструкциях, 20 пальто, 4 фасона брюк. <...> В салоне находятся фирменные модные журналы, по которым клиент может заказать костюм, но он может предложить любые варианты фасона по своему вкусу. В салоне имеется набор готовых костюмов разных размеров длин, фасонов в количестве 60 шт. [2, с. 38].

V. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТОРГОВЛЕ И РЕКЛАМЕ

Когда попадаешь на парижские улицы, то понимаешь, что создание модной коллекции и даже выпуск новых модных товаров – это только половина дела. Надо уметь их продать или даже заставить купить. И, как мы убедились сами, французские фирмы умеют это делать.

В наших газетах журналисты иногда печатают заметки, бичующие уродство западной рекламы, с этим столкнулись и мы. Эти «гримасы» капиталистической торговли – погоня за прибылью недозволенными средствами. Но все же, надо признать, что искусство торговли, знание психологии покупателя, умение привлечь его в магазин, обольстить его товарами во Франции находится на самом высшем уровне; и нам есть чему поучиться, что позаимствовать, в особенности сейчас, когда у нас открыта большая сеть новых магазинов, а прилавки полны товарами [2, с. 41].

Вы идете по парижской улице, не думая ни о каких покупках, но витрины, словно магниты, начинают притягивать вас к себе. Вы останавливаетесь, то у одной витрины, то у другой, и незаметно для себя оказываетесь в магазине. Из пешехода вы превратились в покупателя. <...> Магазинов много, предлагаемый ассортимент большой и разнообразный, и художник-оформитель озабочен тем, как заставить вас помнить именно его витрину, а, следовательно, и фирму [2, с. 42]. <...> Каждая фирма имеет свой стиль, свое традиционное оформление, покупатель уже приучен к нему, привык. И художник может предлагать новое решение оформления только в границах этого стиля. <...> В Париже нет двух сходных витрин, как это бывает у нас. Витрины ГУМа, ЦУМа и многих других магазинов ничем по существу не отличаются друг от друга

и создают однообразие, которое никак не привлекает покупателя. <...> Оформление витрины, как правило, меняется каждый месяц. Кроме того, дважды в год происходит полная смена ассортимента и колорита – осенью и весной. За ночь витрины получают новый наряд, а с ним вместе и новую модную линию и модный цвет. К концу сезона происходит широкая распродажа вещей по сниженным ценам и, к примеру, летом вы не найдете в магазинах зимних вещей – ждите осени [2, с. 43]. <...> Обращают внимание товары, т.е. вид всех товаров. Французская фирма готова ставить любое количество людей для проверки качества, только бы не допустить жалоб покупателя на качество. Продумана система обслуживания. <...> Следует отметить одну особенность модной промышленности Франции: при массовом пошиве одежды или обуви, они выпускают их небольшими сериями, добиваясь удивительного разнообразия ассортимента, и что не маловажно, в большом разнообразии цен [2, с. 44]. <...> Художники-конструкторы стремятся предугадать желания своих будущих покупателей, за это их держат. <...> Перед сном вы гуляете по ночному Парижу. Световая реклама. Но ничего кричащего, вся она выдержана в одном колорите. Наверное, у них есть какой-нибудь дирижер, который регламентирует фантазию художников и направляет ее в единое русло [2, с. 46]. Вы любуетесь ею и невольно запоминаете и название фирм, и новые товары, и фирменные знаки. Торговля цепко держит вас в своих руках и днем и ночью.

ВЫВОДЫ

Самым интересным и поучительным при изучении работы парижских фирм можно считать решение всех организационных вопросов, связанных с четкой сменой моды по сезонам в тканях, одежде и дополнениях, а также очень высокое мастерство, которым обладают специалисты.

Двухступенчатая мода позволяет промышленности Франции легко переходить от уникальных экземпляров к серийному выпуску. При этом первые образцы всегда стоят дороже. Эта система распространяется на все виды изделий.

Все вопросы эстетического и экономического порядка решают люди, заинтересованные в процветании фирмы – художник и руководитель фирмы. На них лежит вся ответственность, поскольку художественных советов не существует. Художник занимает ведущее место в работе фирмы. Должность главного художника,

очень ответственную и высоко оплачиваемую, занимает чаще всего сын, дочь или брат главы фирмы (фирмы: Люсер, Журдан, Бьенкини-Ферье, Скандаль).

Как правило, моделирующая организация, магазин и производство объединяется в одну фирму. Как правило, моделирующие дома продают свою продукцию в моделях или маленьких сериях.

Все моделирующие организации работают не только над одеждой, но и над всем комплексом сопутствующих ей предметов, или, создавая их у себя, или заказывая другим фирмам (обувь, сумки, шарфы, белье и т.д.). Каждый сезон выпускаются новые коллекции всех товаров, которые всегда можно купить или заказать. Все модели и товары прошлого сезона снимаются и быстро распродают [2, с. 48].

Ни одна фирма не выпускает ни одной модели для направления или для показа, все предметы сделаны на основе реального сырья и продаются.

В текстиле поражает величайшее разнообразие цвета, структур и рисунков при четкой смене ассортимента каждый сезон. Особое внимание уделяется колористике. Каждая коллекция имеет большое количество светлых тканей, что активизирует сбыт и является экономически выгодным для предприятия.

Организация рекламы и пропаганды включает в себя громадную армию работников – художников и журналистов. Большое внимание уделяется оформлению витрин и упаковке. Каждый товар предлагается в большом разнообразии оформления и цен (так, например, зонтики стоят от 15 до 250 франков).

Для швейной промышленности характерны: четкая смена выпуска изделий по сезонам; выпуск женской одежды малыми сериями, что дает огромное разнообразие; на крупных предприятиях, осуществляющих выпуск массовых тиражей изделий, применение большого количества спецмашин и прессов (до 200 на одном процессе).

В работе всех предприятий следует отметить великолепную организацию производства, четкую отчетность, реальный план выпуска, обеспеченный необходимым сырьем [2, с. 49].

Примечания

1. *Российский* государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф.5 «Аппарат ЦК». – Оп. 43 «Отдел промышленности товаров широкого потребления и продовольственных товаров ЦК КПСС». – Д. 77. – Л. 1.
2. *Российский* государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф.523 «Общесоюзный Дом моделей одежды МЛП СССР». – Оп. 1. – Д. 205. – Л. 1-58.
3. *Российский* государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф.9480 «Государственный комитет по науке и технике Совета Министров СССР». – Оп. 3. – Д. 1417 «Переписка с министерствами, ведомствами и другими организациями по вопросам заграничных командировок во Францию». – Л. 80-83.

The Pavlovs merchants: From the history of hotel**business in Kharkiv**

Michael Protsenko

All saints can do miracles, but few of them can keep a hotel [5, p. 175].

Mark Twain

Hospitality industry occurred in Kharkiv at the same time with famous fairs (the Uspenskaya Fair, the Kreschenskaya Fair, the Troitskaya Fair) dating back to the end of the 17th century. Primarily there were inns, wayside inns and rooming houses. Concerning this issue, our city was like hundreds of other cities in Muscovy. The demand for overnight stays for all visitor merchants and trade representatives increased with the development and growth of trading. In this way we examine increasing number of similar houses until the first comfortable temporary lodgings for fellow-countrymen and foreigners occurred at the end of the 18th and in the early 19th century. Before the emergence of hotels there were in between lodgings entirely separated from the joint landlord houses. Merchant class representatives, foreign nationals and wealthy commoners were initiators of such kind of management as hospitality business.

Hotel demand in Kharkiv had been increasing for decades up to the early 19th century because of the flows of foreigners (in the context of the University opening, professors, artisans and other classes) who had stiff requirements for their more or less long stays. Under these conditions hotels in Kharkiv had been built right before they were constructed in other cities of Slobodskaya Ukraina. Kharkiv hotels matched the level of gubernial city.

Historically the largest hotels were city centers: fair malls, public places, the University. These objects were located close to each other in the area covered by Universitetskaya Gorka and Podol nowadays (the Dzerzhinsky District and the Kievsky District).

One of the largest hotels of the time later became known as "Grand Hotel" was built on the border of Podol and at the bottom of

Universitetskaya Gorka, not far from the confluence of Kharkiv and Lopan rivers. The building (architect is unknown) was constructed by Nikita Pavlov, son of the trading house founder [4, p. 75]. At a definite stage of the city's development this construction became a business center in Kharkiv. In front of the building there was a milestone, a special direction sign, where the upland aristocratic district and the trading quarter merged. "The Pavlov's" column was only removed in the 1920s because of the blocking road traffic [30, p. 105]. The modern department store with its distinctive title "Tsentralny" is a specific reminiscence, the model of a famous trading house and the hotel located close to the place where before the Great Patriotic War "Grand Hotel" was situated (original name – Hotel "Evropeiskaya"), during Soviet times - Hotel "Spartak".

The building was unique: it housed not only a store but there were enough rooms for theatre troupes (for instance, F. G. Berger's theatre troupe, an Austrian national from the Maly Theatre, who established opera in Kharkiv and Kyiv) [17, 200-201]. Opera performances were conducted by the composer K. P. Vilboa. It is important to note that the Pavlov's merchants were related to French operettas. In 1872 S. D. Kondratyev bought the part of the yard for the theatre from the merchant Pavlov along Konny lane (B. Khmel'nitsky lane nowadays).

A number of events have been connected with this hotel for more than a lapse of a hundred years. For example, during the First Russian Revolution in 1905 the demonstration on 11th of October took place when armed engine workers dispersed armed monarchists anti-Semitic group from the Union of Russian People while moving to Universitetskaya Gorka to destroy strongholds built by workers and students. Having supported workers' public speaking, soldiers of the Kharkiv garrison raised demands on military command representatives on the square, 23rd of November 1905. During the Russian Civil War it is "Grand Hotel" where the headquarter of the Volunteer army was located, where the high ranks of Denikin's forces were stayed, in front of the building where the delegation of Russian manufacturers headed by Ryabushinsky handed a golden sabre to General May-Maevsky, where A. I. Denikin gave the order to his forces to attack Moscow. It is worthy of note that the hotel itself has been rebuilt and modified over the years.

A new kind of hospitality business had a unique feature such as market incorporation. If inns were earlier like bastions encircled by squares, the largest fairs in the form of stalls, corn-chandler's shops and

other temporary points for trading were held in the south of the Russian Empire, nowadays a fair was integrated with a hotel. There was a huge store on the ground floor. Occasionally, money turnover was one million silver rubles (those days one could live on a ruble a week). We examine similar incorporation of stores and hotels in the largest centers of the Russian Empire like in Saint Petersburg (Gostiny Dvor Department Store), in Odessa (Odessky Passage) and in others.

Nowadays hotel business tends to integrate own hotel services (accommodation, meals and so on) providing a wide range of other services (beauty salon, fitness center, swimming pool, car-parks etc).

The initiators of "Grand Hotel" were the Pavlov's merchants. This hotel became the architectural landmark of the trading house and also one of the architectural landmarks of the city. It covers a broad range of interests from Saint Petersburg to the Crimea. The hotel founders were opportunistic and administrative. They search for modernity, know consumer preferences and how to conduct a successful business. Their sales representatives can be found in every part of European Russia. They belonged to the Old-Believer merchant family in the Moscow governorate and their background could affect the type of their business.

The Pavlovs came from the Kolomna district of the Moscow governorate. At the XVII century Kolomna merchants promoted from their circle a number of eminent manufacturers who have expanded their activities in many cities of the Russian Empire. At the beginning of the XIX century the Pavlovs family representative, Akym Isaiovych, moved to Kharkiv. The dynasty founder started out as an employee of one of the city trading firms. He quickly started his own business, which was developing successfully and brought the significant capital and reputation to its owner. Akym Pavlov received the rank of the third guild merchant. In a short time he bought a candle factory and a soapery.

At the end of the thirties of the XIX century, as soon as they have homed in Kharkiv, the Pavlovs built a grandiose house with an eye-catching balcony on the second floor. Even in the early twentieth century Academician Dmytro Bahalii considered this building as the best one in the city. The hotel façade was facing one of the biggest city squares, decorated by the only one for that period triumphal arch; and the opposite side windows looked up on the river Lopan, which was much full-flowing at that time than today.

Since its founding, the hotel became one of the key points of transportation routes (horse tram, tram, taxi, etc.).

Evidently, the familiarity with metropolitan forms of the trade handling, and hotel business helped Akym Pavlov and his heirs, who quickly climbed the merchant's career and reached the first merchants guild, to find the right milestones in the fast-growing Sloboda Ukraine capital. Akym Isaiovych's heirs became hereditary honorary citizens. Pavlov and his children received numerous medals and other decorations from the government. The family gathered one of the best in the Russian Empire collection of Old Believers books and icons (its fate is not known). The Pavlovs' dynasty commercial ethos, as well as other leading Kharkiv entrepreneurs' ones, are still waiting for researchers.

There were other merchants, burghers and nobles with the Pavlovs surname in Kharkiv. Their relationship with A. I. Pavlov and his descendants is difficult to establish. The most energetic of Akym Isaiovych's children, Nikita, died in Germany in Aachen (North Rhine - Westphalia).

The Old Believers Pavlovs (Akym Isaiovych, his wife, children and nephews) were energetic and carried out charity work (helped to the Kharkiv benevolent association, the Prison Committee, and other organizations). According to the contemporaries (O. F. Reinhardt and others), Pavlov and his descendants were honest and hardworking.

At the proper for the city moment, they offered the services of immediate interest: "firm" (fixed) prices in the store that were still considered as unheard innovation; "European service" (a change could be not recalculated); minor, "fancy" services. Despite the excellent, quality service, there always were shopping lines at the store. Buyers, standing in a queue, were offered free candy, nuts and cigarettes. The merchants Pavlovs also refused from the touting to their stores, usual for that time [16, p. 34]. Employment of special tout workers, who often persistently offered goods and services, was common for large shops of the period. Definitely, the upper classes representatives seldom looked into such shop, and left this opportunity to their servants.

The entrepreneurs cared for availability of brand-name goods, which were the differential peculiarity of their store chain trade. Since the range of the entrepreneurs family interests was wide enough: from the hardware goods (paint materials and other chemical products) to spices and sweets, the Pavlovs also had their priorities in every branch to provide the balance of competitive advantage.

According to some authors, "merchants from other cities, who owned the best part of the circulating capital, were considered as Kharkiv trade

engines. Kharkiv was the connection point of Great Russian (chiefly, Moscow) merchants with New Russian ones (i.e. from the southern provinces); it was a kind of transshipment base, the place where the most important tradings were started, but not finished" [15, p. 95-96].

The dynasty representatives (three generations) were well aware that the image of their trade enterprises made up from numerous factors, and did not neglect the slightest detail. Special atmosphere of "Pavlovian" stores included a combination of such seemingly distant from each other principles as democratism and aristocraticism. Democratism, for example, lied in the fact that at proper time wealthy entrepreneurs themselves sold over the counter, and aristocraticism was in production of sweets that were sold even at the court. Pavlovian, so called "tsarist spice cake", was especially popular in many regions of the empire.

They did not ignore advertising, but on the contrary gave an example of such activity to other Kharkiv negotiants. Advertisements about goods and services for Kharkiv citizens and city visitors were constantly placed in local periodicals. It is enough to look through Kharkiv editions of the time to make sure of it first-hand [23, 24, 27 etc.]

The activity of Pavlovs family merchants in the city could be confidently called "the era of the Kharkiv entrepreneurship development." It is reflected at the numerous Kharkiv place names. Kharkiv City Council decision from 2013 to return the name "Pavlovian" to one of the central city squares became the eloquent testimony of the fact [13].

In addition to the fashionable "Grand Hotel", other Pavlovs' shops, stores and warehouses were located on the square, mostly on the contemporary trading house "Pavlovian" place.

Unfortunately, the unique building, in honor of which the square itself gained the name "Pavlovian" [12, p. 123], was destroyed during the Great Patriotic War. The place of its location remained blank.

To sum up our insight, we can say that just Saint Petersburg and Moscow cherish the memory of the "Eliseevian" stores, Moscow preserves the memory of the "Filippovian" bakery, in Kharkiv the memory of generations keep the "Pavlovian" shop and "Grand Hotel".

Kharkiv business history began to attract attention only during its so called "second birth", i.e. from the beginning of the nineties of the last century, with the increasing interest to the activity of H. O. Alchevsky and P. I. Kharytonenko, M. Kh. Helferych and N. F. von Ditmar, and other Kharkiv entrepreneurs.

It follows not only the topicality of this business history direction,

but also its feature, which is that the history of entrepreneurship needs to be "entered" at the already created scheme of the city history, which represents the political, cultural, and social parts of the city life, given fully and in detail by several generations of historians. The history of hotels is a "white spot" at the history of Kharkiv entrepreneurship until our time. Meanwhile, the previous eras experience could help today, when the hotel business is becoming one of the leading service industries right before our very eyes.

Bibliography

1. *Альбом планов городских домов, бывших В. И. Пашенкова-Тряпкина* / Изд. хоз. отд-ния Харьк. гор. управы. – Х., 1906. – 35 с.: табл.
2. *Гусев А. Я.* Харьков. Его прошлое и настоящее: Ист. справ., путеводитель / А. Я. Гусев. – Х., 1902. – 260 с.: схем.
3. *Гутовский А. В.* Жилищный вопрос в Харькове / А. В. Гутовский. – Х., 1918. – 24с.
4. *Дьяченко Н. Т.* Улицы и площади Харькова (Из истории города) / Н. Т. Дьяченко / Ред. Г. И. Сукач, С. А. Павлов. – 2-е изд. – Х., 1966. – 280 с.
5. *Душенко К. В.* Большая книга афоризмов. – Изд. 8-е, исправленное. – М., 2004. – 1056 с.
6. *Ижицкий Г. В.* Харьков в газетном репортаже и рекламных объявлениях / Г. В. Ижицкий. – Х., 2011. – 126 с.
7. *История города Харькова XX столетия.* – Х., 2004. – 687 с.
8. *Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т.* / Голов. редкол.: П. Т. Тронько та ін. – К., 1967. Харківська область / Редкол. тома: М. А. Сіроштан (голова редкол.) та ін. – 1967. – 1002 с.: ілюстр.
9. *Касьянов О. М.* Харків: історико-архітектурний нарис / О. М. Касьянов. – К., 1956. – 22с.
10. *Лейбфрейд А. Ю.* Архітектурне життя Харкова першого півторадесятиріччя XX століття / А. Ю. Лейбфрейд // *Позиція.* – 1994. – № 4. – С. 34-36: фот.
11. *Лейбфрейд А. Ю.* Доходные дома и особняки [в Харькове в начале XX века] / А. Ю. Лейбфрейд // *Позиция.* – 1994. – № 4. – С. 89-93: фот.

12. *Лейбфрейд А. Ю., Полякова Ю. Ю.* Харьков. от крепости до столицы: Заметки о старом городе / А. Ю. Лейбфрейд, Ю. Ю. Полякова. – Х., 2008. – 335 с.
13. *Міська комісія з питань топоніміки та охорони історико-культурного середовища.* Засідання № 14, листопад 2013 р. – С. 1.
14. *Михайлов Г., Бысов В., Зильбергер В.* Харьков. Kharkov / Г. Михайлов, В. Бысов, В. Зильбергер. – Х., 2013. – 192 с.
15. *Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст. : Описово-статистичні джерела / АН УРСР. Архіограф. комісія та ін. Упоряд. В. О. Пірко О. І. Гуржій; Редкол. П. С. Сохань (відп. ред.) та ін. – К., 1991. – 224с.*
16. *Остапенко В. В.* Харьковские миниатюры / В. В. Остапенко. – Х., 2012. – 240 с.
17. *Парамонов А. Ф., Титарь В. П.* Материалы к истории Харьковского театра / А. Ф. Парамонов, В. П. Титарь. – Х., 2007. – 280 с.
18. *Плотичер Е. А.* Слово о родном городе / Е. А. Плотичер. – Х., 2009. – 200 с.
19. *Спутник приезжающего в Харьков.* – [М.]: Транспечать, б. г. – 24 с. – (Юж. агентство, Харьков).
20. *Статистический справочник по Харьковской губернии (репринтное издание).* – Х., 2007. – 232 с.
21. *Харьков в зеркале мировой литературы.* – Х., 2007. – 399 с.
22. *Харків: збірник архівних документів і матеріалів.* – Х., 2004. – 320 с. з іл.
23. *Харьков: путеводитель для туристов.* 3-е изд. – Х., 1915. – 178 с.
24. *Харьков: справочник для приезжих и коммерсантов.* – Х.: Тип. Шепшелевича, б. г. – 32 с.
25. *Харьков: справочник по названиям: 7000 улиц, площадей, скверов, районов...* – Х., 2011. – 432 с.
26. *Харьковские губернские ведомости.* – 1838–1917.
27. *Харьковский календарь на ... год.* – Х., 1901–1917. [В календарях за 1901, 1902 ... 1917 годы содержатся справочные материалы о Харькове].
28. *Харьковский ремесленный и торгово-промышленный путеводитель.* – Х., 1900. – 70 с. разд. паг.

29. *Чехов А. П.* Полное энциклопедическое собрание сочинений / А. П. Чехов. – М., 2005. – С. 186-187.
30. *Шкодовский Ю. М., Лаврентьев И. Н.* Харьков вчера, сегодня, завтра / Ю. М. Шкодовский, И. Н. Лаврентьев, А. Ю. Лейбфрейд, Ю. Ю. Полякова. – Х., 2002. – 206 с.
31. *Южный край.* – 1900–1917.
32. *Яновський Л.* Харківський університет на початку свого існування (1805–1820) / Л. Яновський. – Х., 2004. – 508 с.

Переосмысливая историю американско-советского экономического сотрудничества в 1920-1930-е гг. Рецензия на книгу Б. М. Шпотова «Американский бизнес и Советский Союз в 1920 – 1930е годы. Лабиринты экономического сотрудничества». – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 320 с.

Не вызывает сомнения научная актуальность книги Б. М. Шпотова. И дело не только в том, что это одна из немногих книг по проблеме советско-американского экономического сотрудничества 20–30-х гг. XX ст., вышедших за последние несколько десятилетий. Дело в другом. Практически все постсоветские страны остро нуждаются в притоке крупных иностранных инвестиций, новейших технологий, освоении новых рынков. В условиях мировой глобализации национальной экономике без этого просто невозможно выжить, а тем более выйти в число высокоразвитых стран мира. Это делает востребованными исследования такого рода, которые обобщают и критически осмысливают исторический опыт подобного сотрудничества, анализируют позитивные и негативные факторы его развития.

Исследование Б. М. Шпотова позволяет в определенной степени восполнить имеющийся пробел в изучении данной проблемы. В советской историографии проблема иностранного капитала в годы НЭПа изучалась достаточно односторонне, схематично, с политико-идеологических позиций (так называемый «классовый подход»). Это практически исключало объективное и всестороннее исследование проблемы иностранных концессий, их места, роли и значения в советской экономике.

Утверждалось, например, что роль иностранных концессий в СССР крайне скромная, большого влияния на развитие народного хозяйства страны иностранный капитал не имел, реальная роль и масштабы иностранной технической помощи в модернизации советской экономике либо замалчивались, либо значительно принижались. Специальных же работ, предметно рассматривавших роль американского бизнеса в советской нэповской и посленэповской экономике, вклад американских технических специалистов и инженеров в индустриальную модернизацию «страны советов» не было. Появлению таких работ в немалой степени мешала «холодная война».

© Волосник Ю., Любавский Р., 2014

**РЕЦЕНЗІЇ,
ОГЛЯДИ,
ПОДІЇ**

Практически ничего не говорилось об иностранных концессиях в Украине («не получили развития»). Всячески подчеркивалась роль эндогенных (т.е. обусловленных внутренними причинами) факторов в осуществлении модернизации в условиях «капиталистического окружения страны». Лишь в годы «перестройки» ситуация начала меняться в сторону более реалистических и адекватных оценок места и роли иностранного капитала в СССР.

Тем более значимой является монография российского исследователя Б. М. Шпотова, полностью посвященная изучению истории американского бизнеса в Советском Союзе в период новой экономической политики и на этапе сталинской модернизации советского государства. Роль американского бизнеса в советской «реконструкции» 1930-х годов практически была вне поля зрения ученых. Но без такой помощи со стороны американских деловых кругов модернизационные усилия советского руководства столкнулись бы с еще большими трудностями, преодолеть которые было бы значительно сложнее.

Внимание ученого как раз и сосредоточено на анализе и осмыслении многосторонней и значительной по формам деятельности американских бизнес-структур в СССР и тем трудностям и противоречиям, которые возникали в процессе сотрудничества сторон.

Структура работы Б. М. Шпотова логична и подчинена раскрытию поставленных в монографии задач. Автор опирается на солидную источниковую базу. Это огромный массив источников, информационный потенциал которого трудно переоценить. В исследовании используются организационная, делопроизводственная документация, статистические материалы, периодические издания, источники личного происхождения. Это позволило Б. М. Шпотову раскрыть тему, внести новое в ее изучение.

Советский Союз в конце 1920-х – начале 1930-х гг., столкнувшись с необходимостью технической модернизации, охотно взаимодействовал с ведущими государствами (США и Германией), не смотря на идеологическую враждебность с ними. Трансферт идей и технологий был масштабным. По образному выражению Б. М. Шпотова «страна превратилась в грандиозную строительную площадку и школу усвоения передового промышленно-технического опыта» (с. 269). Автор детально показывает это на примере наиболее значимых для советского государства

отраслей промышленности – нефтяной и автотракторной (главы 4, 5). Сталинское руководство было заинтересовано в получении передовых технологий, новейшего оборудования, инжиниринговых услуг. В конце 1920-х гг. «учиться у Америки» было одной из главных задач экономического развития государства. Советские руководители, директора предприятий, инженеры часто были в восторге от американской модели организации производства. Некоторые из них были «прогрессорами», стремились организовать работу, учитывая новейшие достижения в организации труда, не теряя времени перенести в СССР в полном виде действующую в США технику и технологию (с. 145).

Однако если процесс трансферта новых технологий был налажен, то при их адаптации у советской стороны возникали проблемы. Слишком явной была опасность капиталистического перерождения советского завода. У американцев царил конвейер, рабочие были безгласными «винтиками», а социалистическая организация труда должна основываться на соревновании, ударничестве и сдельной оплате (с. 209). Б. М. Шпотов обращает внимание на то, что «"пересаживание" технологий и технических достижений в Советский Союз оказалось нелегким делом, в котором перемешались эффекты синергии и торможения» (с. 269). Среди факторов торможения стоит отметить нежелание советских инженеров и рабочих перенимать опыт, учиться у американцев. Причиной этого было скептическое отношение к американскому практическому опыту, поскольку советская техническая интеллигенция воспитывалась на теоретических постулатах европейской (прежде всего, немецкой) строительной мысли и не желала переучиваться (с. 302). Автор приходит к выводу, что, несмотря на весомый вклад американского бизнеса в развитие советской промышленности, говорить об американской модели организации производства в СССР можно лишь условно, имея в виду только сам принцип конвейерного производства.

Юрий Волосник, Роман Любавский

Международная конференция по бизнес-истории (Франкфурт-на-Майне, 16-17 марта 2014 года)

16-17 марта 2014 г. во Франкфурте-на-Майне на базе Франкфуртского университета имени Иоганна Гёте состоялась Международная конференция по бизнес-истории [www.worldbhc.org].

Идея проведения конференции была озвучена в 2012 г. в Париже во время очередного конгресса Европейской ассоциации истории бизнеса, и затем была поддержана Ассоциацией бизнес-историков Японии и другими региональными ассоциациями бизнес-истории. Организационные задачи взяли на себя Германское сообщество историков бизнеса (German Society for Business History) и Франкфуртская школа бизнеса.

В оргкомитет конференции вошли известные специалисты в области бизнес-истории, такие как Такеши Абе (экс-президент Ассоциации бизнес-историков Японии), Эндрю Годли (директор Центра изучения предпринимательства бизнес-школы Хенли, Британия), Карлос Давила (специалист по бизнес-истории Латинской Америки), Андреа Шнайдер (член Германского сообщества историков бизнеса), Харм Шретер (экс-президент Европейской ассоциации истории бизнеса), Гретель Верхоф (президент Международной ассоциации экономической истории).

На конференции было представлено 156 докладов историков бизнеса из Европы, Латинской Америки, Африки, Азии и Австралии, объединенных в 32 секции (4 заседания по 8 параллельных секций). Таким образом, программа конференции была довольно насыщенной.

Тематика докладов, представленных на конференции, затрагивала широкий круг вопросов экономической истории и истории бизнеса, рассмотренных в самых разнообразных ракурсах и хронологических рамках, на макро- и микроуровнях. Основное внимание было сосредоточено вокруг таких тем, как история бизнеса на разных стадиях глобализации; типы капитализма и особенности ведения бизнеса; история бизнеса и экономическое развитие в региональном и временном измерении; многообразие

форм бизнес-организаций – бизнес-групп, промышленных районов, картелей и малых и средних предприятий, кооперативов и т.п.; предприниматели и предпринимательские династии; история предприятий финансового, сельскохозяйственного, транспортного, туристического, образовательного секторов и проч.

Доклады были сгруппированы в секции по проблемно-территориальному принципу. Были выделены секции, посвященные «традиционным» вопросам бизнес истории: история бизнес-групп в развивающихся и промышленно развитых странах; история финансов и бизнес-история; империализм и бизнес; развитие семейного бизнеса; история товарных знаков и брэндинга и т.п. Вместе с тем, на конференции были организованы секции с необычной для подобных конференций направленностью – такие, например, как «бизнес и идеология»; «христианство и предпринимательство в глобальной экономике».

В отдельные секции были выделены доклады, посвященные истории банковского дела в Латинской Америке, истории железных дорог стран Пиренейского полуострова, истории трансфера западноевропейских технологий и ноу-хау в промышленность и банковское дело Восточной Азии и Индии. Вообще сильное представительство специалистов по истории бизнеса в Латинской Америке и Восточной Азии стало характерной чертой конференции во Франкфурте-на-Майне.

Секция, посвященная обсуждению теоретических вопросов бизнес-истории под названием «Метод или сумасшествие: действительно ли история бизнеса имеет собственную методологию исследования?» вызвала, пожалуй, наибольший интерес участников конференции. Это говорит о том, что теоретические вопросы бизнес-истории и задача определения места этого направления в системе координат общественных и экономических наук по-прежнему остаются актуальными. Дискуссию задали выступления Джоанн Йейтс (Массачусетский технологический институт) «Исторические и качественные методы исследования организаций»; Маттиаса Киппинга (Торонто), Дэна Вэджвани (Копенгаген) и Стефани Деккера (Бирмингем) «Инструментарий Клио: новое очарование историческими методами в истории бизнеса»; Дэвида Сицилия (Мэрилендский университет) «Капитализм и каузальность: исторический анализ и его конкуренты». В ходе дискуссии были затронуты важные теоретические вопросы: «каково соотношение описательной и теоретической компоненты бизнес-

истории?», «бизнес-история – это историческая субдисциплина, или часть экономической истории, или это самостоятельное полидисциплинарное направление? Если да, то в чем специфика ее исследовательского поля, методов, подходов?».

Интересный взгляд на проблему метода предложил в своем выступлении на секции Маттиас Киппинг. По его мнению, если бизнес-историки хотят быть «услышанными» в сообществах исследователей менеджмента и экономистов, то им недостаточно просто сказать «у меня есть интересные данные, сейчас я вам о них расскажу». Если исследование не предлагает новую теорию, или критикует существующую, то никому кроме историков оно не интересно. Такая радикальная позиция вызвала немало критики, но, в целом, участники дискуссии согласились с тем, что задача повышения теоретического уровня и междисциплинарности остается актуальной для бизнес-историков.

Хронологически абсолютное большинство докладов было сфокусировано на XX веке, лишь несколько сообщений касались более ранних периодов истории бизнеса. Такой дисбаланс в сторону новейшей истории является обычным явлением для конференций по бизнес-истории и объясняется, во-первых, спецификой источниковой базы, а во-вторых, институциональными особенностями направления. Дело в том, что значительная часть исследователей, специализирующихся в области бизнес-истории работает в бизнес-школах или на факультетах экономики, где отношение к истории можно охарактеризовать как крайне утилитарное: исторический опыт интересен настолько, насколько его можно использовать для определения эффективной управленческой или предпринимательской стратегии.

Официальная часть конференции завершилась в главном офисе Дойче банка. С докладом об организации архива делопроизводительной документации банка и научных исследованиях, проведенных на основе этого архива выступил Председатель совета правления Дойче банка Клеменс Бёрсиг. В заключительном докладе Президент Международной ассоциации экономической истории Гретель Верхоф от имени профессионального сообщества экономических историков и историков бизнеса поблагодарила господина Бёрсига за внимание к проблеме организации бизнес-архивов и предоставление доступа исследователям к этим материалам, а так же обозначила дальнейшие организационные планы историков бизнеса.

Подводя итог конференции, организаторы выразили надежду, что данное мероприятие станет важным шагом на пути к созданию глобального сотрудничества, которое мы уже наблюдаем во многих научных областях и направлениях. Устойчивый рост интереса к бизнес-истории и ее интернационализация будет способствовать лучшему пониманию развития мировой экономики и бизнеса.

Владимир Куликов

**Рецензія на монографію Ю. П. Волосника
«Підприємці і приватне підприємництво
в радянській державі в добу НЕПу (на матеріалах
України)»
(Харків, 2014 р.)**

Монографія професора Ю. П. Волосника «Підприємці і приватне підприємництво в радянській державі в добу НЕПу (на матеріалах України)» є результатом багаторічної праці дослідника в царині нової економічної політики, на високому фаховому рівні узагальнює широке коло проблем приватного підприємництва в радянській Україні того часу. Поява монографії актуалізує питання про наступництво та переформатування приватного сектору на теренах царської Росії в добу радянських трансформацій 20-х років ХХ ст., суспільну та суто економічну роль непівського приватного підприємництва, складне поле взаємодій владних чинників і щоденних економічних практик того часу. Аналіз означених питань та низки інших не менш важливих реалій 1920-х років, запропонований автором монографії, наближає нас до більш чіткого розуміння непу.

В пострадянській російській та вітчизняній історіографії неп став одним з найбільш обговорюваних періодів історії СРСР. В процесі кристалізації схеми радянської історії зріс ризик побачити в ньому певну однозначність, вписати неп в закономірну схему розвитку радянського суспільства, що є неприйнятним через телеологічність подібного підходу. З огляду на це поява досліджень (зокрема роботи Ю. П. Волосника), які показують неоднозначність, суперечливість, непослідовність, багатовимірність непу, пропонуючи широке коло історичного матеріалу, є важливою умовою його зваженого трактування.

Монографія присвячена підприємцям та підприємництву часів непу – об'єкту, що витворився між площинами економічного, політичного, соціального, ментального. Поєднання автором монографії історико-генетичного, історико-антропологічного методів, опрацювання теми з позицій соціальної історії дозволяє розкрити її різносторонньо і насичено.

Структура монографії Ю. П. Волосника відображає комплексний підхід дослідника до поставленої проблеми. У першому розділі

автор висвітлює процес становлення нової буржуазії в добу непу, характеризуючи історичні умови та джерела її комплектування, правові рамки діяльності підприємців, форми та способи організації справи підприємцями, причини та наслідки суспільної дискримінації непманів. У другому розділі автор, використовуючи аналіз податкової та державної кредитної політики, регламентації трудових відносин у приватному секторі, показує межі, створені державою для реалізації приватної ініціативи, зміни цих меж аж до їхнього повного звуження і виключення приватного сектора з радянського економічного простору. Ліквідації приватного підприємництва та експропріації нової буржуазії присвячено окремих, п'ятих, розділ монографії. Фактографічно та концептуально збагачують монографію третій та четвертий розділи, присвячені відповідно торгово-промислому та фінансовому підприємництву нової буржуазії.

Історичні факти, узагальнені виклади, висновки монографії спираються на значне коло історичних джерел, враховують різні історіографічні підходи до тих чи інших проблем.

Принциповою позицією монографії є повсякчасна характеристика автором методологічних проблем, пов'язаних з обробкою статистичних матеріалів. Такий підхід застерігає від довільного трактування, співставлення, одностороннього вилучення без попередньої критики джерел певних показників, дає читачам монографії необхідний інструментарій для більш повного розуміння значення тієї чи іншої цифри чи динамічного ряду.

Не менш важливим за цифри в темі приватного підприємництва непу є усталене, обгрунтоване використання термінів. Через порушення дореволюційних соціальних структур, декласованість суспільства воєнним комунізмом та низкою подальших заходів, суспільство 1920-х важко фіксувати в чітких соціальних дефініціях. В ситуації умовності певних термінів автор монографії вдається до лапкування та пояснень еволюції низки принципових термінів (радянська буржуазія, нова буржуазія, непмани тощо), пояснює свою позицію щодо вживання того чи іншого означення. З дослідження випливає, що всі перелічені вище терміни були щодо підприємців означеннями зовнішніми. Цікавою в цьому контексті була би спроба дослідити формування ідентичностей всередині цього неоднорідного прошарку підприємців.

Незважаючи на широкі порівняння між впровадженням непу на теренах радянської держави, узагальнюючі характеристики

непу, зауважимо, що монографія професора Волосника перш за все спирається на матеріали радянської України. Така позиція автора в котрий раз ставить питання про місце УСРР в економіці радянської держави, особливості реалізації непу в Україні, проблему взаємодії союзного та республіканського центрів, залучає до вивчення непу регіональні історичні матеріали. Але разом з тим тяжіння предметного поля до українських радянських реалій 1920-х перешкоджає побачити неп в його «єдності та різноманітті», а отже повноцінно оцінити його як феномен.

Одна зі значних переваг монографії полягає у тому, що упроваджені до наукового обігу матеріали показують суспільство часів непу не лише як об'єкт політичної волі, але і як активного актора. Чисельні приклади демонструють реакції населення на проблеми часу, практики пристосування / адаптації / виживання підприємств в умовах непу. Очевидно, що для прочитання історії підприємств через призму «людини в суспільстві» чи не найкращим інструментом були би case study, багатий матеріал для яких ми знаходимо в монографії Ю.П. Волосника. Маємо надію, що цей підхід вже найближчим часом актуалізує для широкого загалу низку реалій непувської доби.

Антоніна Скиданова

Інформація про авторів

Бацак Наталія Іванівна – канд. іст. наук, старший науковий співробітник Інституту історії України НАНУ, batsak {at} mail.ru

Беліков Юрій Анатолійович – канд. іст. наук, доцент кафедри історії і культурології Харківського національного університету міського господарства імені О.М. Бекетова, urabel {at} mail.ru

Венгер Наталія Вікторівна – докт. іст. наук, професор, завідувач кафедрою всевітньої історії Дніпропетровського національного університету, nataliyavenger {at} yahoo.com

Волосник Юрій Петрович – докт. іст. наук, професор історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, history {at} karazin.ua

Дейнеко Сергій Миколайович – канд. іст. наук, старший науковий співробітник Харківського історичного музею, deineko.s {at} yandex.ru

Константінова Вікторія Миколаївна – докт. іст. наук, професор, директор Науково-дослідного інституту історичної урбаністики, VNKonst {at} ukr.net

Корнієнко Ольга Вікторівна – магістрант історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, ol4ik.sunshine {at} gmail.com

Куделко Сергій Михайлович – канд. іст. наук, професор історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, kudelko_sm {at} mail.ru

Куліков Володимир Олександрович – канд. іст. наук, доцент історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, kulikov {at} karazin.ua

Лиман Ігор Ігорович – докт. іст. наук, професор, завідувач кафедри історії України Бердянського державного педагогічного університету, Lyman {at} ukr.net

Лисенко Майя Станіславівна – канд. іст. наук, доцент Харківського національного університету міського господарства ім. О. М. Бекетова, reginochkal {at} ukr.net

Любавський Роман Геннадійович – канд. іст. наук, завідувач Навчальної лабораторії історичної інформатики, викладач кафедри історії України Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, lubavsky{at}mail.ru

Моргун Олег Володимирович – аспірант Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, ov.morgun{at}gmail.com

Москалець Владислава Костянтинівна – аспірантка Українського Католицького університету, moskalets.vladyslava{at}gmail.com

Попов Олексій Дмитрович – канд. іст. наук, доцент кафедри суспільних наук Кримського економічного інституту ДВНЗ «Київський національний економічний університет ім. Вадима Гетьмана», popalex79{at}mail.ru

Проценко Михайло Володимирович – заступник директора Центра краєзнавства імені академіка П. Т. Тронька Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, mishel-777{at}yandex.ru

Скиданова Антоніна Вікторівна – кан. іст. наук, вчитель Харківської гімназії №116, skidanova.ua{at}mail.ru

Скубій Ірина Володимирівна – канд. іст. наук, викладач Харківського національного технічного університету сільського господарства імені Петра Василенка, irinaskubij{at}ukr.net

Скубневський Валерій Анатолійович – докт. іст. наук, професор кафедри вітчизняної історії Алтайського державного університету (Барнаул, Російська Федерація), koi{at}hist.asu.ru

Шандра Ірина Олександрівна – канд. іст. наук, доцент кафедри історії України ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка», докторант Донецького національного університету, shandra08{at}mail.ru

Список скорочень

ВАО «Интурист» – Всесоюзное акционерное общество по иностранному туризму в СССР «Интурист»

ВУЦВК – Всеукраїнський Центральний Виконавчий Комітет

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области

Губміліція – Управління губернської робітничо-селянської міліції

Губфінвідділ – губернський фінансовий відділ

ДАХО – Державний архів Харківської області

ДПУ – Державне політичне управління

МОК – Международный Олимпийский Комитет

РГИА – Российский государственный исторический архив

ХТСГ – Харківське товариство сільського господарства і сільськогосподарської промисловості

ХЦРК – Харківський центральний робітничий кооператив

ЮРСХГ – Южнорусская сельскохозяйственная газета

Наукове видання
ВІСНИК
Харківського національного університету
імені В. Н. Каразіна

№1134

**Серія «ІСТОРИЯ»
Спеціальний випуск**

Українською, російською та англійською мовами

Відповідальний за випуск

Куліков В. О.

Комп'ютерне верстання М. В. Гречишкіна
Макет обкладинки І. М. Дончик

Підписано до друку 27.06. 2014. Формат 60×84/16.

Папір офсетний. Друк ризографічний.

Ум. друк. арк. 12,34 Обл.-вид. арк. 12,34 Тираж 100 пр.

61022, Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені
В. Н. Каразіна

Надруковано: Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, Харків, майдан Свободи, 4
Тел. 705-24-32

Свідоцтво суб`єкта видавничої справи: ДК№3367 від
13.01.09